С. Н. Чухлеб, Д. Е. Краснянский

КОММЕНТАРИИ К МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОМУ ПОНИМАНИЮ ИСТОРИИ

(критический очерк)

«Кто имеет уши слышать, да слышит!»
Евангелие от Луки.

Введение.

Марксизм – тема, способная в наше время «погубить» даже самую гениальную статью или книгу. Это крайне немодная тема. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в любой ведущий философский журнал. При чтении оглавления подобного журнала возникает подозрение, что такое философское направление как марксизм вообще не существует.

Но странным образом, эта «немодность» резко контрастирует с состоянием умов большинства российских интеллектуалов. Конечно, ведущие философские круги предаются всевозможным увлечениям «современными» философиями и совершенно не вспоминают о марксизме.[1] Но человек, знакомый, например, со средой вузовских преподавателей, подтвердит, что марксизм – тема, здесь крайне актуальная. Условно можно выделить три позиции, характерные для этого круга интеллектуалов: некритическое, «религиозное» восприятие марксизма; признание эвристической ценности марксизма с констатацией необходимости его адаптации и реформирования; резкое отторжение марксизма. И подобное положение вещей не случайно – большинство из них люди, родившиеся до 1970 года, а, следовательно, сформировавшиеся в атмосфере идеологического господства марксизма.

Можно было бы привести примеры и из других областей: политической, ментальной, социокультурной и т. д. Но уже и этот пример вполне способен

[1] К слову сказать, подобная увлеченность современными идеями воспринимается авторами положительно.

объяснить, почему мы считаем марксизм темой актуальной. И хотя, нас терзали сомнения – достаточно очевидно, что этот текст не пожелают печатать большинство изданий – мы всё же сочли необходимым вновь исследовать этот предмет. К этому нас побуждают и личные потребности.

Авторы интеллектуально сформировались в лоне советского марксизма. И всегда отдавали должное этой философии. Но крах её идеологического господства восприняли крайне положительно. Облегченно вздохнув, они обратились к детальному изучению немарксистской философии. Но марксизм всегда оставался для них основной парадигмой мышления. Причем, за эти 15 лет интеллектуальной свободы мы время от времени обнаруживали пункты, в которых эта парадигма должна быть реформирована. Таким образом, данный текст является определенным итогом этих размышлений. Мы ни в коей мере не надеемся сказать последнее слово в дискуссии о марксизме, но весьма рассчитываем на существенный положительный вклад в неё.

И мы полагаем, что сегодня существуют определенные теоретические предпосылки для успешного выполнения этой работы. Во-первых, общепризнанно, что масштабные идеологические явления лучше осмысливаются на определённой исторической дистанции. А подобная дистанция уже, в некотором роде, существует. Во-вторых, достаточно уверенно можно констатировать, что в 90-е годы XX века в России происходит определённая смена ментальных парадигм. Если ранее можно было говорить о преобладании «монологической» ориентации в российской, советской культуре, которая отражалась во всех областях жизни общества и, естественно, в сфере науки, то ныне вполне уместно говорить о формировании «диалогического» сознания. Это позволяет рассмотреть и оценить марксизм в общефилософском, общенаучном контексте. В-третьих, сформировавшаяся атмосфера научной свободы позволяет более вдумчиво, более критично отнестись к ряду марксистских идей, которые в прошлом представали в статусе абсолютных истин.

Мы рассматриваем нашу работу как критический очерк марксизма и, в частности, материалистического понимания истории. В силу этого наше рассмотрение его проблем имеет в некотором роде «беглый» характер. Это неизбежно. По любой проблеме, заявленной в этой книге, можно написать, и написаны сотни и тысячи монографий. Соответственно, если бы мы поставили

себе целью обстоятельно рассмотреть каждую проблему в отдельности, то труд наш растянулся на всю жизнь и вылился бы в десятки томов. Нашей же задачей является анализ марксизма как целостной системы и попытка решить отдельные его проблемы посредством корректировки основных методологических принципов. Кроме того, мы стремимся не предъявить научной общественности фундаментальный труд, претендующий на окончательную истину, но обозначить основные проблемные области марксизма и предложить возможные пути их решения, с тем, чтобы именно сегодня активизировать научные поиски в этом направлении.

В связи с жанром очерка нам пришлось существенно ограничить аппарат ссылок. Мы не осуществляли специальных обзоров позиций по тому или иному вопросу и ссылались лишь на те книги, которые непосредственно использовали в тексте. Поскольку наша работа рассчитана на специалистов, мы уверены, что они в курсе литературы по данному вопросу.

Кроме того, тот же жанр очерка определил характер нашего стиля. В нем есть некоторые элементы публицистичности. Мы тем более охотно позволили себе это, поскольку полагаем, что современный отечественный научный стиль чрезмерно сух и обезличен. Подобная обезличенность невольно внушает отдельным ученым мысль, что они всего лишь медиумы, которые транслируют одни лишь абсолютные истины. К тому же, помнится, К. Маркс и Ф. Энгельс не чурались живого слова даже в самых глубоких своих теоретических работах. Мы последовали их примеру в надежде, что та снисходительность, с которой современные марксисты относятся к стилю классиков, будет распространена и на нас.

Мы сочли полезным сопроводить основной текст книги некоторым методологическим приложением, написанным одним из авторов, в котором хотели бы высказаться относительно эпистемологических опасностей обсуждаемой темы. Приложение написано в несколько нетрадиционном стиле. Но мы сочли это допустимым. Каноны научного текста – вещь прекрасная, но время от времени их необходимо расшатывать, с тем, чтобы не возникало иллюзии, что традиционно-научная форма изложения есть абсолютная гарантия истины.

Мы не будем оригинальны, если признаем материалистическое понимание истории одной из самых лучших парадигм социального познания за последние два столетия. Но вместе с тем, необходимо признать, что материалистическое понимание истории нуждается в существенных коррективах, как в плане отдельных элементов теории, так и в плане некоторых концептуальных положений.

Это необходимо в силу ряда обстоятельств.

Во-первых, марксизм как научная теория существует как минимум 150 лет, для научной теории это изрядный срок. История науки убедительно показывает, что за это время любая теория либо оказывается опровергнутой, либо претерпевает ряд существенных переформулировок. К слову сказать, ровесник марксизма – дарвинизм за это время кардинально изменился. Теория эволюции XIX века как небо и земля отличается от современной эволюционной концепции. И это вполне естественно для научной теории. Тем более это справедливо для теории парадигмальной, поскольку задача парадигмы не только служить образцом, но и провоцировать возникновение новых идей.

Но странное дело, за всё время существования марксизма, он не претерпел изменений ни в целом и не в своих частях. Конечно, догматики от марксизма утверждают, что эта стабильность есть следствие удивительной истинности «священного учения». Но для всякого здравомыслящего и стремящегося к объективности человека это больше всего напоминает религиозное учение, одним из основных постулатов которого является его неизменность.

Как бы некоторым не хотелось превратить марксизм в религиозное учение на манер конфуцианства, мы, всё же, рассматриваем его как научную теорию. И с этой точки зрения констатируем, что гигантский прогресс социального познания в XX столетии не нашел отражения в марксизме.

За это время история, психология и экономическая наука колоссально продвинулись в понимании человека и общества. Например, историческая наука конца XIX века являет удручающую наивность – целые пласты социальной жизни, целые исторические эпохи были вне поля её зрения. В этом отношении можно только восхищаться гениальностью Маркса, который, базируясь на столь скудных данных смог сформулировать положения, значимые и сегодня. Конечно, его теория есть во многом экстраполяция новоевропейского

цивилизационного опыта на всемирную историю. И эта экстраполяция оказалась удачной. Но всё имеет свои границы.

Кроме того, в постмарксову эпоху возникли социология, антропология, культурология и многие другие научные дисциплины. Они революционно изменили наш взгляд на человеческий мир. Да, Маркс был гений, но не до такой же степени, чтобы предусмотреть в положениях своей теории открытия этих наук!

Во-вторых, мы должны констатировать катастрофически увеличивающееся отставание марксизма не только от эмпирии науки, но и от методологии. Классическая методология времен Маркса не столько отвергнута, сколько снята современной наукой. Разработаны достаточно эффективные методы и подходы к социальной реальности, неизвестные во времена Маркса. «Неизменный» марксизм оказался за рамками современной методологии.

Помимо этого, наука XIX века была весьма нечувствительна к наличию в исходных посылках теории культурных, политических, этических, экзистенциальных доминант. И это мягко сказано! По большому счету она вообще об этом ничего не знала. В некотором роде Маркс был первым, кто инициировал своей теорией «превращённого сознания» исследования в этой области. Но сам воспользоваться её плодами не смог, так как главные открытия были сделаны после его смерти.

Соответственно, с точки зрения современной методологии, марксизм является теорией глубоко не свободной от субъективных доминант, что естественно порождает существенные искажения.

В-третьих, как справедливо заметил сам Маркс – жить в обществе и быть свободным от общества невозможно. Следовательно, взгляды любого социального ученого во многом детерминированы современным ему общественным опытом. Безусловно, этого не избежал и Маркс. За прошедшие сто лет общественный опыт радикально изменился. Но мы всё ещё продолжаем использовать теорию, в которой выражен общественный опыт XIX века. Для ученого начала XXI века это положение вещей недопустимо.

Таким образом, мы должны констатировать.

Марксизм обладает массой теоретических преимуществ. И в этом отношении вполне понятно, почему так много ученых у нас и за рубежом ориентируется именно на него. Но в силу вышеописанных причин складывается

крайне удручающая ситуация, когда ориентация на классический марксизм означает ориентацию на науку XIX века. Быть марксистом значит быть отторгнутым от современной социальной науки. Мы считаем эту ситуацию глубоко несправедливой. Такая парадигма как марксизм достойна лучшего. Поэтому в этом тексте мы поставили перед собой задачу адаптировать, сохраняя, естественно, при этом парадигмальную целостность теории, марксизм к современной науке.

В нашей работе мы собираемся придерживаться следующей последовательности:

1. Хотя предметом нашего исследования является материалистическое понимание истории, но в начале мы должны будем рассмотреть некоторые философские положения марксизма. И в частности оценить влияние гегелевской диалектики на теоретическое мышление Маркса.
2. Мы должны будем определить научный статус концепции материалистического понимания истории. И определиться: к социологии или к социальной философии относится эта концепция.
3. Необходимо рассмотреть собственно марксистское понимание общественной системы в её структурном, функциональном и динамическом аспектах.
4. Затем мы намерены сделать сам марксизм предметом социально-исторического анализа и рассмотреть его как исторически обусловленное явление. Иными словами, уместно обратить теорию Маркса на анализ самой теории Маркса.
5. Любая фундаментальная социальная теория вполне приложима к насущным проблемам сегодняшнего дня. Соответственно, мы хотели бы предложить своё представление о тех выводах, которые следуют из реформированного марксизма относительно проблем современности.

В заключение должно сделать несколько процедурных замечаний.

Во-первых. В этой книге мы понимаем под марксизмом только научную теорию. Безусловно, из наших корректив марксизма следуют определенные политические выводы. Но о них мы скажем отдельно с осознанием возможной нашей несвободы от политических и ценностных доминант. Соответственно, мы готовы к критике по этому поводу.

Но большая часть нашей книги посвящена научному анализу научной теории марксизма. И в этом отношении мы рассчитываем на беспристрастное, объективное восприятие, свободное от каких-либо ценностных установок. Поэтому мы надеемся на то, что люди, относящиеся к марксизму чрезмерно положительно или крайне отрицательно, обойдут наш текст своим вниманием.

Во-вторых. Уже достаточно долго ведется полемика об аутентичности той или иной версии марксизма. Мы не хотели бы увязнуть в этой полемике.[2]

С нашей точки зрения то, что принято называть диалектическим материализмом и историческим материализмом (советский марксизм), на девяносто пять процентов аутентичен марксизму Маркса.

Кроме того, для авторов как россиян, актуальнее и ближе именно эта версия марксизма. Именно на советской версии марксизма мы и решили сфокусировать наше внимание.

Более того, именно в рамках этой версии марксизма в последнее время было достигнуто весьма многообещающее и интересное продвижение. Мы имеем в виду теории К. Х. Момджана и Ю. И. Семенова. И именно на этом фундаменте мы основываем свою попытку реформации марксизма.

Соответственно, рассуждая о марксизме, мы говорим, о теории Маркса и «советском марксизме».

И последнее, некоторые части текста выражают позицию одного из авторов или преимущественно написаны им. В этом случае они авторизованы. Мы осознаём некоторую необычность такого подхода, но надеемся на снисхождение читателя не чуждого к нововведениям.

---

[2] Различные варианты западного марксизма не вызывают у нас энтузиазма. В самом общем виде он распадается на три направления. Первое. Акцентирование на политической доктрине Маркса, её принятие как исходного пункта и последующая переработка. Соответственно философская и социальная теория Маркса принимается без особых оговорок. Второе. Ориентация на домарксистские направления и, прежде всего, гегельянство и чрезмерное усиление диалектики. Третье. Попытки реформирования марксизма посредством соединения его с различными немарксистскими направлениями как то: фрейдизм, структурализм, экзистенциализм, феноменология и т.д. Все три направления так или иначе оказываются чуждыми нашей работе. Политическую доктрину Маркса мы отвергаем как абсолютно немарксистскую (она не выдерживает критики с позиции социальной теории Маркса). Реанимация гегелевских моментов в марксизме также не принимается нами, поскольку именно эти моменты выталкивают его за пределы современной науки. Последнее направление весьма любопытно и перспективно, хотя и не безупречно. Прежде, чем соединять марксизм с другими

Глава 1. Философские основания социальной теории Маркса.

$1. Дисциплинарный статус материалистического понимания истории.

Говоря о философских основаниях социальной теории Маркса, мы, прежде всего, должны ответить на принципиальный вопрос: материалистическое понимание истории это социологическая теория или социально-философская?

Этот вопрос неизбежен в силу следующих обстоятельств:

Как известно первые два тысячелетия истории познания философия и наука были тождественны. Или вернее то, что мы называем сегодня наукой, было частью философии[3]. Фактически, так называемая научная революция Нового времени означала не только рождение науки в современном смысле этого слова, но и постепенное разрушение старой, классической системы знания, именуемой «философия». В этом отношении, современная философия и, например, философия времён Декарта и Лейбница – две совершенно различные системы. Свершилась подлинная революция. Произошло не просто вычленение отдельных частных дисциплин и науки в целом из прежней, классической системы философии, но и революционное преобразование самой философии. Из старой, классической системы знания она превратилась в одну из научных дисциплин. Таким образом, мы имеем в истории европейской культуры две принципиально различные системы знания – классическая философия (несколько условное название) и современная наука. Проблема в том, что Маркс сформировался как мыслитель на стыке этих двух гносеологических эпох. Маркс, творя свою систему, ориентировался на лучшие образцы «современной науки» – философию Гегеля.

направлениями, необходимо реформировать его сообразно современным стандартам научного мышления.

[3] Ряд историков науки, например П. П. Гайденко старательно акцентируют наличие в рамках античной системы значимого пласта собственно протонаучных знаний, указывая при этом на расцвет знания медицинского, исторического, физико-технического. Это справедливое акцентирование ни в коей мере не противоречит нашему тезису. Все эти знания

Действительно, на тот момент система Гегеля представляла собой лучший, рафинированный образец рационального мышления. Не случайно современник Маркса, С. Кьеркегор воспринимал философию Гегеля как олицетворение науки. Но беда в том, что гегельянство было последней яркой вспышкой старой, классической системы знания. И это было отнюдь не случайно. Германские университеты славились своим консерватизмом. По прошествии десяти-двадцати лет всеевропейской славы система Гегеля была надолго забыта. И это тоже не случайно. Поскольку именно в этот момент процесс формирования современной науки – новой системы знания – вошел в решающий этап. В некотором роде можно говорить о «второй научной революции». Если первая революция – научная революция XVI-XVII вв. создала парадигму современного научного мышления, то научная революция первой половины XIX века окончательно оформила новую систему знания. Эта революция мгновенно похоронила классическую систему знания и её лучший образец – систему Гегеля. В тот момент, когда Маркс сформировался как мыслитель и практик, эта революция как раз и свершалась. Безусловно, Маркс был её участником – его теория уже 150 лет остается значимой. Но участником неосознанным. По большому счёту наступление новой гносеологической эпохи не было осознанно им. Она отразилась во многих его идеях – его экономическая теория прекрасный образец научного мышления. Но осмыслял он свою теоретическую деятельность по образцам, усвоенным в университетской юности, то есть по образцам классической системы знания, и в частности по образцу системы Гегеля. Помимо всего прочего система Гегеля предполагала:

Во-первых, существуют абстрактные принципы, которые проводятся от начала до конца всей совокупности знания, что и образует в итоге всеохватывающую систему.

Во-вторых, все научные теории являются конкретизацией общих философских принципов. И, в частности, система Гегеля не предусматривает социологии. Поскольку она (система) подчиняется классической парадигме знания, постольку она исходит из убеждения, что

реализовывались в русле господствующего стиля философии, являясь эмпирическим оформлением его.

каждый объект, обладающий качественной спецификой, требует особого раздела философии. Природа – философии природы, общество – философии истории, философии права, социальной философии, искусство – философии искусства, мораль – этики, религия – философии религии… Заметим, что современная наука исходит из иного принципа: каждый объект, обладающий качественной спецификой требует отдельной, частно - научной дисциплины. Маркс мыслил в гегелевском, классическом ключе. Поменяв исходные философские принципы, он полагал, что их необходимо провести так же последовательно, как это было сделано у Гегеля. Но к счастью у него не хватило времени и хватило научной интуиции, чтобы не реализовать этот подход в масштабе всего научного знания. Он ограничился областью социальной науки. В классическом марксизме мы имеем диалектический материализм – онтология и гносеология, и исторический материализм – социальная философия. Таким образом, «основоположники» воспринимали свою социальную теорию как часть философии.[4] Но как мы уже отметили выше, такой подход характерен для парадигмы классической системы знания, и, прежде всего, для, так называемой, эпохи великих систем Нового времени. Традиционно марксисты считают, что философия Гегеля завершает эту эпоху, марксизм же открывает новый этап развития познания. Но, по большому счёту, марксизм – это последняя великая система. Он претендует не только на универсальную приложимость истинных принципов его философии к любой области знания, но и на необходимость проведения их в жизнь. Именно этот подход мы и наблюдаем в

[4] Многие отечественные философы не раз утверждали, что марксова социальная теория представляет из себя многоуровневое и многоаспектное образование, включающее в себя социально-философский, общесоциологический, историко-типологический и конкретно-социологический уровни теоретического обобщения. Подобная интерпретация вполне возможна, но именно как интерпретация. Судя по всему, сам Маркс не воспринимал свою теорию в таком ключе. Его более всего занимала политика и политэкономия. И он просто не уделил достаточно внимания тщательной разработке своей социальной теории. В этом отношении прекрасное теоретизирование представленное, например, в работах Э. Ильенкова или В. Вазюлина являются скорее развитием теории Маркса, нежели её точным истолкованием. Естественно, в ситуации политического давления это истолкование было вынуждено представляться аутентичным прочтением. Советская философия 1960-1980-хх гг. весьма сильно напоминает средневековое богословие, которое, за неимением возможности выйти за рамки священных текстов, было вынуждено пуститься в изощереннейшие процедуры герменевтического истолкования. Сложнейшие теории получившиеся в результате этого рассматривались как результат изумительного извлечения сокровенных знаний из многоуровневых сакральных текстов.

большинстве метафизических систем. В последние два столетия господствует иная парадигма.

Соответственно, поскольку мы заявили своей целью реформу марксизма с позиции современного состояния науки, постольку мы вновь должны рассмотреть вопрос: материалистическое понимание истории – это социология или социальная философия? От ответа на этот вопрос зависит объем и глубина использования общефилософских положений в социальном теоретизировании. Если речь идёт о социальной философии, то объем и глубина такого использования максимальны. В противном случае, если речь идёт о частной науке – социологии, то область применения философских принципов ограничена сферой, которую принято называть философскими основаниями теории. Мы полагаем, что материалистическое понимание истории должно быть преобразовано в социологическую теорию, или, если угодно, не просто в теорию, но в концепцию, относящуюся к области социального теоретизирования. Безусловно, она содержит в себе ряд философских принципов. Но их следует отнести к области философских оснований научной теории. Причем, необходимо помнить, что чем более фундаментальна эта теория, тем больше объем этой области. Мы не рассматриваем нашу позицию как абсолютную. Вопрос о статусе материалистического понимания истории, конечно, принципиален, но не настолько, чтобы резко выступать против тех, кому привычно и комфортно считать его социальной философией.

Материалистическому пониманию истории мы отказываем в статусе социальной философии по следующим причинам:

1. Как мы уже отметили выше, парадигма современной науки требует для объекта обладающего качественной спецификой не отдельного раздела философии, но самостоятельной частнонаучной дисциплины или дисциплин. Все философские принципы, неизбежно используемые при этом, подчеркнём ещё раз, относятся к области философских оснований теории. В области социального познания такая частнонаучная дисциплина существует уже два столетия. Это социология. В этом отношении конструирование социальной философии как дисциплины параллельной социологии является «оккамовским» удвоением сущностей. Не говоря уже о

том, что такое конструирование является реликтом классической парадигмы знания.

2. Более того, налицо полное совпадение предмета и проблематики. Девять десятых положений материалистического понимания истории (социальной философии) по характеру обсуждаемых проблем странным образом совпадает с содержанием социологий Спенсера, Дюркгейма, Зиммеля, Зомбарта, Вебера, Сорокина, Парсонса и т. д. Разумно в этой ситуации рассматривать эти проблемы в традиционной плоскости социологии, то есть так, как это принято в мировой науке, а не выстраивать новую параллельную дисциплину, занимающуюся тем же самым.

Иногда возражают: перевод этой проблематики на уровень социологии невозможен, поскольку социологи этим не занимаются. Нам это возражение не представляется корректным:

Во-первых. Они занимаются этим. Имена только что были перечислены.

Во-вторых. Мы хотели бы исходить из логики научного разделения труда и классификации наук, а не из исторически обусловленной практики. Известны примеры, когда в рамках этой практики целые науки «отменялись» политической директивой. Но это не умаляло их значимости и истинности.

В-третьих. Теоретическая нищета социологии вполне объяснима. А). Любая отрасль знания всегда небогата на имена фундаментальных теоретиков. Обычно за пару столетий набирается лишь десяток имён. Уделом остальных остаётся эмпирия. Перевод данной проблематики в ведение социальной философии не исправляет этого положения вещей. В России уже столетие существует официально признанная философия общества, и дело социального теоретизирования, казалось бы, находится в надежных руках философов. Но много ли имён учёных, осуществивших радикальный прорыв в этой области, мы можем в итоге назвать? В). Западная социология очевиднейшим образом испытывает давление общественной практики, что неудержимо сталкивает её в область чистой эмпирии. С). В России же, как мы уже заметили, социальное теоретизирование директивно осуществлялось в

рамках философии. В силу этого происходила селекция – те, кто хотел теоретизировать, шли в философию; те же, кто хотел заниматься конкретикой – шли в социологию. Последствия этой селекции будут сказываться ещё не одно десятилетие[5].

Таким образом, отчасти справедливое указание на теоретическую бедность современной социологии вовсе не означает необходимости создания новой, параллельной дисциплины. Куда разумнее совершенствовать саму социологию, опираясь при этом на ту богатейшую теоретическую традицию, которая в ней есть.

Теперь, прояснив вопрос о дисциплинарном статусе материалистического понимания истории, мы можем рассмотреть собственно философские основания социальной теории марксизма.

На наш взгляд в качестве таковых можно указать на два принципа: материалистический подход к социальной реальности и диалектика.

$2. Материалистический подход к социальной реальности.

Марксизм претендует на то, что последовательное проведение философского принципа материализма в социальном знании создало возможность достижения подлинно научного понимания общества.

[5] Кстати, можно только поражаться иронии истории. Мощь научной революции первой половины XIX века толкнула западную науку в крайности эмпиризма. Российская же наука оказалась во многом законсервирована в духе классической парадигмы знания в силу воздействия на неё политически господствующего марксизма. Это привело к ярко выраженной теоретичности, если не сказать «метафизичности» российской науки. Этот контраст российской и западной науки отмечают все. Традиционно принято считать «реликтовость» отрицательной характеристикой. Хотя мы и осознаём нашу возможную предвзятость в этом вопросе, но мы полагаем, что реликтовость российской науки может сыграть весьма положительную роль. Российской науке удалось сохранить теоретичность знания. И в этом отношении открываются широкие перспективы взаимообогащения двух научных традиций.

Мы разделяем это утверждение. Но полагаем, что оно истинно лишь в плане обстоятельств создания и формулировки марксистской социальной теории. Скорее всего, именно этот путь и мог привести к пониманию детерминационных зависимостей в социуме. Но ныне в этом вопросе скрывается определённая двусмысленность.

Позиция Маркса и Энгельса такова.

Они начинают с онтологии и в частности с проблемы субстанции. Эта проблема формулируется в форме так называемого «основного вопроса философии». «Высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе…Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы…составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма».[6] Отвечая на этот вопрос материалистически, Маркс и Энгельс создают свою школу – диалектический материализм. Затем они проецируют принцип материализма на понимание общества. Причём, сочиняя «основной вопрос философии» они формулируют его через оппозицию материального и идеального. Эту же оппозицию они переносят и в социальную теорию, получая в итоге оппозицию материальных и идеальных структур (общественное бытие и общественное сознание).

Этот же принцип используется для формулировки понятия материя. Таким образом, структура «основного вопроса философии» имеет принципиальный характер и определяет всю логику марксистской философии. Знаменитое ленинское определение материи лишь оттеняет и подчёркивает эту логику. Комментаторы марксизма специально подчёркивают совпадение онтологического и гносеологического моментов в этом определении.

С нашей точки зрения такой подход ошибочен.

С позиции современного систематического философского мышления формулировка «основного вопроса философии» не корректна.

[6] Маркс К., Энгельс Ф. «Избранные произведения» в двух томах, т. 2, С. 350, М., 1955

1. Основоположники не удосужились обосновать подобное совпадение онтологического и гносеологического моментов, весьма сомнительное с точки зрения строгого мышления. Нам же способ такого обоснования не известен.

2. Подобная формулировка тяготеет к дуализму. Иначе говоря, определяя материю через дух, марксизм невольно подталкивает к мысли, что речь идёт о двух самостоятельных сущностях, субстанциях. Противопоставление материи и духа противоречит принципу материалистического монизма.

Данный принцип требует рассматривать всё сущее субстанционально. В этом отношении, всё, что существует, есть либо материя, либо её атрибут, либо модус. Соответственно, какое-либо противопоставление атрибута или модуса субстанции не допустимо. А именно это мы и наблюдаем здесь.

В самом деле:

Ленинское определение материи основано на противопоставлении материи и познающего субъекта. Под этим субъектом можно понимать либо сознание, либо человека, то есть либо специфическое проявление одного из атрибутов материи - информации, либо её модус. Как мы указали выше, такое противопоставление в определении недопустимо.

То же и в социальной теории. Если общество есть материальная система, то, как можно говорить об оппозиции в рамках этой системы социальной материи и сознания?! Иными словами, если мы говорим о социальной форме движения материи – обществе, то, как возможно в рамках этой формы движения социальной материи выделять еще одну социальную материю, которая оказывается противопоставленной сознанию? Фактически, подобное утверждение игнорирует закон тождества – понятие используется в различных значениях и в различных объемах.

Выводы:

1. «Основной вопрос философии» подозрителен, надуман и некорректен. Он не только противоречит истории философии – история философии не укладывается в оппозицию материалистов и идеалистов, но и вносит противоречие в марксистскую философию.

Скорее всего, от этого вопроса следует отказаться. При этом мы надеемся, что отказ от «основного вопроса философии» не лишит профессионального философа способности определиться относительно материализма и идеализма.

2. Устранив «основной вопрос философии» и все те противоречия, которые из него вытекают, мы снимаем и в рамках социальной теории оппозицию материального и идеального.

Более того, использование самого понятия материального, как мы показали выше, не корректно в социальной теории.

Принцип материалистического монизма требует рассматривать общество как материальную систему. Выводы, которые следуют из этого требования, влияют на способ рассмотрения общества в целом. Исследование же внутренней структуры общества, структурный и функциональный анализы не требуют противопоставления идеального и материального, не требуют и самого термина «материя». Соответственно, сознание же понимается не как нечто противостоящее социальной материи, а как внутренний момент социальной деятельности. В этом отношении нам весьма импонирует точка зрения К. Х. Момджана: «Мы же рассматриваем сознание не как самодостаточную субстанцию общества, а как атрибут целенаправленной человеческой деятельности, непредставимой без сознания, включающей его в себя в качестве необходимого информационного механизма, но всё же несводящийся к нему во всех своих значимых проявлениях».[7]

3. Кроме того, поскольку мы пришли к выводу, что материалистическое понимание истории необходимо рассматривать как социологическую теорию, постольку непосредственное использование в ней философских понятий и принципов неприемлемо. Такое использование означает смешение разных уровней анализа.[8]

---

[7] Кузнецов В. Г., Кузнецова И. Д., Миронов В. В., Момджян К. Х. «Философия: Учебник». – М.: ИНФРА-М, 2003. С. 390

[8] Это подметил еще Николай Бердяев: «Но можетъ быть еще не последовательное применение материалистического монизма к социальному процессу, таковы все попытки найти единую, изначальную *социальную материю* (курсив Н. Бердяева) внутри социального процесса. Такой социальной материей признается экономика, производительныя силы. Именно в этой форме проявляется монизмъ у большей части экономическихъ материалистовъ. Но перенесение

4. При всем том, мы ни в коей мере не собираемся отказываться от материалистического понимания истории ни как от понятия, ни как от парадигмы.

Мы нисколько не противоречим сами себе, поскольку в этом пункте мы обсуждаем не внутреннюю структуру марксовой социологии, а её философские основания.

Мы сняли тот аспект материалистического понимания истории, на котором всегда акцентируются традиционные марксисты – социальная материя. Но в материалистическом понимании истории есть и другой аспект, который также восходит к Марксу и Энгельсу, и который не вызывает у нас каких-либо сомнений. Речь идёт о понимании общества как такой же материальной системы, как и природа, подчиненная таким же объективным законам, как и любой другой природный объект.

В самом деле, основатель современной научной методологии Р. Декарт своим тотальным разведением материальной и духовной субстанций сформировал методологическое требование изучать материальные объекты (природу) именно как чисто материальные объекты, не привлекая при этом какие-либо метафизические сущности. Революционность этого требования становится совершенно очевидной, если мы вспомним, что античная и средневековая наука базировалась на совершенно ином подходе. Этот подход наиболее последовательно и систематически выразился в учении Аристотеля о четырёх причинах. Как известно, Аристотель требует при исследовании любого предмета обнаружить не только материальную и движущую причины, но и целевую и идеальную причины. Причем последние две он считает наиболее важными для познания. Таким образом, методологическое

монизма въ специальную науку, в частную сферу эмпирическихъ явлений – это очевидный гносеологический абсурдъ, это ни то, ни сё, ни наука, ни философия. Наука не доходитъ до единаго и изначальнаго въ той группе явлений, съ которой она имеетъ дело, она не задается конечными вопросами и не даетъ того понимания и объяснения, которое можетъ дать только философия….(Критика Исторического Материализма// в кн: Николай Бердяев Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. (1900-1906 г.) СПб., 1907 С. 107 Теперь понятно, почему большевики выслали Бердяева за границу. Но, если представить что ему позволили бы остаться и в стране сохранялась бы свобода дискуссии, то, возможно, ныне, через сто лет нам уже не потребовалось бы обсуждать этот вопрос.

требование Декарта порывает с этим подходом и открывает дорогу для собственно научного исследования.

Но, необходимо помнить, что, говоря о материальных объектах, Декарт имеет в виду природу. И именно для наук о природе требование Декарта открывает дорогу. В этом отношении классическая характеристика системы знания XVII-XVIII вв. как антиисторического вполне справедлива. Дело в том, что познание природных объектов было в эту эпоху и более свободным и более успешным, в то время как в области социальных наук наблюдалось почти полное отсутствие развития. И это вполне объяснимо. Вплоть до конца XVII века в этой области господствовал сугубо религиозный, христианский взгляд, расхождение с которым помимо общего дискомфорта могло повлечь для мыслителя весьма неприятные практические последствия. В силу этого наличие какой-либо парадигмальной альтернативы было невозможно.

В XVIII веке в результате секуляризации культуры открываются, казалось бы, свободные пути для социального познания. Но инерция и моральный авторитет религии заставляют мыслителей двигаться в рамках всё тех же схем. Даже И. Кант в конце XVIII века умудряется всю сущность социальной реальности уложить в систему «практического разума».

Начало XIX века демонстрирует всеобщее обращение мысли на социальные объекты. Но в парадигме всё ещё сказываются старые схемы. Чем ещё может являться «логика истории» Гегеля как не всё тем же секуляризированным и философски обработанным христианским провиденциализмом?

В этом отношении материалистическое понимание истории Маркса есть первая попытка распространить методологическое требование Декарта о необходимости освобождения познания от метафизических сущностей на социальную сферу. Фактически, совершая этот революционный шаг, Маркс всё ещё находится в плену у картезианского противопоставления материи и мышления.

Начиная с Декарта, любой философ мог выделить сферу тотальной материи – природу, и сферу человек-общество, где материальная и

духовная субстанции соседствуют или взаимодействуют друг с другом. Соответственно, когда Маркс различает в обществе «общественное бытие» (социальная материя) и «общественное сознание» (мышление) он реализует всю ту же картезианскую парадигму.

Таким образом, Маркс, распространяя на общество картезианский принцип свободы в познании от метафизических сущностей и требуя рассмотрения общества как материальной системы, подчиняющейся объективным законам, невольно воспроизводит здесь и картезианское противопоставление материи и мышления. То, что у Декарта было удачной методологической уловкой – параллелизм материи и мышления не является очевидным и бесспорным фактом – у Маркса превратилось в априорную форму видения социальной реальности.[9]

Соответственно, говоря о материалистическом понимании истории, мы всецело разделяем требование, рассматривать общество как материальную систему, подчиненную объективным законам, и, вместе с тем, отбрасываем устаревшее картезианское противопоставление в рамках этой системы материи и сознания.

[9] Здесь мы хотели бы поделиться некоторым изумлением, которое родилось у нас в процессе работы над этой книгой. Мы были воспитаны в рамках советской философии и все идеи марксизма о его месте в мировой философии воспринимались нами как самоочевидные. Казалось, что история философии двигалась своим путём, а марксизм занимал особое место. Иногда возникало впечатление, что это - «марсианская теория», имплантированная в человеческую культуру. Конечно, марксизм объяснял каким образом он неразрывно связан с предыдущей философией. Но единственным рефреном этого объяснения было повествование о том, как он преодолел, развил, углубил, поставил с головы на ноги философские системы прошлого. Более того, предполагалось, что дальнейшее развитие мировой философии вне рамок марксизма бессмысленно и вредно. Иными словами, до марксизма история философии была, с его возникновением она заканчивается. И это не удивительно, поскольку для любого традиционного марксиста марксизм это теоретический универсум, который способен вместить, и вместит любое новшество в области человеческого духа. Больше всего этот подход напоминает отношение верующего к своей религии. Естественно: определить место марксизма в истории философии как одного из шагов этой истории, означало, по определению, ограничить его.

Забавно, что почти подобное же отношение к марксизму сформировалось и у немарксистов. Из-за политической ангажированности обычно марксизм воспринимается ими как явление периферийное, альтернативное, маргинальное, стоящее особняком в мировой философии. Каково же было наше изумление, когда в процессе работы над этим текстом мы начали обнаруживать одну генетическую связь марксизма с предшествующей философией за другой. В результате, марксизм предстал перед нами не как конечный итог развития человеческой цивилизации, но как органичный **момент** в истории философии со всеми вытекающими отсюда его сильными и слабыми сторонами.

$3. Диалектика.

Согласно марксизму диалектика есть не что иное, как наука об общих законах движения и развития природы, общества и мышления. Мысль общеизвестная и в силу этого воспринимаемая почти как истина.

Но нам не удалось обнаружить в произведениях Маркса и Энгельса хорошего, систематизированного научного обоснования диалектики. Обычно всё сводится к аналогиям и отдельным примерам, вырванным из частно-научного контекста. Складывается впечатление, что Маркс и Энгельс воспринимали диалектику как нечто самоочевидное и единственно возможное. И это не удивительно, поскольку их интеллектуальное формирование проходило в рамках тотального господства гегельянства. Впрочем, они и сами не скрывали, что позаимствовали диалектику у Гегеля, внеся единственное изменение – поставили её с «идеалистической головы» на «материалистические ноги».

Таким образом, обоснование диалектики приходится искать у Гегеля, но его и там нет. Более того, выясняется, что диалектика не является изобретением самого Гегеля. Её он позаимствовал, как нечто само собой разумеющееся, у Фихте.

Итак, в поисках обоснования диалектики мы уже удалились достаточно далеко от основоположников марксизма. Видимо, стоит покориться этой тенденции, и рассмотреть с самого начала историю идеи диалектики.

Если не брать античность и средние века, где понятие «диалектика» использовалось иначе, то приходится констатировать, что первым в новоевропейской философии специально говорит о ней И. Кант. Но говорит он о ней в старом, античном значении, лишь несколько меняя акценты. Для него диалектика является логикой видимости, игрой иллюзий, порождённой неизбежными, но необоснованными попытками разума преодолеть сферу феноменального. Именно поэтому чистый разум, увлекающийся метафизическими фантазиями, Кант обозначает как диалектический разум.[10] Более того, «диалектика, отмечает Кант,

[10] С таким же успехом он мог бы назвать его софистическим разумом.

превратилась в логику видимости. Софисты, старые и новые, поднаторели в искусстве камуфлировать собственное невежество или дорогие сердцу иллюзии под истину, искусно имитируя логическую фундаментальность и скрывая отсутствие мысли развесистой топикой»[11].

Таким образом, Кант использует термин «диалектика» в негативном смысле.

В позитивном же смысле первым идею диалектики разрабатывает И. Г. Фихте. К этому его подталкивает не давление фактов, не очевидность истины, но философская нужда.

По большому счету, Фихте был кантианцем, но кантианцем мыслящим самостоятельно, способным свернуть в направлении, которое вовсе не предполагалось «основоположником». Истории философии знакомы подобные примеры. Самый яркий из них Аристотель в его отношении к Платону.

Кант, при создании своей системы, исходил из реальных гносеологических затруднений, порожденных философией Юма, и из потребностей «практического» разума. Философская же мотивация Фихте носит ярко выраженный моральный характер. Это отмечают все исследователи творчества Фихте.

Философия Канта является метауровнем по отношению к процессу познания, иными словами, она есть философия познания. Фихтеанство же – метауровень кантовской философии, иными словами она пытается разрешить проблемы, возникающие в этой философии. Причем, исходя при этом вовсе не из потребностей познания, а из потребностей «практического» разума.

Таким образом, изначально философия Фихте выступает как спекулятивное мышление, как философия философии.

Впрочем, начинает Фихте свои спекуляции с вполне реальной проблемы, хотя и метауровневого характера – с проблемы «вещи в себе».

Дело в том, что без постулирования «вещи в себе» кантовская система тяготеет к скептицизму или даже к солипсизму. Но с постулированием

[11] Дж. Реале, Д. Антисери. Западная философия от истоков до наших дней. Том 3. СПб., 1996 С. 646

«вещи в себе» кантовская философия вовсе невозможна, невозможна как последовательная непротиворечивая система.

В самом деле. Кант говорит, что мы обязаны признать существование «вещи в себе», ибо иначе невозможно объяснить, что же аффицирует нашу чувственность. Но, если мы признаём существование «вещи в себе», то, как кантианцы попадаем в крайне нелепое положение. Если «вещи в себе» воздействуют на нас и аффицируют наши ощущения, то мы однозначно можем говорить о наличии в области трансцендентного каузальной связи, где «вещь в себе» - причина, а ощущения – следствие. Но, согласно Канту, каузальная связь – это априорная форма, то есть характеристика не относящаяся к трансцендентному. Но это ещё не всё. Если мы признали наличие каузальной связи в мире трансцендентного, то мы неизбежно должны признать и приложимость к этой области таких характеристик как: взаимодействие, множественность, единство, зависимость, необходимость и т. д., поскольку они с необходимостью предполагаются каузальной связью. Таким образом, постулирование «вещи в себе» образует в кантовской системе брешь, в которую выносит все априорные формы. А после того, как выясняется, что «априорные формы» вовсе не априорны, кантовская философия становится совершенно бессмысленной.

Итак, постулирование в кантовской философии «вещи в себе» есть мина замедленного действия. Вполне естественно, что Фихте отказывается от этого понятия как от пережитка догматической философии. Шаг вполне оправданный, но ужасный по своим последствиям.

Система Канта – это вполне сбалансированная система, решающая вполне реальные проблемы познания. В ней присутствует два «центра активности» – «вещь в себе» и субъект. Их взаимодействие порождает феноменальный мир. С ликвидацией вещи в себе остается лишь один центр активности – субъект. Соответственно, существование мира неизбежно ставится в зависимость лишь от него. Подобная немыслимая нагрузка на эту фигуру тотчас открывает перспективу солипсизма. Единственная возможность избежать этой перспективы – начать движение в сторону абсолютизации субъекта, в сторону абсолюта, по отношению к которому, эмпирический субъект есть лишь акциденция. Что мы и

наблюдаем на примере эволюции философии Фихте и ещё более систем Шеллинга и Гегеля.

Таким образом, в то время как кантовская философия трактовала реальные проблемы познания, система Фихте начинает с чисто спекулятивной ситуации порождения абстрактным субъектом интеллигибельного мира. Соответственно, необходимость описать и объяснить процесс этого порождения изначально приобретает спекулятивный характер. Всё рассуждение Фихте направляется не логикой реальных фактов, но абстрактной необходимостью анализа закона тождества. Все схемы диалектики Фихте, и в частности: принцип триады и принцип диалектического противоречия, рождаются из умозрительного взаимодействия Я и не-Я.

Фактически, вся диалектика Гегеля есть прямое заимствование диалектики Фихте, с её дальнейшей систематизацией и детальной разработкой. Она не имеет никакого отношения к реальному миру. Так называемый «реальный мир», с точки зрения Гегеля есть лишь акциденция или инобытие Абсолютной Идеи. Сам Гегель не однократно подчеркивал ничтожный характер области эмпирического по отношению к его системе, поскольку область эмпирического есть пройденный этап по сравнению с философией Гегеля, в лице которой Абсолютная Идея совершает свои последние шаги на пути самопостижения. Кстати, даже саму идею конечной цели саморазвития Абсолютной Идеи – самопостижение и достижение тождества с самой собой, - Гегель позаимствовал у Фихте: «Природа, по Фихте, существует не сама по себе, а ради чего-то другого: чтобы осуществлять себя, деятельность Я нуждается в некотором препятствии, преодолевая которое она развертывает все свои определения и, наконец, полностью осознает себя, достигая тем самым тождества с самой собой»[12].

Подчеркнём ещё раз, начиная с Фихте и заканчивая Гегелем, диалектика родилась и использовалась, как способ решения умозрительных проблем спекулятивной философии. В отношении к реальному миру она использовалась лишь как тотальная проекция спекулятивной философии на этот мир. С чего Маркс и Энгельс решили, что диалектика есть

[12] П. Гайденко. История новоевропейской философии в её связи с наукой: Учебное пособие для вузов. М., 2000 С. 388

отражение связей реального мира и что необходима её демистификация – совершенно не понятно. Единственное объяснение, которое приходит в голову, то, что их интеллектуальное формирование происходило в атмосфере тотального господства диалектики и полного отсутствия альтернатив. Если так можно выразиться, диалектика есть родимое пятно спекулятивной философии на теле марксизма. Научная концепция, претендующая на место в науке XXI века, вряд ли может позволить себе сохранение подобных пятен. Иными словами, идея диалектики должна пройти строжайший досмотр на таможне научного разума. Но беда в том, что у неё нет даже документов для того, чтобы попасть на эту таможню. Процедуре опровержения должна предшествовать процедура обоснования. Если таковой не было, то никто и не обязан представлять опровержение, поскольку отсутствие хорошего обоснования есть нарушение фундаментального логического закона «достаточного основания», что, по определению, указывает на вненаучный статус.

Поэтому мы считаем возможным отбросить диалектику, как по выше указанным основаниям, так и по весьма косвенным основаниям следующего порядка.

Во-первых, авторы, считая себя марксистами, вынуждены констатировать на основании личного опыта, что в их работе этот метод оказывается не востребованным, излишним.

Во-вторых, мировая наука за последние 150 лет демонстрирует подобное же отсутствие потребности в диалектики. Мы не слышим, всеобщего вопля несущегося из лабораторий и учёных кабинетов: «Дайте нам диалектику. Наша работа полностью парализована без неё!»[13]. Иными словами мировое научное сообщество в ученых публикациях не демонстрирует какое-либо использование диалектики. И было бы нелепо объяснять этот факт гнусным заговором буржуазных ученых. Но даже если такой заговор и существует, то мы с прискорбием отмечаем, что ученые марксисты также участвуют в нем, поскольку задекларировав в

[13] Авторам не известны работы ученых, занимающихся конкретными проблемами и использующих при этом диалектический метод. Но зато они часто сталкивались с религиозными философами, которые, попадая в логическое затруднение, восклицали: «Ну почему вы используете только формальную логику?! Ведь есть же ещё и диалектическая логика, где противоречие, в котором вы нас уличаете, оказывается оправданным и необходимым».

начале своей работы приверженность диалектике, далее они забывают о ней, совершенно не используя её в своем анализе.

Сказанного было бы достаточно, но проблема в том, что диалектика столь туго вплетена в ткань марксистской теории, что мы не можем ограничиться одним заявлением об упразднении диалектики. Необходимо выявить места, пораженные этим метафизическим недугом и, наконец, освободить от них теорию, претендующую на статус науки. Иными словами, освобождение марксизма от диалектики есть его освобождение от «гегелевского духа»,[14] от духа эпохи метафизики.

По-видимому, нет нужды сосредотачиваться на тех бесконечных примерах, являемых текстами марксистов, где диалектика используется как «развесистая топика», прикрывающая отсутствие мысли, логики, обоснования или элементарной честности. Разумнее поговорить о структурных пороках марксизма, порождаемых диалектикой.

Как известно, в гегелевской философии история распадается на два уровня – уровень эмпирический, область собственно исторических событий, и уровень ноуменальный, то есть область подлинной реальности, реальности диалектического шествия Абсолютной Идеи. Таким образом, эмпирическая история есть лишь последовательность феноменов, в которой Дух обнаруживает свою логику. Соответственно, постижение истории требует проникновения в эту скрытую логику.

Фактически, мы имеем дело с секуляризированной версией христианского провиденциализма с его необходимейшей составляющей – телеологизмом. С сожалением, мы вынуждены констатировать, что столь любимый и уважаемый нами марксизм, не свободен ни от того, ни от другого. Маркс не смог противостоять совместному натиску Гегеля и христианской культуры.

Всякий раз, когда Маркс говорит о скрытой логике истории, он фактически воспроизводит метафизику Гегеля[15]. Невольно он провоцирует

[14] Пагубность «гегелевского духа» для любой научной теории в свете всего выше сказанного нам представляется очевидной.

[15] Сначала мы сомневались в необходимости подобной сноски, поскольку адресуем наш текст специалистам в области философии. Но неожиданно мы вспомнили об одном нашем коллеге, профессоре, докторе философских наук, убежденном марксисте, который, как свидетельствует наш опыт, совершенно не знаком с историей философии, а знаком лишь с учебниками марксистско-ленинской философии. Вне всякого сомнения, ознакомившись с нашим текстом, он

своих последователей на поиск ноуменального, обнаруживающего себя в феноменологии истории. Не случайно, что тексты марксистов наполнены мистифицированными, схоластическими рассуждениями о логике, то есть диалектики истории и поисками эйдетических сущностей и чуть ли не универсалий.

Что бы не ходить далеко, вспомним в качестве примера «метафизику» истории Маркса. «Железные законы истории» работают так, что первобытный коммунизм с **необходимостью** отрицается обществом частной собственности, это диалектическое отрицание неизбежно предполагает новое диалектическое отрицание – отрицание частной собственности коммунизмом.

Это жонглирование универсалиями не имеет никакого отношения к реальной истории. Но оно, безусловно, имеет прямое отношение к спекулятивной диалектики Гегеля. Фактически, оно есть подгонка истории под умозрительную схему Гегеля: тезис – антитезис – синтез. Эта триада Гегеля эксплицитно содержит в себе закон единства и борьбы противоположностей и закон отрицания отрицания – эти законы напрямую развёртываются из неё. В этом отношении вполне понятна радость Маркса и Энгельса по поводу счастливого обнаружения гармоничного сочетания этих законов и их триадичной концепции истории. Это ли не убедительное доказательство истинности диалектики Гегеля!

Фактически, Маркс и Энгельс гипнотически следуют вслед за Гегелем, как те дети, что были увлечены дудкой гаммельнского Крысолова. Конфуз становится ещё более явным, если мы вспомним, что у Гегеля есть третий закон – переход количества в качество. Он не следует с такой же очевидностью из триады. Но Гегель нуждается в нём, ибо его навязчивая

возмущенно заметит, что авторы - глубоко невежественные люди, которые совершенно не понимают предмет, о котором пишут. Он уверенно заявит: общеизвестно, что Гегель никогда не был метафизиком, наоборот, он был диалектиком и всегда выступал против метафизики. Поскольку специалистов подобного рода по-прежнему достаточно много в российской философии, мы сочли всё же нужным предупредить, что термин «метафизика» мы употребляем не в специфическом гегелевско-марксистском значении, но в значении принятом в общемировой философской практике. То есть под метафизикой мы понимаем «науку» о сверхчувственном. В этом понимании термина Гегель, безусловно, является ярким метафизиком.

Кроме того, мы хотели бы заметить, что гегелевское понимание метафизики, поддержанное впоследствии Марксом и марксистами является крайне неудачным и оказывается в глубоком

потребность во всём обнаружить христианскую триадичность, без этого закона не будет удовлетворена. Соответственно, он просто берёт и произвольно добавляет его к первым двум. Наши верные гегельянцы – Маркс и Энгельс – даже в этом вопиющем пункте не смеют покинуть путь, обозначенный Гегелем. Они счастливо обнаруживают, что закон перехода количества в качество «прекрасно» описывает динамику зависимости производительных сил и производственных отношений. В итоге – полный конфуз! Все три закона имеют разноплановый характер: первые два описывают общую внешнюю схему перехода, а третий – внутренний механизм перехода. Иными словами, эта триадичность оказывается логически неправомерной, поскольку состоит из законов формулируемых в различных аспектах анализа. А, как известно любая классификация, даже такого рода, требует объединения по одному основанию.

Более того, как здравомыслящие люди, Маркс и Энгельс не стали бы отрицать, что всё сущее имеет количественную и качественную характеристику и отрывать одно от другого нелепо. Но, слепо повинуясь логике Гегеля,[16] они вынуждены совершенно произвольно обозначить развитие производительных сил как количественный процесс, а изменение производственных отношений как качественный процесс!

Этот казус является убедительным примером того, как слепая вера в спекулятивную диалектику может парализовать даже самые выдающиеся умы.

Фактически, под пагубным влиянием гегелевской диалектики, Маркс и марксисты впадают в грех крайнего универсализма. Сами, не желая того, они онтологизируют понятия, превращая их в «субъект-субстанции». Пространно рассуждая о неумолимой логике исторического процесса, о

противоречии с тем пониманием его, что существует в философии на протяжении двух тысяч лет.

[16] Заметим, что Гегель имеет полное право отрывать количество от качества и противопоставлять одно другому. Ведь он повествует не об эмпирических вещах, а об универсалиях, самостоятельно существующих в сфере сверхчувственного. Здесь вполне можно говорить о Количестве и Качестве как самостоятельных сущностях. Но что позволительно Гегелю, то непозволительно Марксу и Энгельсу, коль они заявили себя материалистами, исследующими эмпирическую реальность. Здесь количество и качество есть лишь характеристики реального мира и в качестве таковых они не могут быть противопоставлены, также как не могут быть противопоставлены вес и объем. Кроме того, подобное противопоставление алогично наделяет предикат статусом субстанции.

потребностях и интересах производительных сил, производственных отношений, способа производства, они переводят эти понятия в разряд субъект-субстанций, иными словами воспринимают их антропоморфно, как реально действующих социальных субъектов. В результате этой «контрабандной» операции история предстаёт в виде пьесы, разыгрываемой этими универсалистскими субстанциями. Так, например, Ю. И. Семенов характеризуя ситуацию сложившуюся после большевистской революции 1917 года, пишет «при том уровне производительных сил, который существовал в то время в России, общество могло быть только классовым и никаким другим. Поэтому в стране с неизбежностью начался процесс становления частной собственности и общественных классов. Путь к возрождению в полном объеме капиталистической собственности был надёжно заблокирован государством. В результате процесс классообразования пошел по иному пути.[17] По прочтении этого места невольно возникает образ социального сверхсубъекта – «уровень производительных сил» – со своей волей и потребностями, неумолимо принуждающего реальных людей действовать в определённом направлении. Фактически, естественноисторическая логика формирования нового общества подменяется ноуменальной необходимостью, последовательно обнаруживающейся в исторических феноменах.

Выявляя в марксизме «универсалистский первородный грех» и выписывая ему горькое и довольно опасное в слишком больших дозах лекарство - методологический номинализм, мы пребываем в уверенности, что не только не выпадаем за рамки марксистской парадигмы, но, наоборот, последовательно реализуем её методологические принципы.

По большому счёту, обозначенная выше проблема восходит к старому спору Платона и Аристотеля. Платон как идеалист и универсалист постулирует как самостоятельные и подлинные субстанции эйдетические сущности. Аристотель же указывает, что автономным существованием обладает лишь индивид-субстанция. Все же остальные категории лишь основаны на нём и отсылают к нему. Этот методологический принцип

[17] Ю. И. Семенов «Философия истории». М., 1999. С. 280

Маркс обозначает как принцип материализма. И однозначно солидаризируется с ним. Мы не склонны слепо следовать здесь за Марксом и рассматривать этот принцип как принцип материализма. Содержание последнего шире, хотя, безусловно, оба принципа связанны. Более разумно, возможно, говорить о принципе умеренного методологического индивидуализма, требующего понимать под реально действующим субъектом либо индивидов, либо реальные группы. В этом отношении, говоря о логике исторического процесса, мы должны помнить, что используем лишь метафору, весьма опасную метафору, подразумевающую ситуацию, когда наличный исторический контекст провоцирует реально существующих субъектов на определенные действия.

Впрочем, мы полагаем, что о мистифицирующей роли гегелевской диалектики в марксизме сказано достаточно. То же, что мы не сказали по этому вопросу, мы надеемся подробно осветить ниже, разбирая собственно социальную теорию марксизма.

Глава 2. Несколько методологических замечаний к социальной теории.

Поскольку социальная теория марксизма призвана описать и понять социальную реальность, мы считаем необходимым оценить её в двух аспектах, или, точнее, уровнях анализа. Этого требует характер социальной реальности, поскольку в ней мы можем выделить как отдельные общества, так и коммуникацию, взаимодействие обществ. Достаточно очевидно, что ткань истории сплетается из сочетания этих двух уровней. Соответственно, отражением этой ситуации в социальном познании и будет наличие в нашем анализе двух уровней.

Во-первых, мы рассмотрим отдельный социальный организм[18] в его структурном, функциональном и динамическом аспектах. Как известно, история человечества начинается с генезиса и существования отдельных, изначально во многом изолированных коллективов, которые мы вполне корректно можем называть отдельными обществами.

Во-вторых, вслед за историческим движением, объектом нашего анализа станет коммуникация, взаимодействие обществ в их структурном и динамическом аспектах.

Но прежде, сделаем еще несколько методологических замечаний.

Реформирование материалистического понимания истории в некотором роде сродни той же работе, которую осуществляли создатели этой теории. Иными словами, перестройка теории предполагает такое изменение её частей, которое в итоге даст некоторое новое работающее целое.[19]

Но при этом, мы находимся в значительно более затруднительном положении чем то, в котором находились Маркс и Энгельс. И проблема вовсе не в таланте, который у них был, а у нас, его нет. Проблема в том, что они, создавая свою теорию, находились в более комфортной эвристической ситуации.

---

[18] Опуская описание различных позиций по вопросу, что есть отдельное общество, мы сразу оговоримся, что вслед за Ю. И. Семеновым будем подразумевать под термином «отдельное общество» «социально-исторический организм» (социор). Такая трактовка, как нам представляется, является наиболее удачной и, кроме того, совпадающей по духу с позицией К. Маркса.

[19] Забегая вперед, мы должны признаться, что нам не удалось в итоге наших усилий получить такую же стройную и законченную теорию, каковая вышла из под пера классиков марксизма. К сожалению вопросов, у нас осталось больше чем ответов. Но может быть, утешением может служить то, что хорошо сформулированный вопрос – есть тоже не плохой научный результат.

Фактически, Маркс и Энгельс, создавая научную социальную теорию, были в этом отношении первопроходцами. Научное социальное знание только зарождалось, а успешный опыт естественных наук в объяснении природы внушал надежду, что подобный же триумф возможен и в области социального знания.

Мы же отягощены противоречивым опытом столетнего развития социальных наук, демонстрирующего чудовищный разброс интерпретаций. Сегодня социальный теоретик оказывается перед океаном социальных феноменов, без твердой надежды окончательно и бесповоротно охватить их единой теорией. Тому виной и объем материала, и тщетность предыдущих попыток.

В этой ситуации становится вполне понятным наше желание найти надежный парадигмальный ориентир, вне социальных наук. Иными словами, мы считаем разумным, в своих социальных поисках опереться на парадигму какой-либо успешной естественной науки. При этом такой дисциплиной не может быть какая-либо наука изучающая неживую природу. Во-первых, дистанция между неживым и социальным слишком велика. А во-вторых, эти дисциплины акцентируются преимущественно на количественной стороне реальности, и в силу этого используют математические методы, которым во многом и обязаны своей успешностью. Социальные же науки интересует, прежде всего, качественная сторона реальности, и этот интерес не позволяет им использовать математику.

В этом отношении наиболее удачным образцом для социального знания может быть биология. С одной стороны, биология является точной и успешной наукой. С другой стороны, её интересует именно качественный аспект реальности, в выражении которого ей и удается быть точной и успешной.

При этом мы ни в коей мере не призываем к прямому опрокидыванию понятий и методов биологической науки на науки социальные. Мы осознаем глубину пропасти в специфике социального и биологического. Но, тем не менее, существует определенное сходство в проблемах волнующих эти науки, и было бы неразумно не воспользоваться опытом успешного их решения в рамках биологии.

Соответственно, используя биологию как некоторое alter ego социального знания, первое, что мы должны констатировать: фундаментальное различие в направленности конституирующего интереса этих дисциплин. Используя неокантианскую терминологию необходимо признать, что биология относится к наукам генерализирующим, то есть изучающим индивидуальное ради общего. На первый взгляд, фундаментальная социальная теория является также наукой генерализирующей. И это во многом так. Но в то время как в биологии общее преследуется ради общего, конечная задача социальной теории – объяснить индивидуальное, особенное, то есть отдельное общество, или, иначе говоря, социально-исторический организм. Типичный конфуз, постигающий социальную теорию при этом, проистекает из необоснованного её желания реализовать при выполнении этой вполне правомерной задачи стандарт естественных наук, обусловленный генерализирующим методом. То есть, индивидуализируя, она пытается генерализировать. В принципе такая процедура до определённой меры правомерна. Биология, отчасти, делает тоже самое, пытаясь усмотреть в жизни отдельной особи общие константы. Но лишь отчасти, поскольку степень её индивидуализирующего интереса не очень высока – отдельная особь не является предметом её главного интереса. Иное дело – социальная теория. Конечная её задача – объяснить прошлое и прогнозировать будущее «социальной особи», то есть отдельного общества, социально-исторического организма. Генерализация при выполнении этой задачи возможна лишь отчасти. Остальное же неизбежно выражается в виде индивидуализирующего повествования. Но поскольку над социальной теорией довлеет стандарт естественных наук, постольку она, стремясь реализовать его, пытается заменить это индивидуализирующее повествование генерализирующим объяснением – социальная теория подходит к отдельному обществу, или социору, так же как биология подходит к роду или виду.

В итоге выходит так, как если бы биология, испытывая предельный интерес к некоторому индивиду, скажем, антилопе А, но, при этом, желая оставаться в рамках обобщающей точности, пыталась закономерно объяснить **все** обстоятельства жизни этой антилопы. В этом случае, ей

пришлось бы непрерывно создавать ряд генерализирующих ad hoc-ов, призванных убедительно показать закономерность в жизни этой антилопы, её гибель от челюстей льва Б или ружья охотника С. Или включать в биологическую теорию целую концепцию засух и наводнений, от одного из которых закономерно и неизбежно пострадала антилопа А.

В некотором роде именно этим часто и занимается социальная теория, неоправданно воздвигая горы умозрительных положений, призванных закономерно объяснить любой поворот реальной истории того или иного социора. Это замечание представляется нам полезным, поскольку позволяет предъявить социальной теории одни требования и освободить её от других.

1. Мы полагаем, что социальная теория должна быть освобождена от порочного требования тотального детерминистского объяснения. Хотя мы достаточно подробно разъяснили выше его неправомерность, но сложность и принципиальность этого пункта заставляет нас ещё раз остановиться на нём.

Мы позволим себе ещё один пример. Человек идет по улице. Он чем-то расстроен и достаточно неудачно резко отвечает прохожему, толкнувшему его. Прохожий-психопат выхватывает пистолет и стреляет.

Думается никто не решится искать в этом событии проявление «исторической необходимости». Каждый понимает, что жизнь индивида полна случайных событий. (Смерть, конечно, явление необходимое, но вызвано оно может быть чем угодно). Но дело в том, что в социальной реальности мы имеем два класса «индивидов» - собственно человек и социально-историческая «особь» (отдельное общество). И то, что кажется очевидным – роль случая – по отношению к отдельному человеку, представляется чем-то проблематичным в отношении к отдельному обществу. Если смерть в жизни человека – фундаментальнейшее событие, и оно может быть вызвано случайными причинами, то стоит ли удивляться и тому, что фундаментальнейшие события в обществе могут быть так же вызваны в некоторых случаях случайными, привходящими причинами.

Жизнь социально-исторического организма включает в себя как необходимые, детерминационные факторы, так и случайные,

акцидентальные.[20] Соответственно, попытка социальной теории рассматривать эту жизнь только детерминационно незаконна, поскольку игнорирует это, достаточно очевидное положение вещей. Именно этим пороком грешит традиционный марксизм, склонный любое социальное явление рассматривать как глубоко необходимое: «Таким образом, получается, что в общем и целом случайность господствует также и в области исторических явлений. Но где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность всегда оказывается подчинённой внутренним, скрытым законам».[21] Эта склонность проистекает из тех самых родовых метафизических «пятен» марксизма, о которых мы уже говорили выше. То, что было очевидным в рамках гегелевской метафизики и метафизики «диамата», совершенно не является очевидным в свете требований современной науки – связь не может быть постулирована, она должна быть подтверждена прозрачным указанием на реальный механизм этой связи.

2. Учитывая всё выше сказанное, представляется разумным следующее методологическое требование.

Социальная теория должна состоять из нескольких объяснительных уровней (именно вследствие направленности конечного интереса на объяснение жизни конкретного социора). Самый высший уровень – неизбежно самый абстрактный – насквозь пронизан детерминистским объяснением. И это не удивительно, поскольку здесь мы создаем всеобщую модель социума, выявляя его основные константы и законы. Материалистическое понимание истории и является теорией такого уровня. Но глубочайшая ошибка – попытка непосредственно опрокинуть подобную модель на конкретную историческую действительность. Объяснительный потенциал этой модели может быть корректно реализован лишь через посредство промежуточных теоретических уровней, всё более конкретизирующих высокие абстрактные положения. При этом доминирование детерминистского объяснения всё более

[20] Здесь, случайное мы рассматриваем как форму бытия, возникающую на пересечении множества детерминационных «линий» физического, химического, биологического, социального и прочего характера.

ослабевает. Это нужно понимать не в смысле отмены на этих уровнях принципа детерминизма. Нет, этот принцип сохраняется, но статус детерминант в сравнении с высшей объяснительной моделью всё более снижается, так что эти детерминанты в этом сравнении могут представляться уже чуть ли не случайностью.

Проблематичность тотального детерминистского объяснения реальности социора обозначается ещё более явно, если мы вспомним о необходимости включения в рамки традиционной социальной парадигмы двух «новейших» идей – теории катастроф и теории социальных «мутаций».

3. В науке XIX-XX вв. теория катастроф не прижилась. Более того, по большей части она воспринималась и воспринимается как ненаучная эвристическая схема. Эта ситуация обусловлена определенными историческими особенностями формирования современной науки.

В самом деле. Ныне ученый склонен воспринимать себя как представителя рациональной, современной, совершенной системы – науки, которая порождена не менее рациональным, постиндустриальным обществом, насквозь пронизанным информационными технологиями. И это справедливо. Мы действительно живем в Новейшее время. Но оно началось лишь «вчера». Ещё сто лет назад люди ездили на лошадях, а профессора могли исключить из университета за атеизм. В этом отношении нелепо думать, что формирование «современности» завершилось. Она всё ещё насквозь пронизана пережитками доиндустриальной эпохи. И по большей части мы их просто не замечаем. Этот тезис справедлив и по отношению к науке. Она всё ещё содержит в себе элементы, позаимствованные из донаучных систем, либо порождённые борьбой с ними. Это целиком и полностью относится и к теории катастроф.

Формирование современной науки осуществлялось в непрерывной борьбе с религией. Причем, когда административные и политические средства защиты религии истощились, клерикализм прибег к помощи псевдонауки. Одна из этих форм – катастрофизм. Иначе говоря, любое утверждение в рамках науки об «одномоментном» событии тотчас использовалось

[21] Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. -305 – 306.

клерикалами как научное обоснование идей креационизма, всемирного потопа и прочих вмешательств Бога. И это настроение живо и поныне. Достаточно вспомнить то оживление, которое возникает всякий раз в некоторых кругах при упоминании концепции «Большого взрыва», так что порядочному учёному и слова об этом невозможно сказать, не порадовав при этом сердце верующего человека[22].

Не случайно, что в подобной атмосфере формирующаяся наука предпочитала акцентироваться на эволюционистской идее – эволюция Вселенной, эволюция жизни, развитие общества. В итоге в результате горячих дискуссий вокруг эволюционной теории Дарвина Гексли сформулировал некоторый запрет на использование в рамках «хорошей» науки принципа катастрофизма. Современные учёные не наблюдают ни в настоящем, ни в обозримом прошлом никаких катастроф; соответственно, разумно экстраполировать этот опыт и на прошлое и предположить, что ничего подобного не было ни в прошлом и не будет в будущем. Этот принцип проник и в социальные науки. Ученые вполне справедливо полагали, что нет смысла говорить о каких-либо «одномоментных» событиях в прошлом типа «казней египетских», явлений Бога или свершения чудес, коль мы не наблюдаем ничего подобного в настоящем. Даже теория общественного договора была отброшена, как неудачная попытка объяснить исторический процесс. В этом отношении все социальные науки XIX в. пронизаны идеей эволюционизма. По большому счёту и марксизм является эволюционистской теорией. Речь идет, безусловно, о естественноисторическом процессе, где революция есть лишь внутренний необходимый момент общей эволюции общества. Здесь как нельзя кстати пришлась диалектика Гегеля, требующая усмотреть внутреннюю необходимость в любом явлении.

Мы полагаем, что идея катастрофизма не только уместна в рамках социальной теории, но и необходима. Естественно, под принципом катастрофизма мы подразумеваем совсем не то, что подразумевают под ним клерикалы. С нашей точки зрения «хороший» принцип катастрофизма

[22] К слову сказать, эта радость с каждым днем оказывается всё менее оправданной. Современной физике удалось продвинуться за момент «Большого взрыва» и предложить ряд интересных

требует признания того, что социально-исторический организм может прекратить или радикально изменить своё существование в результате одномоментного естественного события. Это признание необходимо в силу давления фактов. Общеизвестно, что прошлое демонстрирует многочисленные примеры гибели социора в результате катастрофы природного или социального характера. Но давление старой парадигмы таково, что обычно подобные события оказываются вне фокуса внимания учёных. Например, твердо установлено, что Средиземноморский регион испытал во втором тысячелетии до нашей эры серию чудовищных катастроф природного характера. Вне всякого сомнения, они оказали фундаментальное влияние на социоры этого региона, не считая тех, которые были просто ими уничтожены. Но при этом, в большинстве академических исторических трудов вы найдете в лучшем случае лишь туманные упоминания об этих событиях. В целом же перед нами предстает эволюционное развитие средиземноморских социоров в стабильной гео и климатической среде.[23]

Другой, ещё более убедительный пример катастрофы – столкновение Земли с крупным космическим телом. Подобные столкновения уже были. Это известно науке, но не принимается ею на парадигмальном уровне. В этом отношении весьма характерен тот шок, который испытали как ученые, так и общественность в связи с прохождением вблизи нашей планеты кометы Шумейкер-Леви. Неожиданно выяснилось, что привычно эволюционное развитие нашей планеты может быть прервано космической катастрофой.

Очень грустно, что «парадигмальное» невнимание науки к этому классу феноменов порождает множество псевдонаучных спекуляций на эту тему. И грустно, что учёному, желающему получить информацию на этот счет приходиться обращаться в большей степени именно к этим спекуляциям, а не к строгой науке.

теорий объясняющих его. Как и следовало ожидать, наглые физики обошлись и в этот раз без фигуры Бога, предложив естественное объяснение.

[23] По крайней мере, Прусаков Д. Б. в своей монографии «Природа и человек в Древнем Египте» М., 1999, посвященной истории Древнего Египта в её связи с экологическими изменениями указывает на уникальность этой попытки в науке.

Конечно, принцип катастрофизма может показаться многим банальной и эвристически бедной идеей. Но, он весьма полезен с парадигмальной точки зрения, поскольку конституирует наш взгляд на целый класс феноменов. Кроме того, он является прекрасным лекарством против какой-либо «метафизики» в социальных науках. Современный человек уже вполне привык к мысли, что в царстве живой природы могут исчезать целые виды, но он всё ещё не может допустить, что это справедливо и для социальной реальности. Его деятельность представляется ему столь «вселенски» осмысленной и значимой, что мысль о её внезапном прекращении в результате катастрофы кажется ему не правдоподобной.

Здесь мы приближаемся к весьма фундаментальному предрассудку, доставшемуся нам в наследие от доиндустриальной эпохи. Донаучное мировоззрение всецело пронизано принципом телеологизма. Этот принцип является существеннейшей частью представления о скрытой, внутренне необходимой логике развития, о которой с такой любовью и тщанием говорила непосредственная предшественница марксизма - немецкая философия. Но о какой логике истории, о каких «железных законах» исторической необходимости можно говорить, коль вся эта историческая «комедия» может быть прекращена одним ударом метеорита. Этого сопоставления не может выдержать ни одна метафизика истории.[24]

4. Теория социальных «мутаций».

Под мутацией мы понимаем случайное, но не произвольное изменение сущности. С нашей точки зрения любые социальные изменения предполагают механизм социальной мутации. В самом деле. Социальная жизнь предполагает разнообразие социальных форм. Одни из них являются господствующими, другие периферийными. Поскольку социальные изменения есть ответ общества на внешний или внутренний «вызов», постольку этот ответ осуществляется либо в рамках господствующей формы, либо за счет актуализации мутационных форм периферии. Если в последнем случае «ответ» оказывается эффективным и

[24] И она не выдерживала достаточно долгое время – правда в другом смысле: скорее всего не случайно, что наука XIX века, содержавшая в себе массу метафизических пережитков отказывалась говорить о каком-либо катастрофизме.

соответствующим сложившейся ситуации, то эта периферийная форма может стать господствующей.

Более того, уместно говорить, что в результате серии успешных мутаций может меняться характер не только отдельного общества, но и ход истории в целом. Именно это произошло и происходит в последние четыреста лет. Как указывают многие современные ученые, западноевропейский капитализм есть следствие целой серии успешных социальных мутаций, породивших социальную форму принципиально отличную от форм существовавших ранее. Эффективность и мощь этой формы такова, что ход человеческой истории был изменен в корне. В некотором роде по масштабу и значимости это событие можно сравнить с возникновением homo sapiens на Земле (которое, кстати, тоже было следствием серии мутаций). В тот момент, когда возник homo sapiens, почти все остальные формы жизни на Земле фактически были приговорены – рано или поздно они подвергнутся уничтожению либо, будут существовать как подчиненные формы или незначительные. То же в случае и с капитализмом. Можно сказать, что в тот момент, когда капитализм обозначился в одном из регионов мира, как сложившаяся социальная форма, все остальные социальные формы на земле были приговорены. Их удел – либо изменение в сторону капитализма, либо гибель.

Другой яркий пример социальной мутации монотеизм иудаизма и христианства. Иудаизм возник как ярко выраженная мутация традиционной религиозной формы древних обществ. Все исследователи отмечают нетипичность этого монотеизма избранных. Но при этом данная форма тысячелетие существовала как периферийная. И только серия новых крайне эффективных мутаций привела к тому, что монотеизм избранных стал господствующей религиозной формой мирового масштаба.

Впрочем, о механизме социальных мутаций мы намерены говорить ниже, в разделе, посвященном социальной динамике. Пока же мы должны отметить губительность этого комплекса идей для любого тотального детерминистского объяснения социальной реальности. Либо мы говорим о естественноисторическом характере развития обществ, осуществляемом

через перманентные мутации, так что конечный итог никогда не известен, либо вещаем об истории как поэтапном развертывании «сакрального» смысла. Очевидно, что первое более согласуется с духом современной науки.

Глава 3. Социальная статика.

Мы не собираемся в этой главе подробно излагать марксистскую теорию. Мы сделаем это лишь пунктирно, поскольку ориентируемся на профессионального читателя. В этом отношении нас интересуют не столько те или иные подробности марксистской теории, сколько её проблемные места.

Еще до Маркса было известно, что человек – это существо общественное. Так Фергюссон писал, что раз человек живет коллективно, то и рассматривать его надо в этом аспекте. Но лишь Маркс понял, что общество есть производство.

В самом деле, общество как система, организм, должно воспроизводить себя. Вещество для своего воспроизводства оно присваивает из среды. В силу этого, общество есть система производства: производства вещей, производства людей, производства социальных (системных) связей, производства информации (символов). Далее Маркс совершенно справедливо указывает на то, что это производство может осуществляться различными способами. Так что общества отличаются друг от друга, прежде всего, способами производства. Неоспоримой заслугой Маркса является то, что он обнаружил причину, почему в том или ином обществе существует именно этот, а не другой способ производства. Речь идет о законе соответствия производственных отношений производительным силам.

Для девятнадцатого века этот набор бесспорных теоретических положений был прекрасен. Но очень грустно, что некоторые социальные теоретики в начале двадцать первого века довольствуются всё тем же и не замечают здесь ряда проблем, требующих уточнения этих положений.

I. Классический марксизм содержит в себе скрытое противоречие. Вначале Маркс говорит об обществе как системе производства. Но далее под производством понимает, прежде всего, материальное производство. Налицо определенная подмена тезиса. В силу этой подмены и возникает столь часто отмечаемый крен в сторону экономического детерминизма.

В принципе, в марксовом экономическом детерминизме нет ничего плохого. Мы разделяем убеждение Маркса, что производство вещей

является ведущей формой общественного производства. И соответственно на уровне макросоциологической теории вполне уместно говорить об экономическом детерминизме. Но при анализе конкретных социально-исторических организмов должно констатировать значимость в тот или иной момент для специфики общества и других сфер общественного производства. Так, например, очень часто можно наблюдать как продвинутый характер военного дела или политического устройства оказывается решающим не только для доминирования того или иного социора со всеми вытекающими отсюда последствиями, но и возникновения нового социально-исторического организма (например, Рим и Римская империя).

II. В классическом марксизме существует некоторое теоретическое упущение. Маркс полагает, что для понимания специфики способа производства необходимо анализировать внутренние факторы социора. Но с самого начала он признал, что общество существует в контексте природной среды. В этом отношении необходимо признать, что характер способа производства очень часто зависит и от природной среды. Особенно наглядно мы можем это наблюдать на примере доиндустриальных обществ. В принципе Маркс не стал бы возражать против этого тезиса, но сам он предпочитал не акцентироваться на этом. Мы подозреваем, что происходило это в силу двух причин.

Во-первых, идеи, лежащие в основе концепции географического детерминизма появились еще в восемнадцатом веке и во времена Маркса считались устаревшими. Кроме того, как это часто бывает в истории науки, когда две идеи в принципе не противоречащие друг другу оказываются в силу ситуации противостоящими, так это и сложилось в случае с марксизмом и географическим детерминизмом.

Во-вторых, признание географической составляющей серьезно затруднило бы для Маркса и марксистов рассуждение о внутренней необходимости истории. Как можно говорить о необходимости, когда тысячелетия человечество существовало в формах определяемых природной средой, достаточно разнообразной средой. Всё же Маркс как убежденный

гегельянец тяготел к анализу исходящему из внутренних моментов объекта.

III. Ценнейший закон соответствия производительных сил производственным отношениям следует понимать, как связь не столь жесткого характера как это представляется в традиционном марксизме. Вернее говорить о жесткости этого закона в рамках абстрактной макросоциологической теории, и о мягкости его действия в рамках теории описывающей конкретные социоры. Многочисленные исторические факты демонстрируют, что здесь речь может идти лишь о некоторой статистической закономерности.

Так, например, мы видим в ряде древневосточных обществ складывание политарного способа производства на базе неолитического развития производительных сил. Судя по всему, следует говорить об этом процессе как результате кумулятивного накопления цивилизационных эффектов. И совсем уж бесспорным случаем здесь могут выступить цивилизации доколумбовой Америки, которые в принципе не знали хозяйственного использования металла.

В качестве другого примера может быть приведен плантационно-рабовладельческий способ производства на Юге США в девятнадцатом веке. Здесь капиталистический уровень развития производительных сил оформлялся в силу исторической ситуации в рамках рабовладельческих отношений.

Еще один пример. Вполне возможно говорить об определенном равенстве в рамках аграрной цивилизации уровня развития производительных сил в Европе и Азии. Но при этом мы наблюдаем кардинальное различие европейского и азиатского способа производства, вызванного, прежде всего, географическим фактором.

Таким образом, мы видим, что довольно часто закон соответствия производственных отношений производительным силам подвергается корректировки исторической или географической ситуацией.

IV. В марксистской литературе дебатировался и дебатируется вопрос об источнике развития производительных сил. Этот вопрос, по-своему,

достаточно важен, поскольку хорошая теория предполагает полное указание на все детерминанты описываемого объекта. Кроме того, этот вопрос всегда был важен для марксистов, поскольку он связан с пресловутой «социальной материей».

В качестве источника развития производительных сил иногда указывали географический или демографический факторы. Чаще же всего, говорят о законе возрастания потребностей как главной причине развития производительных сил. Однако выдающийся марксист Ю. И. Семенов относится к этой позиции критически: «Иногда утверждают, что человеку от природы присуще стремление иметь всё больше и больше предметов. Он никогда не удовлетворяется тем, что обладает. И этот постоянно возобновляющийся разрыв между тем, что человек имеет, и тем, что он хочет иметь, побуждает его производить все больше и больше, а тем самым и развивать производительные силы. В действительности, когда такой разрыв существует, его корни вовсе не в природе человека, а *в существующих экономических отношениях* (курсив – наш). Он, например, возникает в обществе с рыночной экономикой. Рынок предлагает людям огромное количество разнообразных товаров. Но запас денежных знаков у каждого рядового потребителя всегда ограничен. Именно этот разрыв между рыночным предложением и кошельком покупателя и осознается как вечно присущий человеку разрыв между тем, что он имеет, и тем, что он хотел бы иметь».[25] И далее: «Возвращаясь к вопросу об источнике развития производительных сил, подчеркну, что таким источником являются социально-экономические отношения до тех пор, пока они отвечают уровню и характеру этих сил…Таким образом, источник развития общественного производства заключен в самом производстве. Общественное производство есть саморазвивающаяся система».[26]

Весьма озадачивает в этой цитате оборот «…до тех пор, пока…». Возникает вопрос: если источником развития производительных сил являются социально-экономические отношения до тех пор, пока они отвечают уровню и характеру этих сил, то, что же является источником

[25] Семенов Ю. И. Философия истории. М., 1999. С. 194.
[26] Семенов Ю. И. Философия истории. М., 1999. С. 200.

после того, как они перестали отвечать? Тем более что выше, на той же странице, мы читаем у Семенова: «…старые производственные связи исчерпали свои прогрессивные возможности, а новые возникнуть в нем не могли. Для человечества в целом выход состоял в том, что экономические отношения более высокого типа начинали формироваться не в этом социоисторическом организме, а в совершенно иных социорах, к которым и переходила ведущая роль в мировой истории».

Похоже, что здесь мы имеем дело с новым «окказионализмом», спровоцированным все тем же гегелевско-марксовым провиденциализмом. Учитывая, что человечество не являлось и в данный момент не является реальным субъектом, а есть лишь номинальная группа, остается лишь предположить эйдетическое человечество, а ещё лучше метафизический Разум Истории, который приходит на помощь человечеству всякий раз, когда «ведущий» социор заходит в тупик, и возникает необходимость организации новых, более высокого типа экономических отношений в новом географическом регионе.

Впрочем, ценностная мотивация в позиции Ю. И. Семенова по вопросу источника развития производительных сил понятна. Он столь старательно пытается дистанцироваться от всего, что могло бы реабилитировать капитализм или представить его как глубоко естественное для человека явление, что избегает и поддержки закона возрастании потребностей, как взгляда порожденного капиталистическим обществом потребления.

Но здесь мы должны возразить Ю. И. Семенову. Безусловно, закон возрастания потребностей действует наиболее ярко именно в капиталистическом обществе. Но это не значит, что он порожден именно этим обществом. И, безусловно, всегда нужно говорить о сущности человека лишь в контексте той или иной исторической эпохи. Но это не значит, что нельзя говорить при этом о родовых константах человеческой природы. Необходимо помнить, что любой реально действующий общественный механизм не только порожден конкретной исторической ситуацией, но всегда при этом имеет в своей основе ту или иную родовую константу человеческой природы.

Хотя этот тезис и является для нас очевидным, но все же мы подкрепим его указанием на ряд реальных исторических казусов, которые работают как доказательство от «противного».

В течение двух тысяч лет христианство оказывало тотальное давление на человечество с целью воспитать его в духе альтруистической, антигедонистической морали. Долгое время это давление подкреплялось всей мощью политического и идеологического аппарата. При этом максимум, в чём оно преуспело – в создании череды поколений теоретиков, для которых альтруистическая и антигедонистическая мораль представляется глубоко естественной для человеческой природы.[27] Поскольку само же человечество не сильно изменилось при этом, постольку в итоге мы имеем чудовищный катастрофический разрыв между реальной жизнью и духовным осмыслением этой жизни, порождающий время от времени кровавые попытки подогнать реальную жизнь под умозрительные принципы.

Впрочем, марксист может нам возразить: Ссылка не убедительна. Речь идет об идеологическом и политическом, то есть надстроечном, воздействии на человека. Как известно, подлинно революционизирующую роль в изменении природы человека играют лишь базисные факторы.

Хорошо. Тогда другой казус. В Советской России социально-экономические отношения были сконструированы так, чтобы максимально подавить частный интерес, индивидуализм, гедонистические наклонности, страсть к наживе. И что же?! В этом обществе частный интерес, как и всё остальное, прорастал, где только можно, а там же где прорости он не мог, люди фактически саботировали выполнение обязанностей.

Любой реально действующий общественный механизм не только порожден конкретной исторической ситуацией, но всегда при этом имеет в своей основе ту или иную родовую константу человеческой природы. Если такой основы он не имеет, то это лишь фикция.

---

[27] Кстати сам Ю. И. Семенов является ярким представителем именно этого типа теоретиков. Странно, что столь часто и столь справедливо утверждая исторический подход к природе человека, он не замечает, что его собственные морально-политические установки есть лишь исторически, слишком исторически обусловленные субъективные предпочтения.

Впрочем, эвристическая мотивация в позиции Ю. И. Семенова по вопросу источника развития производительных сил понятна. Он совершенно справедливо берет во внимание весьма фундаментальное обстоятельство. Развитие производительных сил в докапиталистических обществах столь минимально, что на фоне капитализма представляется, чуть ли не нулевым. Возникает справедливый вопрос.

Допустим, рост потребностей при капитализме, помимо детерминированности его рыночной экономикой, обусловлен также родовым законом возрастания потребностей. Хорошо, убираем рыночную экономику, как это имеет место в докапиталистических обществах. В итоге мы получаем минимальный рост производительных сил. Если основной источник развития производительных сил закон возрастания потребностей, то отчего он действует столь слабо в некапиталистических производственных отношениях?

Мы полагаем, что здесь действует фактор пока ещё мало известный большинству социальных теоретиков. Причиной тому, как новизна этих данных, так и междисциплинарные барьеры в гуманитарном знании.

Речь идет о специфических информационных механизмах культур доиндустриальных и индустриальных обществ. Здесь мы опираемся на фундаментальный труд В. Н. Романова «Историческое развитие культуры. Психолого-типологический аспект», подытоживающий целый этап в развитии этнопсихологии.[28]

Романов пишет: «В противоположность доминирующей в настоящее время тенденции трактовать культуру в качестве некоторой совокупности артефактов (прежде всего – текстов) и сводить проблемы её исторического развития к простой трансляции соответствующих норм и правил через их усвоение индивидом я всей своей работой стремился преодолеть ложную (с моей точки зрения) антиномию *культура – индивид*, и утвердить такой подход к культуре, когда и она, и её субъект рассматриваются системными составляющими социальной деятельности».[29]

---

[28] Романов В. Н. Историческое развитие культуры. Психолого-типологический аспект. М., 2003.
[29] Романов В. Н. Историческое развитие культуры. Психолого-типологический аспект. М., 2003. С. 298.

Анализируя социальную деятельность доклассовых и классовых обществ, Романов исследует характер информационных процессов культур в связи с этой деятельностью. В итоге он выделяет два типа культур – симпрактические и теоретические.

Симпрактическая культура характерна для доклассовых обществ, не обладающих письменностью. Для неё характерны слитность чувственно-практического, «наглядного» и информационного аспектов деятельности. Подобная синкретичность порождает отсутствие какого-либо абстрагирования, неспособность субъекта симпрактической культуры произвольно высветить в отвлеченном тексте планы деятельности. Соответственно, произвольное планирование деятельности, а тем более произвольное реформирование деятельности здесь не возможно. Всякое изменение деятельностного комплекса осуществляется под давлением практической ситуации путем проб и ошибок. В некотором роде здесь можно говорить о «эволюции» деятельности в своей естественной историчности сходной с эволюцией живых организмов.

Теоретическая культура характерна для обществ, обладающих развитой социальной и политической структурой, и феноменом письменности, обслуживающим эту структуру. Письменность позволяет закрепить расчленённость чувственно-практического и информационного планов деятельности. Более того, она оформляет в ряде случаев профессиональное оперирование с информацией как институционно закрепленную отдельную деятельность. Иными словами способность к решению абстрактных задач, произвольному планированию и реформированию деятельности, созданию отвлеченных текстов, описывающих деятельность, становится характеристикой не только практического деятеля, но и предметом профессиональных усилий целого класса теоретиков.

Такова общая схема В. Н. Романова.

Но мы должны обратить внимание, что столь четкое отграничение теоретической и симпрактической культуры возможно лишь в определенном аспекте, фиксирующем лишь наличие или отсутствие в культуре сферы теоретического. При более детальном рассмотрении мы видим, что можно говорить об этапах эволюции самой теоретической

культуры. То есть, возникновение теоретической деятельности вовсе не означает, что все информационные процессы в обществе функционируют по теоретической «схеме». Наоборот, долгие тысячелетия с момента возникновения теоретической деятельности она осуществлялась лишь в отдельных участках социальной жизни, погруженных в океан симпрактичности. Более того, в силу ряда причин, о которых здесь упоминать излишне, даже эта теоретическая деятельность оказывалась глубоко ориентированной на область сакрального или метафизического, и, тем самым, исключалась из сферы практики. Таким образом, хотя теоретическая деятельность и существовала, её «революционный» потенциал оказывался невостребованным. Реформирование практической деятельности, или выражаясь более грубо, технический прогресс, оказывался уделом симпрактического субъекта. А как мы видим, вся аргументация В. Н. Романова демонстрирует крайнюю консервативность этого симпрактического субъекта деятельности. Это, во многом, объясняет ту почти полную неподвижность, которую мы наблюдаем в деле развития производительных сил в докапиталистическую эпоху. Закон возрастания потребностей действует на всем протяжении человеческой истории, но в докапиталистическую эпоху человек поставлен в весьма неблагоприятные условия для реализации этого закона.

По крайней мере, всякий раз, как намечалась тенденция по «расколдовыванию» мира и освобождению теоретической деятельности из под гнёта «сакрального», тотчас осуществлялась определенная ориентация теоретического на интересы практического, что приводило в большей или меньшей степени к техническому прогрессу в той или иной области.

Подобную ситуацию мы наблюдаем в эпоху античности. Другой пример – Китай эпохи «Весны и Осени».

Наиболее фундаментальное и подлинное освобождение теоретической деятельности из-под гнёта сакрального мы наблюдаем на заре капитализма в Новое время. Развитие капитализма и «внесакральное» развитие теоретической деятельности - непрерывно коррелирующие процессы в эту эпоху. Внесакральная теоретическая деятельность придает мощный импульс развитию капитализма, капитализм же создает всё более благоприятные условия для «обмирщения» теоретической деятельности.

Таково, по нашему мнению, наиболее удачное объяснение минимальной реализации закона возрастания потребностей в развитии производительных сил в докапиталистическую эпоху и максимальной реализации в капиталистическую. Образно говоря, капитализм радикально освободил потенциал закона возрастания потребностей.[30]

По крайней мере, аргументация Ю. И. Семенова представляется нам менее удачной. Он признает закон соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил. В следующем шаге своего теоретического анализа, говоря об источнике развития производительных сил, в качестве такого источника он указывает производственные отношения. Налицо логическая ошибка – круг в доказательстве. Впрочем, мы осознаём неуязвимость позиции Ю. И. Семенова для наших аргументов. Он диалектик, а как уже давно замечено, одной ссылки на диалектику вполне достаточно, чтобы отменить любой закон классической логики.

Ю. В. Семенов пишет: «…источник развития общественного производства заключен в самом производстве. Общественное производство есть саморазвивающаяся система». Мы согласны с Ю. И. Семеновым, что общественное производство есть саморазвивающаяся система, но при этом не стоит делать из неё «аристотелевского» Бога – ни с чем не контактирует, не от чего не зависит, имеет имманентный импульс к движению и при этом является перводвигателем.[31] Складывается впечатление, что подобную конструкцию саморазвивающегося производства Семенов позаимствовал из классического тезиса марксизма о материи-Вселенной как саморазвивающейся субстанции. Но что было уместно, хотя и слабо доказуемо – тезисы в этой области вообще трудно доказуемы – в онтологии, совсем не уместно по отношению к такому реальному и достаточно хорошо обозреваемому объекту как социально-исторический организм. Биологи тоже имеют дело с проблемой источника

[30] Тоже можно сказать и не только в отношении закона возрастания потребности. Столь же радикально капитализм «освободил» потенциал человеческого разума, потенциал человеческого труда, потенциал политической и социальной активности человека и т.д.

[31] Подобное «зацикливание» детерминаций противоречит духу марксистской парадигмы, поскольку он всегда был склонен к «линейным» детерминациям, высвечивая шаг за шагом переход от более фундаментальных детерминаций к менее фундаментальным. И в этом заключается сильная сторона марксизма, впрочем, как и слабая.

развития живых организмов. Но им при этом не приходит в голову постулировать организм как автономную саморазвивающуюся систему. Они решают эту проблему в связке «организм – среда», вычленяя как внешние, так и внутренние импульсы к изменению. Соответственно, и нам разумно говорить о внутренних и внешних источниках развития, как общественного производства, так и общества в целом. В этом отношении в различной степени уместны почти все факторы, на которые указывали в разное время те или иные марксисты. Общество как социально-исторический организм имеет как внутреннесистемные потребности и детерминанты, так и внешние факторы среды. Поддержание равновесия со средой или господство над средой, удовлетворение внутренних потребностей - всё это и является основным источником социальной динамики.

V. Структура производственных отношений: производственно-технические отношения и отношения собственности.

Эта проблема столь важна и принципиальна для понимания процесса эволюции производственных отношений, смены способов производства, проблемы социальной революции и перспектив коммунистического «проекта», что мы решили пренебречь логикой изложения и отнести её рассмотрение в раздел социальной динамики.

VI. Проблема базиса и надстройки.

1.) Понятия «базис» и «надстройка» являются одними из ключевых в марксизме. Это парадигмальные термины. В некотором роде они есть визитная карточка марксизма. Но, к сожалению, эти понятия излишне догматизированы.

Парадигмальность понятий базиса и надстройки выражается в том, что через них основоположники марксизма пытались выразить основную линию социальной детерминации. Выше мы уже говорили, что «линейные» детерминации являются сильной стороной марксизма. Они структурируют научный анализ, задавая ему определенную последовательность мыслительных ходов. Соответственно, после длительного размышления и обсуждения мы пришли к выводу, что эти

понятия не только можно, но и необходимо сохранить в реформированном марксизме.

Опираясь на теорию К. Х. Момджана о четырех видах общественного производства и, соответственно, о четырех сферах общественной жизни можно говорить, что сфера материального производства вкупе с социальной сферой составляют базис общества, а регулятивная и символическая сферы составляют надстройку. Таким образом, общество пронизано определенной линией социальной детерминации. Характер материального производства определяет характер социальной сферы. Вместе же они порождают определенный тип «политической» структуры. В итоге же, сложившиеся формы социальной жизни находят своё выражение в сфере символического. Именно так обстоит дело в рамках макросоциологической теории марксизма. Но ограничиться только этим уровнем анализа – значит впасть в догматизм. Выше обозначенная закономерность четко просматривается на больших исторических дистанциях. На практике же, мы обнаруживаем ситуации, когда регулятивная (политическая) и символическая сферы часто приобретают значимость «базисных» факторов. Иногда подобные флуктуации укладываются в рамки основной детерминанты базис – надстройка, иной же раз становятся обстоятельствами, влияющими на характер базиса. Так, как это было в случае с исламским Востоком, либо же с ролью протестантизма в формировании европейского капитализма.

В этом отношении, разумно признавать действенность детерминанты базис – надстройка и в то же время разумно использовать эту схему как некоторое методологическое требование, не исключающее возможности видеть иные ситуации.

2.) Здесь же необходимо рассмотреть некоторое противоречие и двусмысленность в теории Маркса, которое, впрочем, привело в последующем к пагубным разночтениям в марксистской литературе. В самом деле, с подачи самого Маркса в марксистской литературе базис традиционно отождествляется со способом производства. Соответственно, выделение той или иной общественно-экономической формации осуществляется, прежде всего, по характеру наличного способа

производства. При этом речь идет именно о способе *материального* производства.

Но вместе с тем, сам Маркс неоднократно отмечает, что общество в целом есть производство. Налицо нарушение логического закона тождества. Если общество есть система производства, то тогда марксисты должны говорить о способе производства обществом самого себя. Но при этом, они, да и сам Маркс, почему-то используют понятие «способ производства» в значительно более узком значении и смысле, говоря о способе производства материальной составляющей общества.

Сами марксисты интуитивно чувствуют, что здесь что-то не так и в итоге в большинстве марксистских текстов тезис об обществе как системе производства оказывается фоновым, декоративным принципом, не порождающим никаких теоретических следствий. Либо же в редких случаях у некоторых марксистов, которые не забывают о тезисе Маркса, что общество есть производство, возникает сильнейший соблазн вообще отбросить понятия «базис» и «надстройка» как противоречащие исходному тезису марксизма. Но отбросив эти понятия, они тотчас попадают в затруднение, не находя соответствующих терминов для описания основных детерминаций социума. И в итоге они вновь «контрабандой» возвращают в свою теорию только что отброшенные понятия.

Мы полагаем, что это устрашающее противоречие может быть разрешено посредством некоторой реформы понятия «способ производства».

Поскольку общество есть система производства, постольку мы обязаны говорить о способе этого производства. Его можно обозначить как «способ производства общества в целом». В этом смысле, ни о каком «базисе», и не о какой «надстройки» здесь речи быть не может. Более того, общественно–экономическая формация как определенный тип общества может быть фактически отождествлена с тем или иным способом производства общества в целом.

Но поскольку для социального теоретика оказывается очень важным понимание того, как этот механизм работает «изнутри», постольку он с неизбежностью должен перейти на иной уровень структурно-функционального анализа. Здесь он вспоминает, что производство

общества как целого предполагает производство основных его элементов: материальных, социальных, регулятивных, символических. Соответственно, можно и необходимо говорить о четырех сферах общественного производства и о способах производства этих сфер. Таким образом, можно говорить о материальном способе производства, о социальном способе производства, и способах производства общественных связей и символов. И вот здесь вопрос о функциональной субординации этих способов производства оказывается уместным и необходимым. Именно определенный характер этой субординации и выражается в понятиях «базис» и «надстройка».

Но при этом мы настоятельно должны отметить, что речь идет не просто о реформе понятий. Если речь идет о субординации различных сфер общественного производства, то мы уже не можем произвольно занижать важность той или иной сферы. Безусловно, в тенденции социально-экономические факторы детерминируют политико-идеологические. Но в ряде ситуаций, та или иная, «надстроечная» сфера общественного производства может приобретать базисный характер. Так, например, при значительной схожести материального способа производства России и Европы XVI в. мы обнаруживаем значительные различия в способах производства общества в целом или, иначе говоря, две различных формации. Это обусловлено тем, что в России политический способ производства приобрел первостепенное для общества значение и определил характер всех остальных способов производства.

Таким образом, сохраняя как эвристически ценный закон «базиса и надстройки», мы склонны рассматривать его скорее как некий регулятивный объяснительный принцип, а не как жесткий закон общественной жизни.

VII. Здесь, говоря о базисе и надстройке, мы с величайшим неудовольствием принуждены втянуться в обсуждение крайне схоластической проблемы. Речь вновь идет о понятии «социальная материя». Выше, в разделе, посвященном философским основаниям марксизма, мы уже пытались продемонстрировать некорректность использования этого термина в рамках социальной теории. Но делали мы

это на основании общефилософских соображений и соображений, исходящих из логики классификации наук. Теперь же, мы попробуем продемонстрировать некорректность использования понятия «социальная материя» исходя из собственно теоретических соображений.

Традиционно признано, что социальная теория марксизма называется материалистическим пониманием истории вследствие непременного требования видеть зависимость общественного сознания от общественного (материального) бытия. В другом аспекте эта зависимость предстает как зависимость надстройки от базиса. Причем многие весьма ретивые, но совершенно последовательные марксисты справедливо называют базис «социальной материей». Термин «социальная материя» фактически отсутствует у К. Маркса,[32] но весь дух и вся буква его теории говорят об уместности использования этого термина. При этом в качестве признаков социальной материи марксисты указывают на существование «вне и независимо от сознания». То есть, социальная материя это то общественное бытие, которое существует **вне** и **независимо** от сознания (от отдельного сознания и от общественного сознания в целом), и более того, определяет это сознание. Еще раз напоминаем, что речь идет о социально-экономической области.

Эти положения мы должны квалифицировать как взгляды, возникшие вследствие очень давней путаницы. Мы не единственные, кто указывает на это, но большинство марксистов игнорировали и игнорируют эти указания, движимые пламенной верой в привычные каноны, консерватизмом мысли или слабостью философской рефлексии.

Хотя, подлинным источником этой путаницы являются К. Маркс и Ф. Энгельс, но, думаем, их во многом можно реабилитировать, учитывая тот стиль философствования, который существовал в их век.

Существует три наиболее распространенных способа определения материи.

[32] Маркс наиболее часто использует следующие термины: «материальные жизненные отношения», «материальные интересы», «материальные производительные силы», «материальные условия жизни», «материальная жизнь».

Первый. Мы определяем материю через указание (остенсивное определение), то есть мы говорим, что материя это то, что существует либо в виде вещества, либо в виде энергии.

Второй. Мы определяем материю как субстанцию, обладающую рядом атрибутов.

Третий. Определение материи через оппозицию сознанию. Например, «ленинское» определение материи.

Все эти способы недостаточны и не очень хороши. Но в рамках онтологии эта трудность неизбежна в силу предельной обобщенности её предмета. Особенно нехорош последний, третий способ определения материи. Выше мы уже аргументировали это. Фактически, все построения марксизма по поводу социальной материи базируются именно на этом способе.

1. «Ленинское» определение материи при всей его некорректности всё же может использоваться в дидактических целях для облегчения понимания позиции материализма для человека не способного свободно двигаться в пространстве категориального аппарата философии. Но, как только мы пытаемся использовать в научном анализе параметры, задаваемые им, случается путаница и изрядный конфуз. Особенно если мы используем не весь объем этих параметров. Когда говорят, что социальная материя это то, что существует «вне и независимо от сознания», по умолчанию выбрасывают третий признак – «данность в ощущениях». Выбрасывают весьма разумно, ибо с ним здесь выйдет полная нелепица. В итоге остаются признаки «вне» и «независимо». Это признаки объективности. Мы совершенно согласны, что объективность – это реальная характеристика социально-экономической области. Но с каких пор мы отождествляем область объективного с областью материального?! Так, например, философия Платона есть объективная данность для историка философии, но при этом ни один правоверный марксист не решится назвать её материальным.

2. Нам могут возразить: говоря о социальном бытии, речь идет о независимости от любого сознания, и поэтому в случае с примером философии Платона, следует говорить лишь о частичной объективности. В то время как по отношению к социальной материи, можно говорить о «абсолютной» объективности, о суперобъективности.

Это замечание, как нам кажется, не снимает наших аргументов.

Вопрос о правомерности отождествления материального и объективного всё ещё стоит. И мы убеждены, что это отождествление не правомерно. Разумно говорить о «пересечении», но не об отождествлении.

3. Социальная материя как феномен вне сознания – это нечто удивительное. Неоднократно было указано: то, что марксисты называют социальной материей насквозь пронизано сознанием - любой трудовой и социальный акт предполагают целеполагание, то есть акт сознания. Более того, сам К. Маркс неоднократно указывал, что производительные силы с необходимостью включают в себя производственные знания людей. Соответственно, ни о какой находимости социальной материи вне сознания не может быть и речи.

4. Независимость социальной материи от сознания вещь также сомнительная. Если сознание полностью пронизывает социальную материю, и действует здесь в качестве пусть и не самостоятельного, но неизбежно опосредующего звена, то говорить о независимости социальной материи от сознания бессмысленно.

Бессмысленно говорить о независимости от отдельного сознания, просто роль его предельно мала. Солнце содержит в себе чудовищное количество атомов. И каждый из них участвует во взаимодействиях Солнечной системы. В большинстве случаев мы имеем право пренебречь этим фактом, но, строго говоря, мы не можем считать, что Солнечная система независима от этого атома. Подобная аналогия представляется нам здесь весьма уместной. Ученый вполне имеет право ради достижения конкретной цели на ряд «допустимых погрешностей». Но не имеет право при этом конструировать из «погрешностей» целое понятие «социальной материи».

Здесь мы позволим себе для некоторой наглядности небольшой фантастический пример, как некоторый предельный случай того, о чем мы говорим. Хорошо известно, что А. Гитлер, имей он большие запасы ядерного оружия, способного уничтожить Землю целиком, не задумываясь, использовал бы их при своём падении. И возможность подобной ситуации в будущем вовсе не исключена. Или. Можно представить, что в недалеком будущем будет создан космический флот

достаточно маневренный и вооруженный оружием чудовищной мощности для бомбардировки космических тел угрожающих Земле. В этом случае гипотетически не исключена возможность, что отдельный маньяк или группа фанатиков направит это оружие против Земли, если окажутся у штурвала корабля. Это ли, пусть пока и фантастический, не пример зависимости социальной материи от отдельного сознания.

Дважды бессмысленно говорить о независимости социальной материи от общественного сознания. Выше мы уже неоднократно приводили примеры влияния феноменов общественного сознания на базис. Можно привести и ещё один. Достаточно вспомнить хотя бы о негативном влиянии на процесс накопления капитала в средние века отрицательного отношения христианства к богатству.[33]

5. Традиционные марксисты признают, что социально-экономические отношения на поверхности иллюзорно выступают как волевые отношения – отношения между сознательными субъектами. Но это вовсе не отменяет материальности этих отношений, то есть существования их вне и независимо от сознания. Поскольку, если мы сфокусируем внимание не на поверхности явления, а проникнем в сущность этих отношений, то мы обнаружим, что производственные отношения есть объективная, принудительная данность для экономических субъектов. И здесь находится корень отличия базисных структур от структур надстройки.

Всякий раз, читая или слыша подобные заявления, мы с удивлением обнаруживаем, что внутри нас в ответ на эти положения поднимается мощная волна воодушевления, настолько всё это кажется родным, очевидным, истинным, само собой разумеющимся для всякого способного правильно мыслить человека. И это неудивительно, - авторы

---

[33] В этом месте, возможно правоверный марксист-читатель пожмет плечами и грустно заметит: «Вот, что бывает тогда, когда люди, не обладающие и тысячной долей интеллекта Маркса берутся судить о таком фундаментальном и ярком научном явлении как марксизм. Они тотчас демонстрируют полное непонимание того, о чем идет речь. А речь идет не о признании или отрицании наличия сознания в социальной материи, а о проблеме что определяет, или, иначе говоря, о детерминации общественного сознания общественным бытием».

Относительно доли интеллекта – не нам судить, но при этом хотим напомнить, что суть наших возражений направлена не против тезиса о детерминации общественного сознания общественным бытием. Выше мы уже признали справедливость тезиса, что бытие определяет сознание, а сознание влияет на бытие. Мы возражаем лишь против крайне неудачной и ныне глубоко архаической формы выражения этой идеи.

воспитывались в Советской России – цитадели ортодоксального марксизма, и учили это, и другие марксистские положения, так, как учат катехизис в глубоко религиозной семье. Но если найти в себе силы и преодолеть привычную привязанность к тому, что знал с детства, преодолеть ради истины, то тотчас замечаешь несостыковки во всем этом.

В самом деле, если производственные отношения на поверхности выступают как волевые отношения, а, в сущности, являются объективной, принудительной данностью и именно в этом выражается материальность этих отношений, то же самое мы можем сказать по большому счету и об отношениях в надстройке. Поскольку один из главных тезисов марксизма гласит, что сущность отношений надстройки жестко детерминируется базисом, постольку неизбежен вывод, что на поверхности явления отношения надстройки выступают как волевые отношения, в своей же сущности есть объективная, принудительная данность. Так в чем же разница между материальным и нематериальным в обществе? Очевидно, что такой разницы не существует.

Нам могут возразить. Принудительность производственных отношений такова, что они не могут быть произвольно изменены – здесь альтернатив нет. Надстроечные же отношения не детерминированы столь жестко – например, капитализм в одних случаях может быть «надстроен» демократией, в других же случаях – диктатурой.

Это возражение мы можем парировать по двум пунктам.

Во-первых, мы изначально говорим о *сущности* надстройки, сущность же всегда тяготеет к определенному варианту структуры.[34] Тот же капитализм может время от времени порождать диктатуры, но в своей сущности обычно тяготеет к демократии, поскольку любые политические формы административного доминирования рано или поздно приходят в непримиримое противоречие с механизмом рыночной конкуренции. В самом деле, административное доминирование даёт одной из групп буржуазии экономически неоправданные привилегии, и это либо вызывает

[34] Если же кто из марксистов вздумает пожертвовать «второстепенным» ради защиты «главного», то есть понятия «социальной материи», и решится отрицать детерминанту базис-надстройка, то тогда он должен отказаться и от понятия «общественно-экономическая формация», поскольку данное понятие конструируется из утверждения, что определенный способ производства порождает достаточно определенную надстройку.

бурное противодействие других групп буржуазии, и это противодействие находит поддержку у общества в целом; либо же экономика приходит в упадок, что и порождает успешную агрессию со стороны более здорового организма и возмущение внутри.[35]

Во-вторых, пресловутая принудительность производственных отношений сильно преувеличена. История знает ряд случаев массированной интервенции надстроечных структур в область производственных отношений.

Например, в эпоху Древнего царства Египта при 5-6 династии с целью изъятия большего прибавочного продукта государство осуществило радикальную реформу в области производственных отношений. Был осуществлен отказ от мелкого производства в пользу организации целых трудовых «армий», обрабатывающих огромные государственные латифундии. На первом этапе эта реформа дала внушительный прирост государственного дохода, что позволило осуществлять грандиозные проекты. Но постепенно, эффективность такого хозяйства значительно снизилась, что привело в итоге к упадку царства и мощному социальному взрыву. Централизованное государство распалось, и осуществился возврат на двести лет к «номовой системе», существовавшей за шестьсот лет до этого, и о которой, казалось бы, все забыли. Причем границы новых номов полностью совпадали с границами старых.

Таким образом, мы видим, что определенная принудительность производственных отношений существует. Но эта принудительность должна рассматриваться как некоторая необходимость, задающая определенные границы для социальной деятельности. Эти границы могут быть в силу ряда обстоятельств нарушены, но «логика» характера развития производительных сил рано или поздно скажется, и в итоге катастрофы общество редуцирует к изначальным формам, чаще всего формам более примитивным, чем тем, с которых началась «революция».

[35] Кстати, именно этим во многом объясняется тот экономический упадок, что, мы наблюдаем в посткоммунистической России. Здесь административное доминирование наделяет определенные группы буржуазии экономически недопустимыми привилегиями, что вновь и вновь порождает феномен олигархии.

Другой яркий пример – СССР. Здесь мы находим грандиозную перестройку силами надстройки всего базиса общества. Правда, результат был плачевным и почти тем же, что и в древнем Египте.

Итак, принудительность производственных отношений и принудительность отношений надстройки различаются, но не столь сильно, как это представляется традиционному марксизму. Убедительно выстроить на этом различии целое понятие «социальной материи» невозможно.

6. Та путаница и некорректность, что существуют в этом вопросе, возникли вследствие того, что конкретные проблемы социальной теории классики марксизма пытались разрешить метафизическими методами. Возможно, при том уровне науки, что характерен для XIX века такой подход и был оправдан. Скудность фактуальной базы социальной науки во многом компенсировалась привлечением философского аппарата. Это создавало иллюзию фундаментальности обоснования. Не говоря уже о том, что тогда, как мы уже видели, грань между социальными науками и философией была весьма размытой.

Ныне использование в рамках частнонаучной социальной теории категорий философии столь неуместно, что возможно лишь при сохранении массы натяжек и передержек.

В заключение же добавим, что определение социальной материи через противопоставление сознанию есть ярчайший пережиток идеализма, поскольку возможно лишь при восприятии сознания как самостоятельной субстанции. В самом деле, если бы правоверные марксисты хотя бы на секунду забыли о священной войне со смрадным чудовищем идеализма и взглянули на сознание так, как требует этого научный материализм, то они вспомнили бы, что сознание это свойство высокоорганизованной материи, и в своей материальной основе онтологически не сильно отличается от феномена искусственного интеллекта – «компьютера». Хорош способ определения социальной материи через противопоставление фрагменту социальной материи. Здесь альтернатива одна. Либо же мы признаем, что сознание есть свойство высокоорганизованной материи и как феномен не может мыслиться вне этой основы и тогда подобный способ определения недопустим. Либо же мы встаем на позицию классического идеализма и

признаем сознание отдельной субстанцией, независимой от какой-либо материальной основы – душа, и получаем в результате онтологически полноценную «архимедову» точку опоры и корректно определяем через неё феномен материи. Думается, что нет нужды пояснять, какая позиция более соответствует марксистской парадигме.

Складывается впечатление, что из-за длительного конфликта с идеализмом марксисты сами не заметили, как в их формулировки просочилась классическая схема идеализма. Ведь эта схема весьма характерна для ряда идеалистических систем, признающих относительную субстанциональность материи – например, христианство или платонизм. И в такой системе вопрос: что первично? – весьма уместен. Отвечая на этот вопрос, такой идеалист говорит: первичен дух, субстанциональность же материи в конечном итоге не полноценна. Но истории философии неизвестна ни одна подлинно материалистическая система, признающая какую-либо субстанциональность духовного, поскольку краеугольным камнем материалистической позиции является монизм.

Здесь мы намерены закончить раздел социальной статики. Упреждая возможное изумление ученого читателя подобному заявлению, – неосвещенными остались огромнейшие разделы социальной статики – мы должны напомнить, что, к счастью, наша работа не является фундаментальным учебником марксистской социологии. С самого начала мы обозначили жанр этой работы как жанр вольных критических замечаний относительно материалистического понимания истории. Соответственно, несколько поколебавшись, мы решили двигаться не столько сообразно логики системы марксизма, сколько сообразно последовательности тех проблем, которые мы усматриваем в этой системе. Поэтому, ряд пунктов относящихся к разделу социальной статики, мы решили отнести к соответствующим проблемам социальной динамики. Учитывая, что они неразрывно связаны друг с другом.

Глава 4. Социальная динамика.

Социальная динамика – это раздел социальной теории, рассматривающий изменения социальной реальности. Естественно, учитывая тему нашей работы, мы будем говорить о марксистской социальной динамике.

Традиционно к этому разделу относят: вопросы об общественно-экономической формации, о социальной революции, классовой борьбе, о направленности социальной динамики и прогрессе и так далее. Очень часто, к тому же, добавляют в большей или меньшей степени детальности, описание хода реальной истории. Пожалуй, мы тоже будем следовать традиции.

Исследования в области марксистской социальной динамики таят в себе неизмеримые трудности. Эти трудности двоякого характера. Во-первых, сам предмет неизмеримо сложен, и до сих пор, во многом, не прояснен. Во-вторых, марксистская социальная динамика чрезмерно нашпигована ценностными, и, прежде всего, политическими ценностными предпочтениями. Последнее особенно важно. Всякий раз приходится обращать внимание не только на механику фактов и логики, но и на ценностные политические верования авторов материалистического понимания истории, которые подчас совершенно подменяют собой объективный научный анализ. Маркс и Энгельс похожи на архитекторов, которые при строительстве храма частенько думают не столько о крепости и правильности постройки, сколько о том, чтобы этот храм смог убедить их и окружающих, что бог-Солнце существует. И поскольку это, во многом, им удалось, исследовать структуру постройки крайне сложно - исследователь постоянно рискует быть растоптанным возмущенной, фанатичной толпой. Но, к счастью, это всего лишь образ и перед нами не стоит дилемма - истина или мученическая смерть. Словесные поругания фанатиков мы как-нибудь переживем. Поэтому мы смело решаемся судить обо всех пунктах марксистской социальной динамики, по ходу разбирая, где мы имеем дело с истиной, естественно, с нашей точки зрения, где мы сталкиваемся с вполне простительной научной ошибкой, а где – с недопустимыми в рамках науки «религиозными верованиями». Мы будем лишь сознательно ограничивать свои политические комментарии по тому

или иному поводу, поскольку в конце работы собираемся специально изложить своё мнение на этот счет.

Маркс полагал, что общество как система производства всегда осуществляется в определенной форме. Поскольку в истории мы находим множество тех или иных подобных форм, постольку вполне можно говорить о типах этих форм, или, иначе говоря, об общественно-экономических формациях.

Традиционно считается, что если говорить о структуре общественно-экономической формации, то это - базис плюс надстройка.

Таков статический момент марксистской социальной динамики.

В движении же говорится об эволюции человеческих обществ, и, следовательно, о смене общественно-экономических формаций. Здесь возникает вопрос о развитии производительных сил как источнике смены формации, о социальной революции, как механизме смены формации, о борьбе классов как средстве этой смены, о прогрессе как векторе направленности эволюции человечества.

$1. Понятие прогресса и линейно-стадиальная схема К. Маркса.

Возможно, такое начало разбора марксистской социальной динамики несколько обескураживает. По старинной, весьма разумной традиции, начинают с оснований и постепенно приходят к определенной квалификации тех или иных социальных вопросов. Мы поступили бы так же, если бы излагали свою социальную теорию. Но мы разбираем теорию Маркса, и поэтому должны начать этот разбор с идейно-мотивационного источника его работы. Без этого многое в марксовой теории останется непонятным.

Кроме того, в системах Нового времени, построенных по принципу, казалось бы, «основание – вывод», подчас таится скрытое мошенничество. Теоретик старательно делает вид, что ему неизвестны те выводы, что последуют из его системы. С серьезным видом он начинает с азов, трудолюбиво карабкается с тезиса на тезис, и, о чудо, перед ним внезапно раскрывается плодороднейшая долина выводов – обычно это определенная социально-политическая программа, долженствующая

облагодетельствовать человечество, а заодно и самого социального теоретика. Нуднейшая череда подобных благодетелей – даже скандальный Ф. Ницше опробовал себя в этой роли – прерывается лишь отчасти в начале двадцатого века фигурой О. Шпенглера, чьи откровения о закате Европы с трудом могут быть квалифицированы как положительная социальная программа.

Мошенничество состоит здесь в том, что предлагаемая социальная программа - это идея фикс ее автора, и весь адский труд движения от оснований к выводам есть большая комедия, долженствующая скрыть от всех и от автора, в том числе, подгонку теории под определенные социально-политические выводы, комедия, предназначенная для того, чтобы вернее и лучше зацепить читателя на крючок этих выводов.

Мы не решимся прямо обвинить К. Маркса и Ф. Энгельса в подобном мошенничестве, хотя многое у них указывает именно на это. Еще до создания какой-либо социальной теории они уже знали, что буржуазия обречена и грядет светлое будущее. С тем чтобы нас не обвинили в совершенно уж огульном охаивании ученого мыслителя, процитируем фрагмент его работы 1843-1844 г. «К критике гегелевской философии права», где он обозначает как неизбежное будущее именно эту перспективу. «В чем же, следовательно, заключается *положительная* возможность немецкой эмансипации? *Ответ*: в образовании класса, скованного *радикальными* цепями, такого класса гражданского общества, который не есть класс гражданского общества; такого сословия, которое являет собой разложение всех сословий; такой сферы, которая имеет универсальный характер вследствие её универсальных страданий и не притязает ни на какое *особое право*, ибо над ней тяготеет не *особое бесправие*, а *бесправие вообще*, которое уже не может ссылаться на *историческое* право, а только лишь на *человеческое* право, которое находится не в одностороннем противоречии с последствиями, вытекающими из немецкого государственного строя, а во всестороннем противоречии с его предпосылками; такой сферы, наконец, которая не может себя эмансипировать, не эмансипируя себя от всех других сфер общества и не эмансипируя, вместе с этим, все другие сферы общества, - одним словом, такой сферы, которая представляет собой *полную утрату*

человека и, следовательно, может возродить себя лишь путем *полного возрождения* человека. Этот результат разложения общества, как особое сословие, есть пролетариат».[36]

Здесь мы обнаруживаем Маркса – гуманиста, Маркса - моралиста[37], Маркса – революционера, но не обнаруживаем Маркса – материалиста. В лучшем случае, здесь речь может идти лишь об эволюции Маркса в направлении материализма, да и то, скорее, фейербаховского типа, хотя идеализм Гегеля и сказывается во множестве строчек. Достаточно заглянуть на другую страницу той же работы: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами».[38] Воспринимать этот фрагмент, по примеру некоторых, как свидетельство материализма молодого Маркса совершенно невозможно. В тот момент он - идеалист, но не дурак: против материального оружия необходимо материальное оружие. Даже такой идеалист как Фихте не стал бы возражать против этого – призывая к восстанию против Наполеона, он не предлагал вооружить немецких солдат томиками «Наукоучения». Но что мы видим четко: Маркс совершенно в духе Гегеля размышляет об активности идеи по отношению к действительности. В другом месте он замечает: «Дело в том, что революции нуждаются в *пассивном* элементе, в *материальной* основе»[39].

Материальная основа – пассивный элемент! Здесь нет, не только исторического материализма, но и просто материализма. Хотя в целом в работе *проглядывается* движение именно в этом направлении.

Итак, теории исторического материализма у молодого Маркса ещё нет, а коммунистическая программа уже есть. И когда впоследствии возникает теория исторического материализма, которая в итоге строго научно доказывает истинность коммунистической программы, то можно было бы лишь счастливо изумиться такому чудесному совпадению и поразиться

[36] К. Маркс, Ф. Энгельс. ПСС. М., 1954, т. 1 С. 427-428.
[37] Весьма восторженного моралиста и гуманиста – обилие курсивов с очевидностью указывает именно на это.
[38] К. Маркс, Ф. Энгельс. ПСС. М., 1954, т. 1 С. 422.
[39] К. Маркс, Ф. Энгельс. ПСС. М., 1954, т. 1 С. 423.

гениальной прозорливости Маркса, если бы подобное же чудесное совпадение мы не наблюдали бы в сотнях примерах систем, которые сам марксизм квалифицирует как совершенно утопические.

Это весьма подозрительное совпадение научной теории и ценностной программы требует весьма детальной подгонки. Поскольку ценностная программа такой подгонке не поддается – она коренится в глубине экзистенции мыслителя и окрашена в мощные положительные эмоциональные тона, - постольку жертвой оказывается в итоге научная теория.

Таким образом, мы убеждены, что теория материалистического понимания истории содержит в себе ряд искажений, вызванных мощным давлением моральной и социально-политической позиции К. Маркса. Моральные компоненты этой позиции мы намерены обсудить в другом разделе, здесь же рассмотрим идею прогресса как одну из ключевых для его социально-политической программы.

Идея прогресса вызывает у многих социальных теоретиков 20 века серьезные сомнения. Для других же социальных теоретиков идея прогресса столь очевидна, что они подчас даже не могут представить себе, как можно в ней усомниться. Это выражается хотя бы в том, что многократно используя понятие прогресс, они не находят места для анализа этого понятия в обширных отделах своих книг, посвященных используемому категориальному аппарату. И в этой очевидности они не одиноки. Поговорите на эту тему с любым среднестатистическим представителем современного общества, и он авторитетно вам подтвердит, что прогресс есть, поскольку раньше люди ходили в шкурах и с дубинами в руках, которыми забивали себе подобных и мамонтов, а сейчас – уже совсем другое дело. Человек же не лишенный образования добавит: «Цивилизация!»

И, тем не менее, идея прогресса – идея достаточно новая. Мысль о том, что развитие человеческого общества есть восхождение от низшего к высшему, возникла лишь на стадии четко обозначившегося индустриального общества и, прежде всего, европейского индустриального общества (что, впрочем, одно и тоже).

Мысль доиндустриальных обществ, в той мере, в какой она была способна возвыситься до идеи истории, неуклонно тяготела к циклизму. Поскольку же эта мысль возникала на стадии уже длительного существования цивилизации, мыслители с грустью констатировали, что они живут в эпоху упадка. При этом подразумевалось, что чем древнее, то есть ближе к началу цикла, тем лучше. [40] На этом фоне несколько особняком стоит христианство со своей линейной концепцией общества. Но если вдуматься, то эта концепция есть всё та же реформированная идея циклизма. Просто речь идет не о серии циклов, а об одном цикле. При чем в начале цикла мы наблюдаем совершенное состояние мира, а в конце - его крах и обретение нового совершенного состояния. По идее это совершенное состояние могло бы выступить новой исходной точкой следующего цикла, но оно столь ценно, что просто нет никакого смысла говорить о том, что могло бы быть после него. Ценность этого состояния столь высока, что христианское сознание даже не могло вместить в себя мысль, в виде допущения, что оно может быть омрачено каким-либо последующим упадком.

Этот христианский взгляд на историю господствовал в умах европейцев почти на протяжении полутора тысяч лет. Но в 16-17 вв. идеологическое давление христианства ослабевает и ряд мыслителей, таких как Д. Вико, Ф. Патрици, Н. Макиавелли возвращаются к традиционной циклической концепции истории. Хотя, многие из них не отрицают и христианскую концепцию истории. В некотором роде, можно говорить о том, что христианское понимание истории как линейного процесса не отвергается европейской мыслью, но уходит в фон с тем, чтобы в последующем принять участие в формировании идеи прогресса.

[40] Кстати, этот ход мысли удивительнейшим образом воспроизводится на протяжении всех этапов существования теоретической культуры. Открываем текст древнеегипетского жреца и мы читаем об упадке нравов, государства, о распространившихся разврате и несправедливости, о забвении и непочтении богов. Включаем телевизор, и что же? – Озабоченный деятель культуры вновь бьет в набат: упадок культуры, забвение духовных ценностей, разрушение нравственности, распространение цинизма и индивидуализма. Из них двоих – кто-то совершенно не понимает, что происходит вокруг него. Либо же, если оба из них правы и мир действительно в последние пять тысяч лет катится вниз, то трудно даже представить, сколь совершенным было общество в своем исходном состоянии. Впрочем, представить можно, обратившись к ряду научных работ, наивно повествующих об отсутствии индивидуализма, эгоизма и несправедливости в первобытном обществе.

Тем временем в обществе совершаются важнейшие процессы, бурно развивается торговля и промышленность, разлагаются древние институты, и Европа стремительно втягивается в эпоху капитализма. Это движение сопровождается великими географическими открытиями и созданием колоний в землях, населенных первобытными племенами.

Столь бурное и масштабное освоение этих земель сталкивает представителей европейской мысли с социальным и культурным «контр-Я». Если до этого момента европейцы имели дело преимущественно с представителями других цивилизаций, то отныне им открывается огромный мир первобытного общества. Возникает настоятельная потребность осмыслить дистанцию между этим обществом и европейской цивилизацией. В 17 в. возникает широко используемое прилагательное «цивилизованный». Состояние «цивилизованности» противопоставляется состоянию «дикости». Причем, с самого начала, это противопоставление обладает глубоко оценочным характером. Так, вновь в европейской мысли получает широкое распространение представление о линейном характере развития человеческого общества. Хотя оно и омрачается сомнениями некоторых в способности «диких» племен вообще развиваться. Но в прочем, эти сомнения обычно вызывались меркантильными интересами – низведя «дикарей» до уровня «животных», можно было получить моральное право на их безжалостную эксплуатацию.

В 18 в. идея линейного развития истории окончательно оформляется как господствующая. Более того, она претерпевает ещё одну метаморфозу. Развитие индустриального общества с одной стороны и гражданского общества с другой стороны приводит просветителей 18 в. к убеждению, что можно говорить не только о движении общества от «дикости» к «цивилизации», но и о развитии самого цивилизованного общества. Поскольку подобное развитие воспринимается глубоко положительно, постольку о нем говорят как о «прогрессе». Впервые эта идея была четко сформулирована в работе французского экономиста Анн Робера Жака Тюрго «Рассуждения о всеобщей истории» 1750 г., получившей широчайшее распространение среди читающей публики. Окончательное своё завершение идея прогресса нашла в работе Мари Жана Антуана

Никола Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» 1794 г.

Хотя многие пагубные события Великой французской революции и несколько поколебали веру европейцев в прогресс и породили концепцию романтизма, но они были с лихвой компенсированы всеобщим стремительным развитием европейского общества 19 в. Так что ко времени К. Маркса и Ф. Энгельса идея прогресса была всеобщей очевиднейшей «истиной». И не удивительно, что основоположники марксизма были её горячими сторонниками. Общественная практика и дух науки 19 в. просто не давали им средств, чтобы возвыситься над этой идеей. Если же учесть моральные убеждения Маркса и Энгельса, то становится понятно, что такое возвышение было в принципе невозможно.

Таким образом, идея прогресса является одной из важнейших методологических предпосылок социальной теории марксизма.

Большинство традиционных марксистов не видит в этом ничего предосудительного. Это демонстрирует их глубокое непонимание, как парадигмы марксизма, так и методологических требований современной науки.

Идея прогресса есть глубоко ценностная идея и в этом отношении совершенно несовместима с объективностью и непредвзятостью научного анализа.

В самом деле. Прогресс – это не просто развитие, это устремленность к чему-то высшему и совершенному. И это высшее и совершенное вызывает у сторонников прогресса глубокое положительное принятие и энтузиазм. Грубо говоря, можно сказать: прогресс – это развитие плюс ценностное отношение к этому развитию.

Отождествлять прогресс и развитие нельзя ни в коем случае. «Развитие» - это во многом конвенциональное понятие, описывающее реальные процессы сущего, говоря о развитии, мы подразумеваем под этим некоторое «восходящее» движение из одного состояния в другое. Конвенциональность здесь состоит в том, что вне всякой оценки мы соглашаемся рассматривать, например, возрастание сложности, повышение устойчивости структуры, освоение новых «пространств», повышение эффективности коммуникации со средой и большую

устойчивость по отношению к этой среде, выявление новых свойств и возможностей и тому подобное, как критерии более «высокого» состояния, а понижение этих параметров – как критерии более «низкого» состояния.[41] Подобная конвенциональность позволяет нам во многом **условно**, говорить о том, что определенная система развивается или регрессирует.[42]

Говоря об «условности» развития и регресса, мы вовсе не собираемся отрицать их реальность, но эта реальность, во многом, есть сконструированная нами реальность. Дело в том, что, непрерывно выявляя в научном познании и устраняя из него аксиологический момент, мы можем в лучшем случае выявить и устранить ценности «второго» порядка, то есть моральные, социально-политические, религиозные и прочие ценности. Но при этом совершенно не затронутыми оказываются ценности «первого» порядка, ценности онтологического характера. Под этим мы подразумеваем следующее. Наука есть феномен социальной реальности и деятельности человека. Человек же есть система, обладающая помимо весьма определенных свойств, как-то: жизнь, сложность, социальность и т. д., ещё и сознанием. Соответственно, эти черты, явленные в окружающем его мире, неизбежно вызывают в нем положительную оценку и глубокий интерес как черты экзистенциально родные его бытию. Эту положительную оценку преодолеть в принципе невозможно, поскольку она проистекает из сущности человека. Даже если мы вообразим некий

[41] Сами термины «высокий», «низкий» должны использоваться с крайней осторожностью, поскольку они не являются чистыми, объективными, научными понятиями. Они имеют мощную ценностную коннотацию. Она уходит своими корнями в биологическую природу человека, поскольку еще в стадах приматов позиция занятая доминирующей особью на возвышенности отражает её высшее положение в иерархии и позволяет контролировать самок, подчиненные особи и окружающее пространство в целом. Эта генетическая программа сохраняется и в человеческом обществе, выражаясь в «возвышении» власти. Соответственно, термин «высокий» изначально предполагает некое абсолютное благо, совершенство, а «низкий» - ущербность, несовершенство, порок.
При всем нынешнем развитии социальной теории она всё еще содержит в себе достаточное количество терминов бытового языка, посредством которых в неё проникает ценностная метафизика.

[42] Традиционно процессу развития противопоставляют процесс регресса. Понятие «регресс» производно от понятия «прогресс». Но, что бы не нарушать устоявшиеся традиции, разумно всё же использовать его с учётом выше приведенных оговорок.

искусственный суперинтеллект, занимающийся познанием, то и в этом случае он не будет свободен от ценностей «первого» порядка.[43]

Таким образом, говоря об «условности» понятия развития, мы подразумеваем под этим, что оно фиксирует в себе реальность, всегда взятую под определенным углом, под углом человеческого взгляда на мир. Иначе говоря, отражение реальности человеком никогда не будет отражением зеркала.

Понятие же прогресса лишено той объективности, которая присуща, пусть и отчасти, понятию «развития». В разное время и в разных обществах и даже в разных классах под прогрессом подразумевали и подразумевают различные вещи. Учитывая это, можно сказать, что ученый воспринимающий понятие прогресса как очевиднейшее и естественнейшее уподобляется русскому крестьянину из глубинки, который воспринимает всё отличное от его образа жизни, как «барские чудачества» либо выдумки «нехристей-немцев». Иначе говоря, говоря словами Ф. Бэкона, такой ученый находится во власти «призрака пещеры».

Опуская детали, можно сказать, что обычно прогресс определяют через следующие критерии: эмансипация человека и человечества[44], преодоление социальной несправедливости, рост богатства общества, всё более полная реализация творческих возможностей человека, ширящееся просвещение, рост морального сознания, возрастание власти над природой и всё большее распространение человечества во Вселенной, научно-технический рост и так далее. Как мы видим, в большинстве своем всё это идеи чисто европейской цивилизации, и могут быть отвергнуты или отвергаются другими цивилизациями. Как это мы видим в случае с

[43] Подобный интеллект с неизбежностью должен отличать себя от окружающей среды, иначе процесс познания невозможен. Отличая же, он не может не констатировать состояний онтологически подобных ему и состояний онтологически чуждых ему, например, хаотические состояния. Поскольку же субъект познания, по определению, есть основная точка отсчета в познании, постольку подобное отличение будет неизбежно центрировать интерес познания на «онтоподобных» состояниях.

[44] Кстати, это не одно и тоже. Освобождение человечества от власти природы и стихийного действия социальных законов может не обязательно сопровождаться освобождением отдельного человека. Например, создание древневосточных деспотий было шагом вперед по направлению к освобождению от власти сил природы и шагом назад в деле освобождения человека. Или пофантазировав можно представить некое технократическое общество будущего, кстати, вооруженного марксистской теорией, которое подавило любые проявления внутри себя свободы человека и за счет этого достигло неизмеримой мощи в овладении природой и самим собой.

ООНовской Декларацией прав человека. Конечно, нам могут возразить, что в этом нет ничего удивительного, поскольку эти «другие цивилизации» стоят на более низкой ступени развития. Но такое возражение опирается на логический круг в доказательстве, поскольку предполагает, что цивилизационное развитие неразрывно связано с прогрессом в области моральных и политических ценностей. В то время как ещё только надо доказать, что существуют некие абсолютные ценности, которые и прогрессируют.[45]

Итак, идея прогресса, определяющая вектор направленности эволюции человечества ненаучна, ибо она есть сомнительная ценностная интерпретация данных человеческой истории, поданная под видом строго объективного, научного вывода, используемого в дальнейшем, как исходная посылка.

Идея прогресса глубоко противоречит парадигме материалистического понимания истории. Правда, выше мы уже неоднократно писали, что прогрессистские установки К. Маркса и Ф. Энгельса были их любимейшей и заветнейшей мечтой. Вроде бы, здесь у нас налицо явное противоречие. Но, в действительности, никакого противоречия нет. Противоречие есть лишь для людей, относящихся к марксизму, как к религии, а к его основоположникам – как к её пророкам, каждое слово которых есть истина. Противоречие есть для жалких научных эпигонов, неспособных мыслить самостоятельно и творчески, вся научная деятельность которых сводится к дословному благоговейному повторению того, что было сказано гениальным учителем.

---

[45] Подобные возражения построены по принципу «замкнутой системы», где, чтобы не происходило, исходная посылка никогда не подвергается сомнению. В качестве примера мы позволим себе привести ситуацию с одним человеком – знакомым авторов. Будучи глубоко старым человеком и терзаемый паранойей, он был уверен, что его дочь регулярно похищает его пенсию. Что бы предупредить это, он старательно прятал от неё деньги. Но поскольку у него помимо паранойи был ещё и склероз, он забывал, куда спрятал деньги. Не найдя их, он с ужасом понимал – «Украли»! Случайно же найдя их, он с грустью констатировал – «Подбросили»! Исходная посылка – дочь похищает деньги – никогда не подвергалась им сомнению.
Заметим, что подобные «замкнутые системы» обладают видимостью эмпирического доказательства. О чем же ещё мог свидетельствовать для этого человека факт исчезновения денег? И как ещё после этого он мог интерпретировать другой эмпирический факт – факт нахождения денег?
Теория превращается в «замкнутую систему» в тот момент, когда ее исходные посылки оказываются вне ее рефлексии и, следовательно, не подвержены ни верификации, ни фальсификации.

Мы льстим себя надеждой, что мы не относимся ни к первым, ни ко вторым. Мы льстим себя надеждой, что мы – ученые, и поэтому, оказываясь перед выбором – научная парадигма марксизма или любимейшая идея Маркса, мы выбираем, конечно же, научную парадигму марксизма. А принципиальное требование этой парадигмы – рассматривать эволюцию человеческого общества, как естественно-исторический процесс.

Что значит - рассматривать эволюцию человеческого общества, как естественно-исторический процесс?

Когда готы разрушают и грабят Рим, и все понимают, что это - перст божий, тогда, если они правы, мы имеем дело не с естественным процессом, а с процессом сверхъестественным, поскольку в таком естественном, казалось бы, процессе, как разрушение и разграбление Рима, мы видим реализацию глубокого смысла а может быть, даже и логики сакральной истории. Мы видим этот процесс, как нечто глубоко гармонично заключенное в ткань истории, которая имеет осмысленное начало и осмысленный конец.

Когда мы видим Лазаря, одним мановением руки бога презревшего смерть и восставшего со смертного одра, мы понимаем, что перед нами глубоко сверхъестественный процесс, в уяснении смысла которого любой биолог и физиолог стоит с понурым, жалким видом.

Это все примеры неестественных процессов.

Когда же огромная каменная глыба, без всякого действия со стороны с грохотом отваливается от скалы и стремительно катится вниз, то мы понимаем, что здесь мы имеем дело с глубоко естественным процессом. Миллионы лет эта скала подвергалась различным видам эрозии, и вот теперь она разрушается на наших глазах. Перед нами итог естественно-исторического процесса эрозии, один из этапов этого процесса. В падении этого камня нет ни смысла, ни логики, ни морального воздаяния, ни свершения социальной справедливости, ни залогов светлого будущего.

То же и в живой природе, эволюция которой есть естественно-исторический процесс. Миллионы лет биомасса развивается и бурлит, в итоге выходит величественное царство гигантов – минута, другая в масштабах вечности, и палеонтологи раскапывают их кости, с сожалением

качая головой и сетуя, что они никогда не смогут увидеть воочию этого великолепия.

Только самый вздорный лжеученый, каких, впрочем, изрядное количество вокруг нас, решится утверждать, что все этапы этого развития были за ранее предопределены, и что мы живем в лучшем из всех возможных миров, и что даже гибель этого великолепного царства гигантов есть непременное условие для торжества, в конечном итоге, мировой гармонии. Такой ученый будет тотчас осмеян и изгнан из научного сообщества биологов и ему придется отправиться … - куда бы вы думали? – конечно же, на философский факультет, и здесь он получит почтенный титул доктора социально-философских наук и облагодетельствует нас многотомным собранием сочинений.

Это, конечно же, лишь образ, но увы, слишком детально совпадающий с реальностью. Чем же ещё занимаются традиционные марксисты, говоря о прогрессе в естественноисторическом процессе эволюции общества, как не все тем же метафизическим мудрствованием, каким наполнены тома лжеученых и мистических пророков?

Если же говорить менее образно, но более строго, то:

Эволюция человеческого общества есть естественноисторический процесс, это означает, что он свершается вне всякого смысла и логики. В нем нет заранее предопределенных результатов. И лишь, «лапласовский» ум, способный одним взором охватить и оценить все взаимодействия Вселенной, смог бы, да и то приблизительно, предсказать итог всего этого. Хотя, впрочем, если верить физикам и их принципу неопределенности, то и он оказался бы посрамленным в этой попытке.

Человеческие общества возникают, существуют, гибнут, возникают вновь и вновь гибнут, а иногда эволюционируют, проходя различные этапы. Этот процесс детерминируется внутренней сущностью социального, внешней средой, миллионами, в конце концов, случайных факторов самого разнообразнейшего рода, и он никуда не направлен. Он лишь поступательно направлен во времени из прошлого в будущее. И, соответственно, социальный теоретик может лишь систематизировать типы и формы, возникающие в этом движении и пытаться понять причины и механизмы их возникновения. Как только он выходит за рамки этого и

начинает рассуждать о прогрессе, о светлом будущем, о логике, смысле и необходимости этого процесса, он тотчас оказывается за пределами науки, попадая в объятия спекулятивной философии.

К. Маркс и Ф. Энгельс были детьми своего века и в этом отношении они отдали должное всем антинаучным «шалостям», что разрешались ученым в то время. Они выстроили концепцию истории, которая насквозь пронизана провиденциализмом. И в этом отношении вся комбинация чередования их общественно-экономических формаций есть не больше, чем дань предрассудкам науки и общества 19 века.

Более того, вся их концепция истории слишком сильно отдает всё тем же христианским мифом, что тысячелетия вдалбливался в умы европейцев, и что поныне существует в культуре как одна из архетипических форм.

В самом деле, в христианском мифе мы находим рассказ об изначальном, невинном состоянии человечества, затем следует пагубное грехопадение, преодоление этого грехопадения через Благую Весть, и постепенное возвышение к царству божьему на Земле. В этом есть сокровеннийший сакральный смысл человеческой истории. Каждое событие этой истории может быть понято через призму этого смысла.

То же и в марксизме. В начале мы обнаруживаем девственную чистоту первобытного коммунизма, эдакого царства альтруизма. Затем следует пагубное частнособственническое «грехопадение». Но оно не бессмысленно и не проклято навеки – оно необходимо, и марксисты долго и схоластично начинают рассуждать о прогрессивности и исторической оправданности той или иной формы пагубного классового общества. Затем, о долгожданное, закономерное чудо! - следует Благая Весть: буржуазия разложилась, пролетариат созрел, Маркс открыл подлинные законы общественного развития, которыми теперь можно воспользоваться на благо общества, и светлое будущее грядет! «Грех» частной собственности будет изжит и вновь возобладает коммунистическое общество, но уже лишенное тех досадных огрехов, что были в эпоху первобытности.

Более того, как и христианам, большинству марксистов и в голову не приходит вопрос о том, что же будет после торжества светлого будущего. Часто говорят о конце истории и смотрят с крайнем неудовольствием на

тех мерзопакостных диалектиков, которые памятуя о законе отрицания отрицания допускают мысль, что после коммунизма последует новый виток истории с неизбежным отрицанием первого порядка – классовым обществом, основанным на новых формах частной собственности.

«Лестница» формаций, или, говоря словами Ю. И. Семенова, линейно-стадиальный подход в интерпретации истории созданный К. Марксом и Ф. Энгельсом, был убедителен в 19 веке. В 20 же веке под ударами мощного потока новейших фактов он стал трещать по швам. Большинство марксистов предпочло просто не замечать этого - постоянно наталкиваешься на марксистские исторические тексты, где изложение фактического материала находится в чудовищном противоречии с его интерпретацией. Постоянно читаешь в академических изданиях о феодализме на средневековом Востоке или о рабовладельческом способе производства на Древнем Востоке. С невиннейшим видом авторы повествуют о малочисленности рабов, о незначительности их роли в производстве, о непомерно высокой покупной стоимости раба и в итоге с торжеством подытоживают: «перед нами расцвет рабовладельческого общества».

Возникает подозрение, что имеешь дело просто с дураками. Но нет, читаешь и видишь - не глупый человек.

Тогда возникает мысль: материалистическое понимание истории – это настолько безжизненная научная форма, что она совершенно не может быть приведена в соответствие новым фактам. И тоже нет! Такие попытки уже давно предпринимаются. И весьма успешные попытки!

Но что крайне характерно, несмотря на бездну трудностей, противоречий и метафизических натяжек, все эти попытки остаются в рамках линейно-стадиальной концепции истории, или легких вариаций её. Складывается твердое убеждение, что авторы этих попыток не столько знают, сколько хорошо чувствуют – тронь линейно-стадиальную концепцию и весь мессианский социально-политический пафос марксизма относительно переустройства существующего общества, ради общества будущего, полетит в тартары. А ведь большинство марксистов стали марксистами из-за увлеченности именно этим пафосом. И учителями им было твердо обещано, что только марксизм дает им подлинно-научное обоснование

этому пафосу, что только благодаря этому научному обоснованию они входят в число «избранных» и так выгодно отличаются от жалких утопистов.

Здесь весьма уместно будет привести в качестве примера попытку такого «улучшения» материалистического понимания истории, предпринятую Ю.И. Семеновым.[46] Этот марксист, будучи профессиональным историком, честным историком, хорошо видит несоответствия классической линейно-стадиальной схемы Маркса историческим фактам. Он понимает, что ни о каком поэтапном движении отдельного общества от формации к формации говорить нельзя, он знает, что большинство отдельных обществ, социально-исторических организмов, не пережили больше одной формации, поскольку погибли и были заменены другими социально-историческими организмами. Он признает, что даже те общества, которые уцелели в этой «мясорубке» истории, прошли весьма причудливый путь, слабо укладывающийся в классическую схему. Но при этом он чувствует, хотя и вряд ли понимает, что разрыв с линейной схемой Маркса неизбежно приведет к краху так называемой научной обоснованности марксистской политической программы. И он, как убежденный коммунист, всячески сопротивляется этому. Он предпринимает отчаянную и по-своему виртуозную попытку спасти линейную схему, модернизировав её. Но поскольку модернизировать её в рамках современной науки в принципе невозможно, эта «модернизация» оборачивается удивительнейшей реанимацией самых спекулятивных образцов метафизической мысли. Это становится видно, хотя бы уже при беглом взгляде на главу его книги, где он перечисляет идейных предшественников его глобально-стадиального подхода к истории. Средневековым и Новоевропейским мыслителям посвящены объемные параграфы, но чем ближе к современности, тем менее объемными они

[46] Мы достаточно часто цитируем или упоминаем в нашем тексте работы Ю. И. Семенова. Возможно, у читателя в какой-то момент может возникнуть озадаченность таким усиленным вниманием авторов к этой фигуре.
К подобному вниманию есть несколько причин. Во-первых, наша работа посвящена преимущественно советскому марксизму, поскольку, по нашему мнению, эта форма марксизма наиболее адекватна первоисточнику. А Ю. И. Семенов – крупнейшая здесь величина. Во-вторых, он не только крупнейшая величина в советском и постсоветском марксизме, он ещё и наиболее талантливейшая величина. Так кого же нам цитировать и с кем же нам дискутировать, как не с Ю. И. Семеновым? Не с Зюгановым же, в самом деле?!

становятся. Последний же параграф, озаглавленный как «Современность» вовсе поражает. Одну пятую его занимают стихи Брюсова, в остальном же тексте упомянуты ученые и мыслители 19 века. Может быть, Ю. И. Семенов и считает их современными мыслителями, но вообще-то, год издания его книги 1999 – ныне же Ю. И. Семенов благополучно обитает уже в 21 веке (дай бог ему здоровья). Сразу же за этими мыслителями «современности» следует сам Ю. И. Семенов, против чего, мы впрочем, не возражаем, а также английский философ и этнолог Э. Геллнер, положительно отозвавшийся на действительно интересные работы Семенова.[47]

Суть реформы, предложенной Ю. И. Семеновым, состоит в том, что следует отказаться от схемы линейной смены формаций в рамках отдельного социально-исторического организма. Но саму эту схему следует, во что бы то ни стало сохранить, приложив её к человечеству в целом. Тогда мы получим эстафетно-стадиальное или, точнее говоря, глобально-стадиальное понимание истории. Вымпел прогресса, всякий раз как он выпадает из рук ведущей цивилизации, подхватывается новым социально-историческим организмом, обычно находящимся на периферии прежнего мирового центра. Этот социор создает новую общественно-экономическую формацию, которая является следующим закономерно-необходимым шагом в поступательном развитии человечества. Подлинным субъектом исторического процесса здесь выступает человечество в целом. Книга Семенова наполнена тезисами типа: «Для человечества в целом выход состоял в том, что экономические отношения более высокого типа начинали формироваться не в этом социоисторическом организме, а в совершенно иных социорах, к которым и переходила ведущая роль в мировой истории».[48]

Странно и удивительно видеть как талантливый и серьезный историк, в силу своей профессии изначально имеющий дело с реальными конкретными объектами, вдруг начинает жонглировать чуть ли не средневековыми универсалиями. Уж кому как не Ю. И. Семенову должно

[47] Ю. И. Семенов Философия истории. М., 1999. С. 143-150.
[48] Ю. И. Семенов Философия истории. М., 1999. С. 200.

быть известно, что человечество до данного момента не было и ещё очень долго не будет реальным субъектом. История человечества есть история отдельных социально-экономических организмов, которые обычно даже и не подозревали о существовании большинства современных им социоров. В этой ситуации говорить о человечестве как реальном субъекте означает с неизбежностью предполагать в основе его существование некого мирового Духа, что делал идеалист Гегель, но чего, к счастью, не делает Ю. И. Семенов. А без такого Духа идея человечества как реального исторического субъекта остается весьма загадочной.

При этом мы даже не решаемся предположить, как отнесется к концепции Ю. И. Семенова далекий потомок тех цивилизаций, которые вовсе не приняли участие, по мнению автора в эстафетном движении истории. Например, современный китайский историк или философ будет весьма озадачен, что тысячелетняя история Китая не имеет никакой ценности для магистральной линии истории. Та же реакция, возможно, будет у латиноамериканского, австралийского, африканского и так далее мыслителя.

Совершенно очевидно, что здесь, помимо реанимации старой метафизики, мы имеем дело с новым, весьма подправленным, изданием позиции европоцентризма.

$2. Стадиальный и формационный анализ человеческой истории.

Такова тщета новейших попыток спасти линейно-стадиальную схему К. Маркса.

Мы полагаем, что эта схема безнадежно устарела и больше не соответствует эмпирическому базису современной науки. История – это не линейный процесс. Это процесс, ветвящийся во времени и пространстве. Что в этом ветвлении есть основной ствол, а что – тупиковые ростки, может знать лишь тот, кто будет стоять в конце человеческой истории. Но даже при этом, он не сможет говорить об аутентичности победившей линии сущности человеческой истории, поскольку такая победа не будет иметь никакого метафизического смысла – просто одна, более эффективная в данной реальности форма социальной жизни победила и вытеснила все остальные формы. Соответственно, подобная оценка будет

выражением не объективной истины, но ценностных доминант того общества, представителем которого будет оценивающий.

Такое понимание истории глубоко согласуется с тем взглядом, что ныне устоялся в интерпретации сущности эволюции живых организмов. Он автоматически снимает множество, казалось бы, неразрешимых на данный момент, проблем в рамках марксистской теории об общественно-экономических формациях. И он, наконец, предоставляет широкий простор историку в интерпретации, имеющегося у него фактического материала.

В самом деле. Пока марксисты бредили идеей единой магистральной линии истории, пусть даже мыслимой и на манер «эстафеты», несчастному историку, принимающему, в силу разных причин, эту идею, приходилось выделывать самые замысловатые «коленца», в тщетной попытке заключить в это «прокрустово» ложе все богатство форм реальной истории. В итоге: либо историю подгоняли под чудовищно-примитивную схему «пятичленки», или «шестичленки»; либо же историк беспомощно тонул в океане фактов, поставляемых реальной историей. Неудивительно, что в этой ситуации для многих историков оказывался столь манящим и привлекательным цивилизационный подход, предоставляющий, с одной стороны, видимость упорядочивающей классификации, а, с другой стороны, свободу в комбинации фиксируемых фактов.

Здесь мы должны очень четко заявить, что наша критика направлена не столько в адрес формационного понимания истории, сколько в адрес линейно-стадиальной формы этого понимания. Мы глубоко убеждены в необходимости наличия в социальной науке определенных методов и форм классификации социально-исторических организмов. Мы уверены, что формационный подход имеет в этом отношении богатейший эвристический потенциал, и, скорее всего, на данный момент является наиболее эффективной классификационной схемой. Однако, добрая доля этой эффективности заключается скорее не в совершенстве нынешней его формы, сколько в сравнении с немарксистской исторической методологией. Сам формационный подход, так, как он существует сейчас, нуждается в существеннейшей корректировке. Возможно, даже более чем

в корректировке. Скорее всего, мы должны пересмотреть философские основания этого подхода.

Необходимо, мы подчеркиваем это еще раз, избавить формационный подход от каких-либо метафизических и, в частности, провиденциалистских императивов. Формационный подход должен базироваться на понимании жизни человеческих обществ как естественноисторического процесса, где социально-исторические организмы ветвятся во времени и пространстве и принимают те или иные формы не в соответствии с заложенной в них от начала времен сверхэмпирической сущностью, а в соответствии многообразному взаимодействию «социальных констант» этих организмов и среды. Итог этого взаимодействия, то есть то, что мы называем исторически сложившимися конкретными обществами, есть реализация одной из множества возможностей существовавших в поле «организм – среда». И, чаще всего, эта реализация была максимально детерминирована цепью фундаментальных исторических ситуаций.

Иными словами, формационный подход должен опираться на эмпирическую реальность и воспринимать её динамику как естественно-исторический процесс.

Кроме того, формационный подход как классификационная схема должен исходить из учета сущности социально-исторического организма. Последний же, согласно разделяемой нами марксистской парадигмы, есть система производства: производства элементов системы (предметы, люди, символы) и связей системы. Соответственно, в социоре необходимо выделить четыре сферы производства: материальную, социальную, символическую (духовную) и регулятивную («политическую»). Следовательно, формационная классификация должна отражать историческое многообразие типов функционирования данных сфер общества.

Таким образом. С одной стороны, формационный подход должен обозначить жесткие ориентиры для классификации. С другой стороны эти жесткие ориентиры не должны подавлять эмпирическое многообразие, а максимально его отражать.

Недостаток традиционной формационной классификации состоит в том, что обе эти задачи выполняет один уровень категорий. Иными словами, *марксовы «формации» есть понятия, которые одновременно выступают в качестве обозначения стадий исторического развития и в качестве обозначения типов исторического развития*. Что неизбежно ведет к непреодолимым трудностям. Совершенно очевидно, что в истории человечества можно обнаружить определенные этапы, стадии эволюции. И в этом отношении классификационная схема должна жестко зафиксировать их. С другой стороны, совершенно очевидно, что в рамках этих этапов, стадий история являет чрезвычайное многообразие форм социальной активности. И, соответственно, классификационная схема должна использовать сетку понятий достаточно гибкую для того, чтобы отразить это многообразие.

Мы полагаем, что решение этой задачи возможно на пути сохранения понятия «общественно-экономической формации», но при этом избавленное от стадиального значения. Теперь понятие «общественно-экономическая формация» отражает определенный тип функционирования социума.

Подобная реформа открывает перед социальным теоретиком эвристически богатейшее поле возможностей.

Во-первых, теперь можно отказаться от жесткого лимита количества формаций и выписать столько формаций, то есть типов и подтипов обществ, сколько мы их реально наблюдаем. В этом случае, историк-марксист получает возможность тратить свою энергию не на борьбу с «негодным» эмпирическим материалом, который не желает соответствовать теоретически выверенной «пятичленки», а на выявление в истории стольких типов общества (формаций) сколько их есть.

Во-вторых, если мы понимаем формацию не как стадию, а как тип общества, то мы получаем возможность, не привязывать жестко тот или иной тип общества к определенной стадии истории, а говорить о том, что этот тип может в ряде случаев реализовываться на разных стадиях общественной эволюции. Естественно, подобные ходы классификации не могут ограничиться лишь одним понятием. Достаточно нелепо, например, говорить о вавилонском капитализме или капитализме Древнего Рима.

Совершенно очевидно, что здесь признание определенной существенной схожести типа социальной системы не может выражаться в столь грубом смешении обществ древности и современных обществ. Скорее всего, если говорить о «вавилонском капитализме», следует использовать термин капитализм как формационное обозначение ряда современных обществ в качестве исходного понятия, на базе которого необходимо образовать понятия, которые адекватно и с учетом всей специфики обозначат всю схожесть и всё различие капитализма современного и «капитализма древнего». В качестве образца можно привести понятие «индустрополитаризм»[49], которое обозначает специфику реализации типа общества в индустриальную эпоху, наиболее распространенного в аграрных цивилизациях древности.

Несколько забегая вперед, мы вкратце попробуем обрисовать наше видение всемирной истории в соответствии с новой сеткой понятий.

В истории мы действительно наблюдаем определенные стадии эволюции человечества. Чтобы их обозначить, совсем не обязательно быть в курсе новейших данных социологии и истории и совсем не обязательно являть высший пик учености. Эти этапы или, иначе говоря, стадии эволюции столь очевидны, что были замечены уже мыслителями 16-18 вв. Они наперебой и на разные лады твердили о первобытности, земледелии и промышленности. Действительно, наиболее общий взгляд на историю сразу же выхватывает три достаточно явственно выраженных способа «освоения» природы: первобытный, аграрный и индустриальный. Хотя корректнее говорить о двух способах – присваивающее хозяйство и производящее хозяйство. Последнее же распадается на две формы: аграрное производящее хозяйство и индустриальное производящее хозяйство. Сделав эту оговорку, в дальнейшем для простоты мы будем говорить всё же о трех способах освоения природы.

Каждый из этих трех способов составляет отдельную всемирно-историческую эпоху в жизни человечества. Критерий выделения эпохи выражается в двух основаниях: ареал распространения определенного способа освоения, господствующая форма освоения. Под «господством»

[49] Об обществах, которые могут быть названы политарными смотри: Семенов Ю. И. «Философия истории». М., 1999.

мы понимаем степень экономического, политического, культурного – цивилизационного[50] – доминирования определенного способа. Здесь необходимость определения критериев возникает, прежде всего, по отношению к аграрной и индустриальной эпохе. Первобытная эпоха являет множество однотипных обществ.[51] Проблема же возникает с аграрной и индустриальной эпохами. Здесь мы обнаруживаем множество обществ, находящихся на разных стадиях развития, и, соответственно, необходимы критерии, позволяющие всё же вычленить специфику той или иной всемирно-исторической стадии. В противном случае даже современность пришлось бы обозначить как первобытную стадию на том основании, что и ныне некоторые общества находятся в состоянии первобытности. Помимо трех эпох всемирно-исторического развития необходимо выделить еще и две переходные эпохи: эпоха перехода от первобытности к аграрности, и эпоха перехода от аграрности к индустриализму. Переходный характер этих эпох выражается в том, что множество наличных обществ начинает явственно эволюционировать в новую стадию, которая в итоге и становится господствующей. Забегая вперед, мы можем заметить, что ныне человечество находится в состоянии перехода от аграрности к индустриализму. Некоторые страны этот переход уже завершили, большинство же пребывает на различных этапах этого процесса. Но, впрочем, об этом более подробно ниже.

Возможно, у читателя уже появилась определенная степень недоумения по поводу теоретических конструкций авторов. Сначала они яростно бичевали стадиальную схему Маркса, теперь же сами пространно рассуждают о стадиях исторического процесса. Где же логика?

Мы полагаем, что это возможное недоумение могло возникнуть из-за недоразумения, порожденного восприятием большинства марксистов истории сквозь призму всё того же «провиденциализма». Возможно, наше пояснение уже превращается в навязчивый рефрен, но этот пункт столь принципиально важен, что мы вынуждены вернуться к нему вновь.

[50] О цивилизационном подходе смотри ниже.

[51] При первом приближении, хотя не все так очевидно и просто. Но об этом ниже, в соответствующем разделе.

Подход Маркса базируется на посылке: любое общество с неизбежностью должно пройти определенные стадии развития. Эта неизбежность обуславливается самой природой социального. То есть, Маркс воспринимал развитие общества «онтогенетически». Иными словами, он мыслит развитие социально-исторического организма по образу и подобию организма биологического. Также как и биологический организм, общество с необходимостью реализует в благоприятной ситуации определенную последовательность структурных состояний. Подобная проекция во многом понятна. Маркс интуитивно понимал, что отдельное общество является социально-историческим организмом. Но сам же Маркс неоднократно подчеркивал качественное отличие социальной формы движения материи от биологической. Развитие отдельной биологической особи определяется жесткой генетической программой. Ничего подобного в случае с социально-историческим организмом мы не наблюдаем. Если, конечно, не апеллировать к мировому Духу Гегеля или архетипам коллективного бессознательного Юнга. Несколько условно мы можем сказать, что развитие социально-исторического организма осуществляется не «онтогенетически», а «филогенетически».

Мы действительно можем говорить об определенной природе социального. Но эта природа выражается не в наличии жесткой программы развертывания социально-исторической особи. Наоборот, одна из существеннейших особенностей социального организма – исключительная открытость и потенциальный динамизм системы. Онтогенез предполагает достаточно жесткое развертывание заданных изначально состояний. Филогенез есть во многом свободная реализация в поле среды возможностей, очерченных исходным состоянием.

Соответственно, если мы понимаем развитие социально-исторического организма в духе «филогенеза», то в этом случае стадии обнаруживаемые в истории оказываются не заранее детерминированными этапами развития, но лишь существенными вехами на одном из возможных путей.

Если же говорить более конкретно, то сначала в истории мы наблюдаем, беспросветное царство первобытности, которое длится и длится десятки тысяч лет. Даже тогда, когда многие общества оказались в орбите

цивилизации сотни и тысячи других обществ не подавали и признака к какому-либо выходу из первобытности. Потом в ряде регионов земли мы обнаруживаем возникновение земледельческих обществ, некоторые из которых в итоге превращаются в аграрные цивилизации. Значительно позже в одном из географических регионов в силу стечения множества достаточно уникальных обстоятельств и факторов возникает индустриальная цивилизация Запада, и кумулятивная мощь этой социальной мутации такова, что она как воронка втягивает в себя все остальные общества.

Насколько закономерно-неизбежен этот процесс? Об этом дискутировать можно до бесконечности. Но что совершенно точно: *в социальной реальности мы не можем обнаружить ни материального носителя, ни информационной программы, которые бы жестко разворачивали и детерминировали этот процесс*. Всякий раз каждый последующий шаг в «прогрессе» был индивидуальным «ответом» на вызовы и проблемы, возникающие перед тем или иным социально-историческим организмом. И лишь немногие из этих «ответов» закреплялись в виде оформившихся, исторически значимых способов социальной жизни.

Вне всякого сомнения, сформировавшийся в итоге сцепления бесконечного множества многообразных социальных форм исторический путь, пройденный человечеством, был реализацией весьма реальной возможности. Но такой же реальной возможностью при несколько иной природной ситуации могло бы быть почти бесконечное господство одних лишь биологических организмов, или же, если исходить из факта возникновения homo sapiens, почти бесконечное царство первобытности. Или же, если исходить из более реальных возможностей и опасностей, внезапная космическая катастрофа могла прервать историю Земли и историю человечества на самых ранних этапах.

Таким образом, стадии всемирной истории есть **ретроспективное** понятие по факту констатирующее вехи социальной эволюции человечества. Здесь мы имеем дело с предельным уровнем обобщения родов социума. Стадия есть результат закрепления в социоре ряда социальных, родовых мутаций.

Иными словами, в начале человеческой истории мы обнаруживаем земное пространство, населенное множеством социоров, находящихся на

первобытной стадии развития. При определенных условиях они могли пребывать в этом состоянии сколь угодно долго. Но в силу других условий в ряде этих социоров произошла серия социальных мутаций, вызвавших появление производящего хозяйства аграрного типа. Многие из этих обществ так и не смогли продвинуться по этому пути, гармонично сочетая охоту и собирательство с огородничеством. Другие же в силу ряда обстоятельств продвинулись далее и смогли создать аграрные цивилизации.

Эти аграрные цивилизации также могли существовать сколь угодно долго, лишь время от времени сменяя друг друга. Но в силу опять же целой серии социальных мутаций, вызванных эксклюзивными обстоятельствами, ряд аграрных цивилизаций смогли создать и развить индустриальные формы производящего хозяйства. И более того, не только создать и развить, но и вовлечь в своё поле другие социоры.

Весь этот процесс имеет естественноисторический характер и понятие «стадия» лишь ретроспективно обозначает его.

Но поскольку нас интересует не только родовой характер человеческой истории, но и типологический, постольку понятие «всемирно-исторической стадии» необходимо дополнить понятием «общественно-экономической формации».

Под общественно-экономической формацией мы вслед за Марксом понимаем определенный тип общества, рассмотренный в специфике функционирования системы общественных отношений. Доминирующим же фактором в этой системе являются производственные отношения.[52]

Соответственно, каждая всемирно-историческая стадия оказывается представленной некоторым набором общественно-экономических формаций.[53] Каждая же общественно-экономическая формация

[52] Очевидно, что здесь понятие «производственные отношения» используется для обозначения отношений материального производства, или же экономических производственных отношений. Подобное использование понятия «производственные отношения» явно находится в противоречии с нашим пониманием общества как системы производства и воспроизводства. Такое понимание предполагает, что любые общественные отношения есть производственные отношения, но поскольку мы, как марксисты, полагаем, что экономические производственные отношения есть ведущие отношения, мы используем термин «производственные отношения» для обозначения именно отношений материального производства.

[53] Как правило. Но в ряде случаев возможно воспроизведение определенных формационных форм, свойственных той или иной стадии, в рамках другой стадии. См. выше.

оказывается представленной некоторым набором конкретных социально-исторических организмов. Хотя последнее не столь обязательно. Дело в том, разумно ещё раз сказать об этом, что всякая классификация обладает определенной степенью условности и конвенциональности. Мы предлагаем классификацию в «два этажа». Но теоретически она может быть дополнена другими «этажами». И в этом случае между понятием формация и конкретными социорами может быть выстроен ряд конкретизирующих понятийных конструкций. Мы же для большей простоты пошли по пути максимального расширения понятия «общественно-экономическая формация», надеясь вместить в нем всю специфику форм социальной жизни. Но, не смотря на это, мы не отрицаем возможности достройки нашей «двухэтажной» классификации новыми эвристически плодотворными дополнениями.

Итак, каждая всемирно-историческая стадия оказывается представленной некоторым набором общественно-экономических формаций. Но эта представленность не столь проста, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что стадия присваивающего хозяйства оказывается представленной только одним типом общества – первобытно-общинной общественной экономической формацией.[54] Тоже мы наблюдаем на стадии индустриализма. Она **пока** представлена также только одним типом общества – капиталистической общественно-экономической формацией. Проблемы возникают в случае аграрной стадии. Здесь мы наблюдаем очевидную диффузию типов социально-исторических организмов. Судя по всему, такая особенность аграрных обществ вызвана лишь **частичной** независимостью социума от окружающей среды. В то время как первобытное общество оказывается почти полностью поглощено окружающей средой, а индустриальное общество достигает относительной независимости от окружающей среды, путем создания тотальной искусственной среды («второй природы»), аграрное общество балансирует на грани зависимости-независимости от среды. В этой ситуации ряд факторов политического, демографического, военного, культурного и, прежде всего, географического характера, оказываются

[54] Впрочем, для нас это не совсем очевидно. Своими сомнениями мы поделимся в соответствующем месте.

решающими. В итоге, на этой стадии мы обнаруживаем множество типов социальной жизни: политарный, рабовладельческий, феодальный. Скорее всего, этот список не полон и должен быть дополнен новыми типами и подтипами по мере дальнейшего продвижения в интерпретации исторических фактов.

Марксистская теория претендует на универсальность анализа социальной реальности. И эта претензия во многом оправдана. Но весьма печально, что на практике она реализуется скорее по линии отрицания немарксистских концепций, нежели по линии ассимиляции их. Примером тому служит старый спор чаще всего выражаемый вопросом: формации или цивилизации?

Мы надеемся, что реформированный марксизм будет избавлен от подобных антиномий.

В вопросе о формациях и цивилизациях мы сталкиваемся с традиционной ситуацией, весьма характерной для развития науки: новые идеи не могут быть сразу охвачены в их целостности и потому их осмысление происходит по принципу резкого выделения противоположностей; и лишь по прошествии некоторого времени выясняется, что эти противоположности вовсе не отрицают друг друга, а наоборот выгодно и гармонично дополняют друг друга. Так, например, сущностный характер научной революции Нового времени первоначально осмыслялся через противостояние эмпиризма и рационализма. Ныне же, совершенно очевидно, что знания вне опыта или вне разума невозможны.

Так же, скорее всего, дело обстоит и с формационным и цивилизационным подходами. Формационный анализ социальной реальности представлен мощной научной традицией, и очевидно, он отражает вполне реальные вещи. Однако тоже самое мы можем констатировать и в отношении цивилизационного подхода. В этой ситуации разумно не сталкивать эти традиции вновь и вновь, но поискать пути неэклектичного, методологически корректного их согласования.

С нашей точки зрения такое согласование возможно. Цивилизационный анализ есть один из аспектов анализа социальной реальности. И как таковой он не отрицает, но дополняет другой аспект – стадиально-

формационный. Эта ситуация возникает в силу специфики социального знания. Естественные науки – генерализирующий тип знания. Социальная же теория – не только генерализирующее, но и индивидуализирующее знание. Здесь нам интересно не только общее, но и отдельное, особенное, индивидуальное. Стадиальный аспект анализа выражает генерализирующий интерес знания. Цивилизационный аспект анализа – индивидуализирующий интерес знания. В стадиях и формациях мы выявляем род и вид. В цивилизациях мы вычленяем отдельные социально-исторические особи или их конгломераты.

Цивилизация – специфический способ существования, или стиль бытия, парадигма того или иного социора или федерации социоров. Или же, иначе говоря, цивилизация – общество, взятое в разрезе специфики своей культуры. Здесь культура – совокупность алгоритмов поведения и мышления.

При этом необходимо сделать четыре существенных добавления.

1. Цивилизация всегда локальна, ибо привязана к конкретному географическому региону. Именно эта привязанность и является одной из главных причин формирования индивидуального облика каждой цивилизации. Фактически, цивилизационный аспект анализа пытается уловить «биографическую ситуацию» того или иного социора.
2. Цивилизационный аспект анализа применим лишь ко второй и третьей стадиям человеческой истории. Стиль бытия первобытных обществ столь унифицирован, что хотя и здесь можно говорить о цивилизациях, но это эвристически бесплодно и несущественно. Впрочем, в каких-то очень специальных случаях говорить всё же можно. (См. суждения археологов о той или иной первобытной культуре).
3. В рамках одной цивилизационной парадигмы часто можно выделить различные стадии и различные формации. Так, например, европейская цивилизация или дальневосточная цивилизация (Китай и Япония) прошли аграрную стадию и ныне находятся на стадии индустриализма.
4. Формационный и цивилизационный аспекты анализа не совсем равноправны. Следуя марксистской парадигме, мы склонны рассматривать формационный подход как более фундаментальный. Соответственно, цивилизационный подход формируется на его базе

как специфическая конкретизация анализа. Подобное видение приводит к тому, что часто за пространно-мистическими рассуждениями цивилизациологов о судьбах цивилизации следует видеть действие вполне реальных формационных механизмов. Так, например, за анализом периодов рождения, расцвета, упадка и гибели цивилизации следует видеть чаще всего действие определенного способа производства или социального ресурса.

$3 Проблема социальных изменений.

Прежде всего, мы хотели бы рассмотреть в этом параграфе следующие пять тезисов.

1. В свете выше изложенного социальные макроизменения есть изменения стадиального, цивилизационного[55] или же формационного характера. Причем смена формаций не всегда есть смена стадий. В рамках одной стадии социор может пройти несколько формационных состояний (см. Древний Рим). Но смена стадий всегда есть смена формаций.

2. Одной из основных движущих сил социальных макроизменений является развитие (а иногда и упадок) производительных сил и соответствующая им эволюция производственных отношений.

3. Время от времени эта динамика выражается в более или менее интенсивной классовой борьбе.

4. Стадиальные изменения всегда имеют эволюционный характер и занимают длительный промежуток времени. Формационные же изменения также за редким исключением имеют эволюционный характер. Революция – один из моментов формационных изменений. Революция не имеет характер всеобщего закона, хотя в момент перехода от аграрной стадии к индустриальной весьма вероятна.

5. Понятие «революция» не всегда может быть связано с понятием «классовой борьбы». Можно говорить о «социальной революции», о «промышленной революции», о «политической революции», о «культурной революции», о «религиозной революции» и т. д. Революция –

[55] Изложение цивилизационных изменений мы отложим в сторону, поскольку этот предмет выходит за рамки нашей темы.

это коренной слом и качественное изменение социальной системы в целом или её части в относительно короткий промежуток времени.

Комментарий.

I. Социальные макроизменения есть изменения стадиального или же формационного характера. Причем смена формаций не всегда есть смена стадий. В рамках одной стадии социор может пройти несколько формационных состояний. Для пояснения рассмотрим ситуацию древнеримского социора. Здесь мы обнаруживаем три типа общества. Первый тип. Классический античный полис (от первых царей до Пунических войн). Для него было характерно парцеллярное крестьянское хозяйство, мелкое ремесленное производство, достаточно оживленный рыночный обмен. Почти однородная гражданская община, оформленная в структуре город-государство, слабо выраженная классовая структура. Политическая система: монархия, а затем республика.

Второй тип. Рабовладельческое общество (от Пунических войн до II-III в. н.э.). Здесь структуры античного полиса с его парцеллярным хозяйством оказываются, оттеснены на задний план и доминируют рабовладельческие латифундии и эргастерии. Интенсивное рыночное хозяйство с мощным финансовым сектором, заставляющее многих историков говорить о «древнеримском капитализме». Разложение полисных структур и образование Римской империи. Олигархо-аристократическая республика, эволюционирующая в универсальную бюрократическую монархию.

Третий тип. Магнарный тип общества с элементами политаризма.[56] В экономике господствуют крупные хозяйства, находящиеся в полной собственности владельца, который распределяет средства производства среди массы арендаторов (колонат). Появляются государственные предприятия и «тягловые» формы эксплуатации населения, обеспечивающие потребности армии и бюрократического аппарата (политарные структуры). Хиреющее рыночное хозяйство. Бюрократическая монархия, деградировавшая в доминат.

Как мы видим, за тысячу лет своего существования древнеримское общество проходит три типа социальной структуры. Фактически можно

[56] См. Семенов Ю.И. Философия истории. С. 248-249.

говорить о трех формациях, поскольку соблюдены все формационные критерии. Но традиционный марксизм, связанный догмой говорит об одной общественно-экономической формации – рабовладельческой. Такое утверждение возможно лишь при наличии скрытой посылки провиденциализма. То есть мы знаем, что это общество **обязательно должно** стать рабовладельческим и посему нам не остается ничего другого как записать первое и третье состояния в качестве «раннерабовладельческого общества» и в качестве «разлагающегося рабовладельческого общества».

Но если законно отказаться от провиденциалистской посылки, то мы можем допустить, что древнеримский античный полис мог не иметь никакого исторического продолжения. Или магнарное римское общество с элементами политаризма за отсутствием чудовищного давления великого переселения народов могло просуществовать еще несколько столетий. На каком основании мы обозначаем одни социоры просуществовавшие несколько столетий как формации, а другие социоры как переходные формы? Неужели единственным основанием для такого различия является тот факт, что первые просуществовав несколько столетий, погибли или растворились в исторической тьме, а другие получили блестящее продолжение? Традиционный марксизм столь «сакрализировал» понятие «общественно-экономическая формация», что почти утерял возможность использовать его по утилитарно-научному назначению. В результате сакральный термин «формация» курьезным образом применяется лишь к тем обществам, которые в средние века назвали бы «мировыми монархиями». Очевидно, что здесь традиционный марксизм стал беззащитной жертвой средневекового провиденциализма и универсализма в новейшей гегелевской разновидности.

Часто подобное сакральное, провиденциалистское использование понятия «формации» просто озадачивает. Историки-марксисты обозначают раннее римское общество как рабовладельческое или в лучшем случае как раннее рабовладельческое. Но ныне уже совершенно ясно, что феномен рабства в этом обществе весьма незначителен и по своему развитию не более масштабен, чем в ряде обществ средневековья, которые называют феодальными. Так, например, в Киевской Руси мы наблюдаем достаточно

развитые формы рабства, получившие детальное развитие и оформление в юридических документах. Но ни один марксист не решится назвать это общество раннерабовладельческим. Фактически мы сталкиваемся вновь и вновь с достаточно произвольным использованием одних и тех же критериев. И лишь благодаря провиденциалистской посылке этот хаос обретает видимость порядка: общество раннерабовладельческое потому, что оно развилось в рабовладельческое; общество раннефеодальное лишь потому, что оно развилось в феодальное.

Используя же понятие «формации» в позитивистском ключе, мы неизбежно приходим к необходимости более свободного обозначения им качественно различных состояний социора. Скорее всего, мы подчеркнем это еще раз, перечень формаций аграрной стадии должен быть существенно расширен с тем, чтобы более полно охватить имеющиеся исторические феномены. Кроме того, необходимо демистифицировать механизмы смены различных состояний социора и отказаться от попыток обнаружить в них руку всемирно-исторического Провидения.

II. Но смена стадий всегда есть смена формаций. В принципе это достаточно очевидно. Но, может быть, несколько слов на эту тему будут нелишними. Способ хозяйствования - это лишь абстракция, выражающая определенную сущность целого набора способов производства. Аграрное или индустриальное хозяйство никогда не существуют сами по себе. Они всегда оказываются, оформлены в определенный социальный тип. Соответственно смена способа хозяйствования есть всегда смена социальных типов или, иначе говоря, формаций.

III. Одной из основных движущих сил социальных макроизменений является развитие (а иногда и упадок) производительных сил и соответствующая им эволюция производственных отношений.

Эта, казалось бы, совершенно очевидная и прозрачная марксистская истина не столь проста, как полагают многие традиционные марксисты. В марксистской литературе можно обнаружить как минимум две интерпретации.[57] Обе эти интерпретации восходят к Марксу.

[57] В этом месте согласно доброй научной традиции нам следовало бы привести длинный список имен, с которыми можно было бы отождествить ту или иную интерпретацию. Еще более был бы уместным разбор позиции каждого автора в отдельности. Но поскольку мы выбрали жанр

Интерпретация первая. Развитие производительных сил осуществляется в рамках определенных производственных отношений, сердцевиной которых выступают отношения собственности. В какой-то момент производительные силы оказываются в противоречии производственным отношениям и отношениям собственности. «Прогрессивный класс» выступает олицетворением новых производственных потребностей, а иногда более или менее адекватно осознает их, и посредством классовой борьбы ломает старые производственные отношения и отношения собственности. Пик этого процесса – социальная революция, которая в результате приводит к установлению новых производственных отношений. С этой точки зрения социальная революция является необходимой всеобщей фазой смены общественно-экономических формаций, локомотивом истории. С полным правом мы можем назвать эту интерпретацию революционной интерпретацией закона соответствия производственных отношений производительным силам.

Интерпретация вторая. Производительные силы эволюционируют в рамках определенных производственно-технических отношений. Причем сами производственно-технические отношения также эволюционируют сообразно эволюции производительных сил. Это обусловлено тем, что за производством всегда стоит некий «**субъект экономического интереса**», который непрестанно «реформирует» производственно-технические отношения сообразно своему интересу и выгоде. Постепенно накопление качественных подвижек в системе «производительные силы – производственно-технические отношения» приводят к преодолению меры и качественному сдвигу системы отношений собственности. Последние же активизируют новации в правовом осмыслении системы производства. В итоге в движение приходят все этажи социальной конструкции, и общество медленно и постепенно вползает в новую формацию. Причем часто это движение сопровождается различными социальными и политическими акциями. Исторически этот процесс является правилом, в

вольных критических замечаний, мы решили чрезмерно не загружать изложение. Кроме того, излишняя заинтересованность некоторых ученых персоналиями зарождает мрачные подозрения относительно симпрактичности их мышления, коль для них более важным оказывается не то, что было сказано, а то, кем это было сказано. Нас же интересует, прежде всего «эйдетическая» логика марксистской системы, нежели исторически преходящие частности.

отдельных же случаях он сопровождается социальными революциями.[58] С этой точки зрения смена формаций есть эволюционный процесс. Посему несколько условно мы можем назвать эту интерпретацию «эволюционной».

Думается, что беспристрастный читатель уже отметил, что первая интерпретация есть выражение волюнтаристского и метафизическо-провиденциалистского духа марксизма. При этой интерпретации остается совершенно скрытым естественный механизм приведения в соответствие производительным силам производственных отношений и повседневная мотивация людей вовлеченных в революцию. Подобная схема уместна для марксиста-гегельянца: некое безличное противоречие между производительными силами и производственными отношениями становится исторической необходимостью, которая загадочным (уж не мистическим ли?) образом реализуется на уровне повседневного сознания масс как требование социального переворота. Иными словами, наивный наблюдатель видит толпу санкюлотов, которые штурмуют Бастилию, потому что они возмущены безнравственным поведением королевского двора или злоупотреблениями местного чиновника. Наш же марксист-гегельянец, ближайший друг научной истины, понимает: перед ним разворачивается эпохальная историческая необходимость, которая лишь приняла обличье толпы санкюлотов для своей реализации.[59]

Вторая же интерпретация актуализирует позитивистский дух марксизма, поскольку интерпретирует социальный процесс в естественноисторическом ключе. Естественно, что мы рассматриваем вторую интерпретацию как более соответствующую видению современной науки.

---

[58] В Новое и Новейшее время вероятность революций резко повышается. Причины этого мы изложим ниже.

[59] Это видение истории многим советским марксистам представляется самоочевидным. Вполне возможно, что эта очевидность есть очевидность их детского и юношеского впечатления. Ведь мальчик, который пока лишь ходит в школу и совсем не подозревает о том, что в будущем он станет социальным теоретиком постоянно слышит по радио, полные тревоги и пафоса сообщения об английском пролетариате или очередной гнусной выходке американских империалистов. И учителя объясняют ему, что это не случайно, поскольку и он и английские пролетарии и американские империалисты существуют не сами по себе, а являются действующими лицами мировой исторической драмы. Те же, кто не родился и не жил в Советском Союзе, также знают, что история великая мировая драма, поскольку в большинстве своем являются представителями христианской цивилизации.

IV. Принятие в качестве исходной второй, «эволюционной» интерпретации закона соответствия производственных отношений производительным силам в корне меняет традиционное марксистское понимание роли классовой борьбы и социальной революции[60].

Классовая борьба оказывается лишь одним из моментов механизма социальных изменений. Более того, она не всеобщий момент. Существуют громадные периоды времени, когда классовая борьба не играет никакой роли в социальной динамике. Примеров тому такое множество, что мы просто затрудняемся привести какой-либо из них с тем, чтобы не умалить остальные. По большому счету вся Древность и всё Средневековье могут служить одним большим примером, если, конечно, не судить о них по трудам советских историков, которые любое разбойное происшествие трактовали, чуть ли не как предвестник очередной Крестьянской войны.

Причем понятие классовой борьбы до сего момента мы использовали в «хорошем» смысле слова, как понятие, обозначающее любые формы столкновения классовых интересов. К сожалению, слишком часто традиционный марксизм использует это понятие в «плохом» смысле слова, как обозначение борьбы между классом эксплуатируемых и классом эксплуататоров. Плохой смысл здесь состоит в том, что если твердо следовать историческим фактам, то мы обнаружим, что подобная борьба, хотя она и имеет место быть, но её результат весьма незначителен в механизме смены формаций. В этом отношении классовая борьба, понимаемая в узком смысле слова (борьба эксплуатируемых и эксплуататоров), по своему значению еще менее существенна в механизме социальной динамики, чем борьба, понимаемая в широком смысле слова.[61]

---

[60] «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов». К. Маркс и Ф. Энгельс Манифест Коммунистической партии // Соч. Изд. 2-е. Т.4. С. 424.

[61] Мы понимаем, что в этом пункте наших рассуждений все самые худшие подозрения читателя-коммуниста оправдались полностью. Он окончательно уверился, что авторы, обслуживая интересы эксплуататорского класса, взялись исподволь отвлечь пролетариат от его прогрессивных революционных задач, всячески умаляя роль классовой борьбы в истории. Конечно, такой читатель не поверит нам ни на йоту, если мы будем уверять его, что не состоим ни в каких отношениях с эксплуататорскими классами и преследуем лишь интересы объективной истины. Между собой мы уже давно решили, что фанатично-политически заинтересованный читатель – потерянный для нас читатель. В конце-концов, большую часть того, о чем мы пишем, он мог бы обнаружить сам, беспристрастно взглянув на социальную

Далее. Маркс и его последователи сделали чрезмерный акцент на антагонистичности борьбы эксплуататоров и эксплуатируемых. Как мы видим из истории, это взаимодействие двух классов имеет не только антагонистический, но и солидарный характер. Дело в том, что эксплуататорские классы помимо того, что они «жируют» за счет эксплуатируемых, выполняют ещё и вполне определенные общественно значимые функции. Ликвидация этих классов мгновенно приведет к социальному хаосу, в результате, которого серьезно пострадают и эксплуатируемые. Эта взаимозависимость всякий раз приводит к тому, что социальный хаос гражданской войны заканчивается воспроизведением прежней структуры. Если же этого не происходит, то социальная «жижа», образовавшаяся на месте распавшегося социора оказывается поглощенной другим социором, в результате чего эксплуатируемые попадают в еще худшее положение, чем прежде. Наиболее ярко взаимозависимость эксплуатируемых и эксплуататоров проявляется в моменты военных конфликтов, когда внешняя опасность приводит к заключению «социального мира» ради успешного решения внешнеполитических задач.

Это же, во многом, относится и к традиционному марксистскому пониманию государства как аппарата насилия одного класса над другим классом. Такое определение во многом отражает реальное положение вещей. Но оно, к сожалению, игнорирует взаимозависимость классов и общесоциальных интересов. В этом отношении определение М. Вебера оказывается более корректным. Он рассматривает государство как аппарат легитимного насилия. Ключевым словом здесь является понятие «легитимности». Во-первых, оно как раз и отражает наличие взаимозависимости и заинтересованности поддержании социального целого, а во-вторых, оно отражает тот факт, что большинство членов социора в течение длительных периодов времени воспринимает существующий социальный порядок как законный и справедливый. Это

реальность. Но в основе восприятия такого читателя лежит мощный ценностный генератор, который радикально преломляет все социальные факты, заставляя верить в политические миражи и фантомы. И даже если бы мы доказали свои тезисы с абсолютной математической точностью (а на подобную степень истинности мы не претендуем), то и в этом случае нам не

выражается в том, что любое общество имеет набор понятий, обосновывающих определенные правила «социальной игры» и указывающих условия для реализации определенной социальной мобильности. Именно в тот момент, когда эти понятия оказываются дискредитированными или начинают восприниматься большинством как ложные, и происходят социальные потрясения. Но, как мы знаем, социальные потрясения в жизни социора не есть повседневность, они перемежаются длительными периодами «социального мира».

В заключение вопроса о классовой борьбе мы позволим себе некое ценностное рассуждение о феномене эксплуатации.

Авторы родились и воспитывались в Советском Союзе и соответственно с детства усвоили «непреложную истину», что эксплуатация – это всегда зло. Ныне же, пережив социальные потрясения конца 80хх-90хх гг. XX в. и отчасти освободившись от навязанных идей, они пришли к несколько иным выводам. Безусловно, ситуация когда рабочий не знает чем накормить своих детей в то время как буржуа кормят деликатесами своих собак – отвратительная ситуация. И мы всецело за то, чтобы она была прекращена как можно скорее, и были созданы условия, при которых она вовсе невозможна. Но вместе с тем, теперь мы знаем, что радикальная социальная революция, направленная на окончательное уничтожение эксплуатации приводит к значительно худшим результатам. Во время этой революции оказываются, расстреляны и сброшены в одну яму и «жирующие» буржуа и голодающие рабочие. А на место прежних эксплуататоров приходят эксплуататоры новые – еще более безжалостные, еще более циничные, еще более жестокие.

Памятуя об этом, и беспристрастно исследуя историю, мы обнаруживаем, что эксплуатация – непреложная данность цивилизованного общества. По крайней мере, в ближайшей исторической перспективе.

Эксплуатация – это не только данность, но и необходимость. Без неё цивилизация невозможна.

Эксплуатация – это изъятие части прибавочного продукта и распределение его по всем этажам социальной пирамиды. Очевидно, что

удалось бы переубедить такого читателя. Переубедить его можно было бы лишь отключив этот «генератор».

этот прибавочный продукт идет не столько на создание условий для праздной жизни вышестоящих, сколько для выполнения общесоциальных задач и функций. Сам Маркс неоднократно указывал, что цивилизация есть прямое следствие перераспределения прибавочного продукта. И если мы не являемся сторонниками Ж.. Ж.. Руссо и не призываем, вслед за ним вернуться в леса, то мы должны во многом реабилитировать феномен эксплуатации.

Это тем более необходимо, если мы откажемся от примитивного понимания производящего труда как труда физического, и вслед за Марксом будем рассматривать всё общество как систему производства и воспроизводства. В этом случае за редким исключением почти все члены общества оказываются выполняющими свою общественно полезную функцию. В результате феномен эксплуатации предстает как взаимообмен между членами общества социальными ресурсами, обусловленный естественно сложившимся порядком разделения труда. Пропорции такого обмена зависят от квалификации, статуса, общественной полезности и необходимости, престижности и т.д. И если в будущем окажется возможно, общество, где эти факторы перестанут быть значимыми и где воцарится полное социальное равенство, то мы можем только приветствовать подобную перспективу. Но в обозреваемой исторической перспективе мы не находим предпосылок для реализации подобной идиллии. И как ученые мы не рискуем делать серьезные прогнозы относительно далекого будущего. Это дело мы оставим для умов утопистов.

V. Стадиальные изменения всегда имеют эволюционный характер и занимают длительный промежуток времени. Формационные же изменения также за редким исключением имеют эволюционный характер. Революция – один из моментов формационных изменений. Революция не имеет характер всеобщего закона, хотя в момент перехода от аграрной стадии к индустриальной весьма вероятна.

Понятие «революция» не всегда может быть связано с понятием «классовой борьбы». Можно говорить о «социальной революции», о «промышленной революции», о «политической революции», о «культурной революции», о «религиозной революции» и т. д. Революция –

это коренной слом и качественное изменение социальной системы в целом или её части в относительно короткий промежуток времени.

Итак. Вопрос о революции в традиционном марксизме крайне запутан. Что еще хуже большинство марксистов даже не замечают этой путаницы.

Суть проблемы восходит еще к Марксу. Маркс однозначно заявляет – революция есть способ смены формации. Но, заявляя так, он чаще всего рассуждает о буржуазных и пролетарских революциях, которые опосредуют гибель феодальной и капиталистической формации. Вполне естественно и логично при этом, что Маркс рассуждает здесь о классовых битвах, о власти, о диктатуре класса. Фактически понятие социальной революции и политической революции совпадают. И дело не в том, что Маркс не различал их. Для него политическая революция – выражение и реализация социальной революции. По большому счету Маркс прав. В Новое и Новейшее время мы действительно наблюдаем серию социально-политических революций, знаменующих радикальную смену типа общества.

Но с этой марксовой правотой большинство марксистов попадают впросак, как только они обращаются к Древности и Средневековью. В советское время на философском факультете острословы выразили это затруднение шуткой – «На улицы Рима высыпали народные массы с лозунгами и транспарантами: «Долой рабовладельцев. Вся власть феодалам».

Действительно, за редким исключением[62] мы не наблюдаем в Древности и Средневековье революционной смены формаций. Кроме того, достаточно скоро при более детальном изучении истории стало ясно: смена формаций длительный и постепенный процесс, где революция, или серия революций – лишь заключительный этап. Но ведь тезиса Маркса о том, что революция это способ смены формаций никто не отменял. Соответственно, марксистам пришлось одновременно оперировать двумя различными понятиями «революция».

1. Революция – радикальная, коренная смена способа производства и всех сопутствующих ему социальных структур в достаточно краткий

[62] Например, революция Солона в Афинах.

промежуток времени (несколько столетий), где краткость этого промежутка определяется в сравнении с длительностью предыдущего периода.

2. Революция – радикальная, коренная смена способа производства и всех сопутствующих ему социальных структур в достаточно краткий промежуток времени (несколько десятилетий), осуществляющийся посредством интенсивной классовой борьбы.

Конфуз состоит в том, что, признавая оба определения как адекватные[63], марксисты нарушают логические законы тождества и запрещения противоречия, наполняя одно понятие различными значениями и смыслами. Виной тому вовсе не неразумие, а следование традиции и политическая дисциплина.

Как всегда, для преодоления этой путаницы необходима небольшая реформа Маркса. И как всегда, в этой реформе мы собираемся руководствоваться духом марксистской парадигмы, верностью фактам, неприятием метафизики, методологической простотой и согласованностью, соответствием марксистских понятий понятиям используемых в мировой науке.[64]

---

[63] Во множестве монографий о социальной революции мы обнаруживаем оба определения не только соседствующими друг с другом, но и не приведенными в рефлексивное согласование между собой. В одном месте автор повествует о длительности смены формаций и называет это социальной революцией, в другом же рьяно толкует о революционной зрелости классов, о революционной ситуации, об адекватности политических программ, о вопросе о власти, о телеграфах, мостах и почтамтах. И тоже называет это социальной революцией.

[64] С соответствием марксистских понятий понятиям мировой науке дело обстоит совсем плохо. Первоначальным виновником такого разлада является Гегель, который, воодушевленный идеей исключительности своей философии и стремлением дать всем научным понятиям свое место в универсальной метафизической системе, извратил смысл многих общеупотребительных понятий. Это расхождение довершили марксисты, вдохновленные политическим мессианизмом, монополией на абсолютную истинность, пренебрежением и параноидальной подозрительностью к немарксистской науке. В итоге с марксизмом произошло то, что обычно случается с этническими группами или религиозными сектами, оторвавшимися и изолировавшимися от целого – их язык и понятия начинают эволюционировать самостоятельно, приобретая другой смысл и значение. Примеров тому в марксизме – множество.
Мировая наука использует понятие метафизика для обозначения знания о сверхчувственном. Марксисты же обозначают этим термином философские теории, игнорирующие движение.
Традиционно под диалектикой понимают искусство спора. Марксисты же под диалектикой понимают науку о всеобщей связи и развитии.
Теории, сомневающиеся в познании, марксисты обозначают термином «агностицизм». Термин «агностицизм» был введен в научный оборот в конце XIX в. Гексли для обозначения позиции ученого-позитивиста в вопросе существования Бога. Теории же, сомневающиеся в возможностях человеческого познания, мировая наука обозначает термином «скептицизм».
Примеры можно множить и множить. Но в заключение можно заметить, что из-за подобной несогласованности авторам, читающим в ВУЗе курс мировой философии, приходится тратить много времени на соответствующие пояснения, к вящему изумлению и затруднению студентов.

Самое разумное, что можно сделать на этом пути – отказаться от одного из определений понятия «социальная революция». Такой отказ означает, и упразднение тезиса Маркса, что социальная революция есть обязательный и всеобщий способ смены формации. Нет никакого смысла в том, чтобы идти наперекор общеустоявшемуся в мировой науке смыслу понятия «революция» и обозначать им эволюционные эпохи смены формаций, где почти полностью отсутствует интенсивная классовая борьба. И в тоже время, это вовсе не означает, что понятие «революция» непременно должно быть связано с феноменом классовой борьбы. Такая связь также шла бы вразрез с обще научной традицией и создавала бы массу затруднений, лишая нас возможности обозначить такие явления как «промышленная революция» или «религиозная революция».

Таким образом, марксистское понятие революции должно обладать достаточной емкостью и учитывать общепринятые способы его использования.

Революция – это коренной слом и качественное изменение социальной системы в целом или её части в относительно короткий промежуток времени. Можно говорить о «социальной революции», о «промышленной революции», о «политической революции», о «культурной революции», о «религиозной революции» и т. д.

Стадиальные изменения всегда имеют эволюционный характер и занимают длительный промежуток времени. Формационные же изменения также за редким исключением имеют эволюционный характер. Революция – один из моментов формационных изменений. Более точно было бы сказать, что в определенные отрезки истории смена формаций сопровождается целой серией различных социальных, политических, промышленных, религиозных и культурных революций. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на Европу 16-20 вв. Здесь становление

Всякий раз как дело доходит до марксистской философии, приходится давать длительные пояснения, почему термины, которые использовались до этого в одном значении, в марксизме используются в другом значении.

Подобная несогласованность является признаком научного сектантства и изолированности марксизма. Преодоление этой несогласованности есть один из путей возвращения к мировому научному целому. Было бы неплохо, если бы пышный цветок марксизма был возвращен из цветочного горшка обратно в цветущие джунгли мировой науки.

индустриальной стадии в её типической форме – капитализм, сопровождалось серией различных революций.

Социальная революция – это коренной слом и качественное изменение социальной системы **в целом** в относительно короткий промежуток времени. Чаще всего социальная революция включает в себя политическую революцию и реализуется посредством ее.[65] Но социальная революция нетождественна политической революции. В редких случаях она может совершаться без нее. В качестве примера можно привести радикальные реформы 1861 г. в России или «революцию Мэйдзи» в Японии. Чаще же всего социальная революция сопровождается мощной политической революцией: Великая французская революция, китайская революция 1911 г., две русских революции 1917 и 1991гг. Такие революции являют собой не смену формаций, но радикальный шаг на пути к смене формаций. Часто, не смотря на радикальный характер, они нуждаются в дополнительной череде политических и экономических революций. Как мы это наблюдаем во Франции, где радикальная революция 1789-1794 гг. получила своё дополнение в промышленной революции 20-30 гг. XIX в. и череде политических революций 1830-1871 гг.

Известны случаи, когда социальная революция осуществляется в рамках политической и религиозной революции: Английская буржуазная революция XVII в. и Нидерландская буржуазная революция рубежа XVI-XVII вв.

Революция не имеет характер всеобщего закона, хотя в момент перехода от аграрной стадии к индустриальной весьма вероятна. Этот тезис особенно важен, ибо позволяет понять смысл весьма актуальных для человечества событий. Кроме того, он во многом объясняет причину, по которой Маркс сформулировал тезис, о том, что революция есть обязательный способ смены формации.

Маркс жил в эпоху, когда переход от аграрной стадии к индустриальной в Европе вступил в решающую фазу. Мощнейшие социальные, политические революции сотрясали европейские общества до основания.

[65] Политическая революция – это коренной слом и качественное изменение надстройки.

Хотя имелись и примеры эволюционной смены формаций – прусский путь развития капитализма и реформы 60-хх гг. в России – Маркс был склонен, больше внимания обратить на общую тенденцию и рассматривать эти примеры как исключения. К этому было тем больше оснований, так как сам Маркс был активно вовлечен в политическую деятельность.

Фактически, тезис Маркса о том, что революция и интенсивная классовая борьба есть обязательный и всеобщий способ смены формаций есть тотальная проекция Новоевропейских реальностей на историю в целом. Неоправданная проекция.

Революция не имеет характер всеобщего закона, поскольку основой смены формаций является смена способов производства. А как мы и показали выше, смена способов производства чаще всего есть эволюционный процесс. Субъект экономического интереса, стоящий за каждым способом производства, непрерывно приспосабливает производство к новым реалиям. В какой-то момент процесс достигает меры и старый способ производства переходит в новое качество, а старый субъект экономического интереса трансформируется в новый. Два блестящих примера этого: эволюционная трансформация землевладельческого класса Англии в так называемое «новое дворянство» и преобразование класса рабовладельцев Римской империи в класс земельных магнатов, эксплуатирующих колонов. Причем, это вовсе не эксклюзивные примеры. Процесс эволюционной смены формаций можно было бы проиллюстрировать и обосновать таким множеством фактов, что их перечисление могло бы занять не одну тысячу страниц ученого трактата. Мы же лишь апеллируем к знанию истории, которым должен обладать каждый социальный теоретик.

Но при переходе аграрного общества в индустриальное ситуация кардинально меняется.

В отличие от предыдущих эпох, где хозяйство эволюционировало из одного состояния в другое, здесь мы наблюдаем достаточно уникальную ситуацию. Производство здесь представлено двумя укладами – в недрах традиционного аграрного общества возникает и начинает достаточно бурно развиваться, фактически, инородная ему экономическая структура – промышленный уклад, представленный самостоятельным субъектом

экономического интереса – буржуазией. В итоге в рамках разлагающегося аграрного общества оказываются рядоположенными два экономических уклада и два субъекта экономического интереса. Причем аграрный уклад являет достаточную косность и консервативность, что отражается в политической консервативности землевладельческого класса, промышленный же уклад бурно развивается и наполняет всё большей экономической и политической силой класс буржуазии. В редких случаях подобная рядоположенность относительно «согласованна» и тогда возможны два варианта: либо буржуазия оказывается достаточно слабой, чтобы столкнуть класс традиционных землевладельцев, но правящая элита, во избежание революционных эксцессов, сама осуществляет решительные реформы – прусский путь развития капитализма. Либо же интенсивность развития капиталистического сектора столь велика, что она достаточно быстро вовлекает в орбиту капитализма традиционные аграрные структуры – формирование «нового дворянства» в Англии.

Но чаще всего, экономическая и политическая рядоположенность двух укладов и двух субъектов экономического, а значит и политического интереса, оказывается «несогласованной». В итоге окрепшая буржуазия сталкивает с социальной арены одряхлевший класс землевладельцев, разрушает традиционные структуры аграрного общества и достаточно быстро абсорбирует их обломки в капиталистическую структуру.

Именно в силу этих обстоятельств переход аграрного общества в индустриальное чреват великими революциями и социальными потрясениями. Но проецировать этот процесс на всю историю в целом совершенно недопустимо. Еще раз подчеркнем, мы имеем дело, во многом, с исключительной ситуацией.

По рассмотрению последнего пункта, мы полагаем, что наш критический разбор материалистического понимания истории закончен. Но поскольку это теоретическое ядро в марксизме обрамлено определенной политической доктриной и специальными рассуждениями об истории, постольку мы считаем разумным рассмотреть и то и другое отдельно. Соответственно, далее мы критически рассмотрим политическую

доктрину марксизма и в заключение предложим краткий очерк всемирной истории, так как она представляется с точки зрения реформированного марксизма.

Глава 4. Политическая доктрина марксизма.

При первоначальном взгляде на марксизм, особенно если пойти на поводу публичных и совершенно искренних заявлений его авторов, можно было бы решить, что политическая доктрина марксизма есть безупречно логичная конкретизация научной теории в политической сфере. Маркс был уверен, что одна из главных заслуг его деятельности – утверждение политической доктрины на базе строгой и беспристрастной науки. По крайней мере, Ф. Энгельс засвидетельствовал успех этого проекта, возвестив о создании в рамках марксизма теории научного социализма.

Мы убеждены, что в лице научного социализма (коммунизма) мы имеем дело с грандиозным самообольщением. Перед нами провал еще одной попытки придать исторически ограниченным морально-политическим ценностям научное обоснование.

Мы решаемся утверждать: коммунизм – это антимарксизм, если под марксизмом понимать научную социальную теорию Маркса. Иными словами: если строго следовать духу и букве традиционного материалистического понимания истории, то в итоге мы не только не получим «научного коммунизма», но и обнаружим ложность и иллюзорность этой доктрины.

Основная проблема, связанная с марксизмом, как мы уже отчасти пытались показать это выше, состоит в том, что в нем научная теория оказывается тесно завязанной на морально-политическую доктрину. Уже одна эта завязанность априори ставит под сомнение научный характер марксизма. Весь пафос нашего предыдущего изложения состоял в признании необходимости освобождения эвристически плодотворной марксистской парадигмы от удушающе-цепких объятий политической доктрины. Если это нам удалось, то теперь настало время беспристрастно взглянуть на саму эту доктрину, и, так сказать, поразить чудовище в самое сердце.

В общем виде, коммунистическая доктрина может быть развернута в следующих пунктах.

1. Социальный прогресс и, прежде всего, прогресс производства исторически изживают капитализм. Капитализм становится препятствием на пути прогресса и неумолимо клонится к закату.

2. Пролетариат – восходящий класс, субъект, становящейся, новой экономической формации.

3. Всеобщий кризис капитализма выливается во всемирную пролетарскую революцию, уничтожающую старое общество. Возглавляет пролетариат пролетарская партия, которая соединяет марксистскую идеологию с субъектом прогресса.

4. Пролетарская революция осуществляется через диктатуру пролетариата, которая подавляет эксплуататорские классы, разрушает старое общество и создает условия для возникновения нового.

5. На обломках капиталистического общества возникает коммунизм, базирующийся на общественной форме собственности, исчезновении государства и классов, преодолевающий разделение труда, тотально освобождающий человечество.

6. Коммунизм означает «конец предыстории», завершение социального становления человечества, наиболее полное и гармоничное развитие производительных сил и творческих способностей человека, бесконфликтное общество, построенное на началах социальной справедливости, господство разума и преодоление предрассудков и так далее.

$1. Культурно-историческая обусловленность ценностных доминант политической доктрины К. Маркса.

Прежде чем мы рассмотрим эти пункты по отдельности, необходимо еще раз остановиться на ценностной базе, лежащей в основе этих идей. Именно эта ценностная база является тем генератором, который заставляет всё новых марксистов, заворожено распевать свой «политический гимн», не задумываясь об его обоснованности. Она же мгновенно мобилизует марксистов для фанатичного побивания камнями тех, кто усомнился в

катехизисе. Кроме того, как мы уже показали выше, эти ценности инициировали политическую доктрину Маркса, но сами при этом никогда не выступали в качестве объекта критического, рефлексивного рассмотрения. И Маркс, и его последователи используют эти ценностные посылки как самоочевидные и всеобщие, как «априорные» предпосылки.

В качестве основных ценностных доминант марксизма можно выделить: вера в прогресс; любовь к «достойному» ближнему, выражающаяся в идее социальной справедливости и гуманизме; ненависть к буржуазии; миссионизм; миллионаризм. Рассмотрим эти посылки детально.

1. Идею прогресса мы уже достаточно полно рассмотрели выше. И нашли её несовместимой со строго научным восприятием. Но на всякий случай еще раз подчеркнем. Идея прогресса базируется на определенных ценностных идеях. Ценности же несоизмеримы, поскольку всегда оказываются выражением предпочтения той или иной культуры или эпохи. Любой разговор об истинных ценностях автоматически означает ничем не обоснованный «центризм» (например, европоцентризм) или забавную веру, что в нынешнюю эпоху обнаружены ценности всех времен и народов. Проповедь истинных ценностей означает не просто занятие позиции «центризма», но и демонстрирует полное непонимание принципа историзма. Мы можем указать лишь одно условие, при котором будут обнаружены **подлинные** ценности для всех времен и народов. Это произойдет в том случае, если окажется, что Бог существует, и он лично явится к человечеству, с очевидностью удостоверив свою божественную природу. Только тогда мы сможем узнать, что есть подлинное благо. Но, судя по всему, ничего подобного в ближайшее время не ожидается.[66]

2. Вопрос о ценностных доминантах марксизма почти не обсуждался в научной литературе. А если и обсуждался, то, как правило, на недостаточном рефлексивном уровне. Соответственно вопрос этот не только весьма запутан, но и слабо изучен. Однако о некоторых вещах уже сейчас можно судить достаточно определенно.

Очевидно, что марксисты вдохновляются идеей изначального, природного равенства людей. Они уверены, что людей надо любить, и что каждый

[66] И даже в этом случае велика вероятность, что найдется некое количество людей, которые будут утверждать, что здесь – хитрый обман, что это не Бог, а дьявол, и что ценности ложные.

человек имеет право на свободу и счастье. Соответственно, они убеждены, что следует решительно и принципиально выступить против зла, то есть всего того, что препятствует свободе и счастью людей. Мы не имеем ничего против этих ценностных установок.[67] Но нас удручает тот научный конфуз, в который попадают марксисты. Марксизм – первая научная теория, которая серьезно поставила вопрос о социальной и эпохальной обусловленности ценностей. Но при этом марксизм воспринимает собственные ценности, лежащие в основе его политической теории как само собой разумеющиеся и вневременные. В лучшем случае они всё же рассматриваются исторически, и тогда оказываются привязанными к коммунистической эпохе. Но подобная привязка вовсе не удовлетворяет принцип историзма. Если мы вспомним, что коммунизм – это бесконечная эпоха, означающая начало подлинной истории и обретение человеком своей собственной природы, то привязка ценностей марксизма к ценностям коммунизма, фактически означает утверждение, что эти ценности имеют вневременной естественный характер, что, кстати, противоречит данным современной этологии. Более того, обоснованность подобной привязки недоказана. Что еще хуже, при внимательном рассмотрении мы можем обнаружить, что отчасти ценности марксизма есть ценности индустриальной, капиталистической эпохи, а отчасти они восходят к более ранним эпохам.

Понятие справедливости является константой социального бытия, которое выражает ожидания и необходимость для общества определенного порядка распределения (в широком смысле слова). В позднюю первобытность и в большинстве аграрных классовых обществах идея справедливости воспринимается как выражение божественной воли. Античность с её развитой теоретической культурой вносит в это представление принципиально новое – теоретическое исследование и обоснование справедливости. Здесь справедливость понимается как порядок, при котором каждому воздается **должное**. Но за редким исключением здесь справедливость интерпретируется в классовом ключе:

[67] И это вполне естественно, так как авторы являются представителями той же культурной эпохи, что и марксисты. Разница здесь лишь в различии интерпретаций этих ценностей и выводов из них.

эгалитаризму граждан полиса противопоставляется полное бесправие рабов.

В этом отношении христианское представление о справедливости есть любопытнейшая мутация традиции. Возникает эгалитаристская интерпретация справедливости. Здесь мы имеем дело с мощной проекцией бесправных слоёв населения в область идеологии. Возникает идеал тотального равенства всех людей как детей Божьих. Весьма характерно, что эта интерпретация становится популярной именно в тот момент, когда большинство населения Римской империи оказывается выпавшим из рамок полисного эгалитаризма. Первоначально эгалитарная концепция справедливости бытовала в форме христианского «коммунизма», когда первые христианские общины практиковали общность имущества, отказ от индивидуальной частной собственности, уравнительные принципы распределения, совместный коллективный труд. Со временем стало ясно, что подобная форма общины нежизнеспособна. Достаточно вспомнить, что Павлу удалось получить одобрение своих радикальных реформ со стороны иерусалимской общины под условием регулярной поставки денег на её содержание. В этом отношении более приемлемой формой оказалась экклесия. Как известно, она представляла собой христианскую общину, в которой участники жили частной жизнью, но собирались на совместные трапезы, средства для этих собраний поставлялись ими же. Эти собрания подчеркивали социально-имущественное равенство верующих перед Богом. Со времен первоначального христианства в каноническом праве утвердилась норма, что церковное имущество есть совместная собственность. Удивительно, но эта норма никогда не подвергалась сомнению и не отменялась. Но если бы спустя несколько столетий какой-нибудь нищий явился бы к облаченному в меха епископу и потребовал бы свою долю церковного имущества, то он был бы схвачен как опасный смутьян и еретик. Христианский эгалитаризм выдохся вследствие обретения христианством господства и бюрократизации церкви (епископальная церковь). В какой-то момент церковная бюрократия реально узурпировала власть и собственность, официально принадлежащих всему сообществу верующих.

С момента утверждения христианства европейские аграрные общества оказываются в достаточно уникальной ситуации. Большинство аграрных обществ являют относительно гармоничное согласование идеологии и социальной практики. Христианские же общества попадают в ситуацию **идеологического дуализма**. С одной стороны, средневековье создает естественную идеологию сословной справедливости, исходящую из идеи справедливости как воздаяния каждому должного. И эта идеология воспринимает ситуацию, когда барон пирует в замке, а его виллан ест скудную похлебку в лачуге, как справедливую. С другой стороны, в этих же обществах официально господствует доктрина эгалитарной справедливости: все люди (христиане) равны во Христе и все они будут справедливо судимы вне различий званий и сословий после смерти.

Почти полторы тысячи лет европейское средневековье балансировало в рамках этого идеологического дуализма. Всё большее замалчивание церковью христианской «эгалитарной» справедливости, создание ею концепций оправдывающих «сословную» справедливость встречало мощное противодействие в виде широких сектантских движений, индивидуального подвижничества и создания нищенствующих орденов. Подобное балансирование было обусловлено, прежде всего, двумя факторами.

Во-первых, к тому времени как христианство стало мировой религией, её доктрина превратилась в сакральную традицию. Любая попытка изменить её неизбежно ослабила бы и расколола христианство. Без серьезных оснований никто не пошел бы на это.

Во-вторых, христианство – религия с мощной теоретической составляющей: в основе её идеологии лежит священная книга. Нечто похожее мы наблюдаем в иудаизме и исламе. Но там, «теоретический» компонент неизмеримо меньше. Иудаизм обладает меньшим масштабом распространения, и он длительное время развивался вне привязки к отдельному социальному организму. В исламе священная книга обладала меньшим объемом, очень сильно было Священное предание и, кроме того, в большинстве своем ислам оказался привязанным к политарным обществам, в которых политарное государство сковывало и подавляло его развитие. И что самое важное, и иудаизм, и ислам возникли в

принципиально иных исторических условиях, они никогда не были идеологией бесправных классов и в силу этого *они не оказались в ситуации столь мощного отрыва от «естественной» социальной практики.*

Именно мощная теоретическая составляющая породила ситуацию, когда христианский эгалитаризм был несомненной догмой для теоретика (монаха или клирика-профессора), и непонятным тезисом для барона или епископа. Да и «третьему сословию» в большинстве своем он был не совсем понятен.

Как бы то ни было, христианская концепция эгалитарной справедливости просуществовала всё средневековье, за редким исключением не имея никаких практических последствий.

Удивительно, но её реанимация оказалась связана со становлением индустриального, капиталистического общества.

Существеннейшей идеологической установкой буржуазного общества является лозунг «естественного» равенства всех людей. В итоге буржуазный эгалитаризм смог опереться на тысячелетнюю христианскую традицию.

Теперь социальная справедливость рассматривается как ситуация, где каждый имеет право получить то, что он заслужил. Совсем не случайно, что в Новое время возникает и становится популярной идея человека «сделавшего себя самого». Буржуазное общество мыслит себя справедливым в той мере, в какой оно является обществом равных возможностей. Такое общество рассматривается как потенциально гармоническое общество. Те же его члены, которые не смогли в силу своей бездарности или трагического стечения обстоятельств реализовать себя, могут рассчитывать на филантропию – еще одна популярная идея Нового времени. И здесь мы имеем дело с секуляризированной идеей христианства.

Подобную же судьбу имела и христианская идея любви к ближнему и христианский гуманизм. В секуляризированном виде они стали сердцевиной официальной морали капиталистического общества. Более того, мощное развитие теоретической культуры в рамках индустриального общества привело к тому, что эти идеи превратились **в «априорную»**

структуру любого морально-политического суждения. Последнее особенно важно. В XIII в. барон знал, что все люди равны перед Богом и что ближнего надо любить, но он совершенно не понял бы вас, если бы вы заявили ему, что он и его виллан равны, и что он должен сделать всё, что бы виллан мог жить также богато и славно, как и он. «Черт возьми – возмутился бы барон – как можно равнять мою благородную кровь с кровью этого мужика. Богато и славно по закону Божьему, по праву и по рождению должен жить я, виллан же должен служить мне!» Теперь же в индустриальном, капиталистическом обществе ситуация в корне меняется. Теоретическая культура и всеобщее образование приводят к тому, что над социальной практикой грозно довлеет (впрочем, совершенно тщетно) альтруистическая и гуманистическая мораль. Самый гнусный, самый бессердечный капиталист, скорее всего с энтузиазмом поддержит в светской беседе идею, что люди, безусловно, равны и необходимо сделать всё, чтобы бедные и несчастные могли жить также богато и счастливо, как и он. Возможно, он даже не преминет заметить, что содержит несколько благотворительных фондов и всемерно поддерживает партию, борющуюся против социальных несправедливостей.

Таким образом, мы видим, что ценности, которые так вдохновляют социалистов и коммунистов по своей природе являются чисто буржуазными ценностями – ценностями буржуазного общества. По большому счету, весь этот ценностный набор, состоящий в большинстве своем из секуляризированных идей христианства, окончательно сложился в эпоху Просвещения. Здесь мы обнаруживаем и альтруизм, и гуманизм, и равенство, и социальную справедливость, и требование подчинить общество морали, и признание необходимости революции для этого. Социалистические и коммунистические идеи XIX в. лишь развивают и дополняют все эти принципы. И Маркс здесь не является исключением. Те специфические идеи, которые возникают в коммунистической идеологии, есть лишь несущественная аберрация буржуазных ценностей эпохи Просвещения.

В самом деле, Маркс отрицает частную собственность. Как мы пытались показать это в другой главе с цитатами на руках, он отрицает частную собственность еще до того, как было создано материалистическое

понимание истории, и была «доказана» неизбежная гибель капитализма. Очевидно, что Маркс изначально неприемлет частной собственности в силу её аморальности. Социологическое и экономическое опровержение её – лишь последующее «счастливое открытие». Но почему, с точки зрения Маркса, частная собственность аморальна? В принципе в ответе на этот вопрос Маркс продвинулся не существенно далее, чем Руссо и вся буржуазная политэкономия. Частная собственность, и, прежде всего, капитал – это кража, но кража не в смысле Прудона. Это кража не осознанна и она обусловлена объективными социальными законами.

Буржуазные идеологи доказывают, что капиталистическое общество справедливо, поскольку здесь каждый получает то, что он заслужил. Маркс не сомневается в справедливости этого принципа: каждый получает то, что он заслужил. Он лишь доказывает, что капиталистическое общество не живет по этому принципу. Аморальность капитализма состоит в том, что здесь рабочий получает лишь малую часть от плодов рук своих. Большую же часть присваивает капиталист с тем, чтобы еще больше закабалить рабочего. Вот почему Маркс исписал тысячи страниц посвященных прибавочной стоимости. В некотором роде эти страницы есть бесконечно длинный обвинительный документ против аморальности капитализма. Также не случайна и симпатия Маркса к пролетариату. Она полностью исторически обусловлена. Как мы уже заметили выше, барону XIII в. и в голову не пришло бы беспокоиться об участи угнетенных классов. Забота о судьбе бедного люда изобретение XVIII-XIX вв. Эта забота также имеет идеологическое обоснование, которое культурно восходит к христианской идеи любви к ближнему и христианскому гуманизму. Более того, симпатия к обездоленным коренится в фундаментальной христианской установке, которая доминирует в западных умах и поныне: страданиями душа совершенствуется. В XVIII-XIX вв. формируется целая идеализация бедного, но гордого человека. Вектор культурной аберрации здесь очевиден: если страданиями душа совершенствуется, то тот, кто много страдал (угнетенные) морально совершеннее, злодея и угнетателя.[68] В эту иррациональную культурную

[68] Этот весьма распространенный в постхристианской цивилизации предрассудок не только опровергается историческим опытом, но и отрицается данными этологии. «Увы, на дне

ловушку попал не один мыслитель и не одно общественное движение. Достаточно вспомнить шок, который испытала русская интеллигенция при столкновении с «морально совершенным» народом, освобожденным революцией. Или можно припомнить реакцию западного сообщества на десять отрезанных в Чечне голов иностранцев. Наиболее распространенным приговором было: провокация спецслужб. И это понятно, если чеченцев бомбят, то они страдают, а страдающие головы в принципе не отрезают, следовательно, их отрезали те, кто бомбит.

Так что любовь Маркса к пролетариату вполне понятна. Из книг, из школы, из университета он усвоил, что ближнего надо любить, но глупо любить недостойного ближнего, того, кто умножает страдания людей, любить стоит того, кто достоин этой любви. И если ценности марксизма – это ценности будущего коммунистического общества, то можно лишь восхититься культурой Германии начала XIX в., которая столь прозорливо выписала их.

Любовь Маркса к пролетариату проистекает также из его радикальных установок. Достаточно рано Маркс определился как радикальный революционер. Он жаждал полного переустройства общества на началах морального совершенства и справедливости. И в этом он не сильно отличается от радикалов французской революции конца XVIII в. Но сам Маркс с горечью отмечает, что большинство современных ему классов утеряли свой революционный потенциал. Естественно, что он как гегельянец не может видеть здесь одну лишь случайность. Кроме того, как моралиста его не удовлетворяют итоги буржуазных революций – общество всё еще крайне несправедливо. Вполне естественно, что в подобном умонастроении он с неизбежностью обращает внимание на формирующийся пролетариат как на единственный революционный класс. Эту эволюцию взглядов Маркса достаточно легко проследить по его ранним произведениям. Образно говоря, союз Маркса и пролетариата был во многом союзом по симпатии, а во многом – браком по расчету. И лишь

самособирающейся пирамиды животные во многом деградируют. «Подонки» - совсем не нечто прямо противоположное по своим качествам доминантам, а очень малоприятные существа, страдающие от трусости, зависти, нерешительности и подавляемой агрессивности, которую они могут переадресовать только неодушевленным предметам». В. Р. Дольник «Непослушное дитя биосферы», М., 2004, С. 210

последующий миф представил эту встречу встречей суженых. В конце концов, ведь и те, кто творил этот миф тоже были «гегельянцами».

3. Другой аберрацией ценностей современного Марксу общества является ярко выраженные презрение и ненависть к буржуазии. В меньшей степени они проистекают из-за разочарования в ней. Ко второй половине XIX в. буржуазия становится всё более консервативной. Особенно жалко на этом фоне выглядит немецкая буржуазия.

В большей же степени презрение и ненависть к буржуазии является выражением того духа, который царил среди интеллектуалов XIX в. (особенно немецких).

Причин для этого умонастроения было много, но мы отметим лишь две.

Во-первых, как известно идеологическая надстройка часто оказывается более консервативной, чем базис. В середине XIX в. общество приобретало всё более отчетливый капиталистический характер. Но университеты и интеллектуальные круги всё ещё рекрутировали львиную долю своего контингента из дворянского сословия. Более того, аристократический стиль жизни и аристократические ценности господствовали на протяжении всего XIX в. Даже сказочно разбогатевшие буржуа стремились имитировать аристократию, сладострастно гоняясь за титулами, и прочей аристократической мишурой. Вполне естественно, что интеллектуальный дух XIX в. был во многом антибуржуазным. Культурно господствующая аристократия не могла без презрения и ненависти относиться к буржуа. Эта идеологическая линия была столь мощной, что Маркс и Энгельс посчитали необходимым посвятить анализу «дворянского социализма» целый параграф «Манифеста коммунистической партии». Даже среди видных социалистов XIX в. мы обнаруживаем достаточно много выходцев из аристократического сословия. Сам Маркс явно находился под влиянием аристократических ценностей. Всё своё детство и юность он провел в довольно тесном общении с баронской семьёй фон Вестфаленов. Его жена была из этой семьи, и Маркс с удовольствием подчеркивал это в официальном общении. Своим дочерям он пытался дать «хорошее» образование с тем, чтобы они смогли найти приличную партию. Забавно, что человек, возвещающий скорую гибель эксплуататорского общества, подумывает о

приличной партии для своих дочерей. Биографы сообщают, что в какой-то момент Маркс чрезвычайно озаботился необходимостью иметь личного секретаря. Супруга предлагала быть его секретарем, но это предложение было отвергнуто как несовместимое с образом жизни «приличного» человека. В итоге был нанят какой-то мошенник, который в течении пяти лет почти ничего не делал, обольщал женщин и получал хорошее жалование. В личной жизни Маркс являл привычки более естественные для дворянина XVII в. Он пренебрегал своими многочисленными долгами и с презрением относился к своим кредиторам. Весьма характерен следующий случай. К Марксам явился булочник, который долго скандалил по поводу невыплаченных долгов и в итоге заявил о прекращении кредита. В этот момент малолетний сын Маркса ловко выхватил у булочника пару булок и был таков. Маркс с огромным удовольствием и восторгом рассказывал друзьям эту историю.

Таким образом, мы видим, что Маркс находился под мощнейшим влиянием аристократического мировоззрения. Для историка и социального теоретика куда более предпочтительней связывать антибуржуазный дух Маркса с этим влиянием, чем рассуждать о житии святого и его подвижничестве.

Во-вторых, антибуржуазный дух интеллектуалов XIX и XX вв. фундаментально обуславливается идеологическим дуализмом характерным для европейской цивилизации. В индустриальном европейском обществе этот дуализм не только не ослабевает, но и усиливается. Индустриальное общество нуждается в массе образованных людей. В результате оно создает мощную прослойку интеллигенции, которая во многом оказывается автономной по отношению к обществу. Эта интеллигенция воспитывается в школах и университетах в духе служения «вечным» ценностям. И многие интеллектуалы глубоко усваивают этот дух. Но что ожидает их по выходе из университета? Их ожидает приземленная практика и часто, во многом, морально сомнительная, практика адвоката или коммерческого менеджера. Этот исход вызывает у них страстный протест и отторжение. В этом отношении совсем не случайно, что на протяжении последних трех веков интеллектуалы оказываются в авангарде любого радикального движения.

Достаточно вспомнить, что курс западных обществ после второй мировой войны на практически всеобщее высшее образование породил мощнейшие леворадикальные молодежные движения 60-70-хх гг. Другой пример: германский фашизм был активно поддержан немецкими интеллектуалами и студенчеством.

Жизни Маркса и Энгельса блестяще иллюстрируют эту закономерность. И того и другого по окончании университета ожидала рутинная деятельность. Энгельсу не удалось вырваться из её оков, и он стал менеджером филиала семейной фирмы. Кстати, в качестве такового он вел образ жизни типичный для светского человека Англии XIX в. Энгельс выезжал в свет, покупал лошадей и охотничьих собак. Но подлинная его жизнь была связана с социалистическим движением. Маркс оказался более сильной натурой. Но его первые же попытки строиться в социальную структуру потерпели крах. Маркс надеялся на поприще журналистики обрести экзистенциальную гармонию: являясь уважаемым членом общества служить идеалам. Но оказалось, что здесь речь идет о выборе «или-или». В результате всю оставшуюся жизнь Маркс прожил аутсайдером. И это случилось лишь потому, что он бескомпромиссно, радикально и последовательно служил идеалам, впитанным из официальной культуры. И как после этого Маркс мог относиться к современному ему обществу?!

4. В заключение упомянем еще о двух ценностных доминантах марксизма: миссионизм и миллионаризм. Излишне напоминать образованному читателю, что эти ценностные схемы не являются специфической особенностью марксизма. Они широко представлены в иудаизме (Маркс, как и многие приверженцы марксизма, был евреем) и в христианстве. В результате этого они вошли в плоть и кровь европейской культуры.

Во всяком случае, уверенность в своей священной миссии и ожидание «царства справедливости», неизбежно завершающего наполненную злом человеческую историю, больше характеризуют сущность коммунистического движения, чем отсылают к реальному будущему. В этом отношении марксисты, снисходительно относящиеся к миссионизму и миллионаризму народных движений средневековья, и в тоже время с энтузиазмом повествующие о великой миссии пролетариата и

бесконечном царстве коммунизма в будущем, производят весьма удручающее впечатление.

Теперь, рассмотрев ценностные доминанты марксизма, мы можем обратиться непосредственно к его политической доктрине.

$2. Закат капитализма?

Социальный прогресс и, прежде всего, прогресс производства исторически изживают капитализм. Капитализм становится препятствием на пути прогресса и неумолимо клонится к закату.

Этот тезис Маркса ныне может вызвать у трезвомыслящего социального теоретика изумление.

1. Маркс официально провозгласил скорую гибель капитализма в 1848 г. в своем «Манифесте коммунистической партии». Там же он рассказал и о могильщике буржуазии – пролетариате. Если Маркс сделал эти заявления как ученый, то тогда в его лице мы имеем дело с чудесным сочетанием способностей ученого и пророка. В 1848 г. индустриальное общество четко оформилось лишь в Англии. Остальные европейские страны находились на различных стадиях продвижения к этому. Капитализм является социальной формой индустриального общества. Следовательно, для подавляющего большинства европейских стран заявление о четко оформившемся капитализме некорректно. В 1848 г. капитализм только выбирался из пеленок. Естественно, что всякое утверждение в это время о скорой гибели капитализма вызывает изумление. Как бы вы отнеслись к утверждению, что мыслитель VIII в. описал механизмы гибели феодализма и обосновал неизбежность капитализма? Будь он даже трижды Марксом такая прозорливость невозможна. Как может ученый, пусть даже вооруженный самой совершенной социальной теорией (а такой теории нет и поныне), находясь в начале одной формации предсказать характер следующей формации (формация у Маркса – это всемирно-историческая стадия, занимающая огромный кусок времени)? Если Маркс в своем пророчестве прав, то это возможно только в том случае, если капитализм как стадия занимает 50-100 лет. Но любой теоретик подобную эпоху должен был бы рассматривать лишь как промежуточную, малозначительную форму между феодализмом и коммунизмом. Более

того, сам Маркс мог бы задаться вопросом: почему предыдущие стадии-формации длились тысячелетиями (одна первобытная формация длилась несколько десятков тысяч лет), а капиталистическая стадия-формация укладывается в столетие, если не считать время её становления. Подобное уплотнение истории даже с учетом ссылок на ускоряющееся развитие человечества выглядит, мягко говоря, сомнительно.

Если же мы признаем, что капитализм занимает достаточно большой промежуток времени, например, несколько столетий, то и в этом случае знание о следующей формации невозможно. Это противоречит фундаментальному принципу марксизма: характер производства определяет характер общества. Ни один ученый не в состоянии предсказать характер производства через несколько столетий. Следовательно, ни один ученый не может сегодня серьезно говорить о характере общества, которое сменит капитализм. Достоверно поведайте нам о характере развития производительных сил через пятьсот лет и тогда мы рискнем сделать несколько туманных умозаключений о характере общества, базирующихся на них.

Сам Маркс здесь может выступить в качестве блестящего подтверждения нашего тезиса. Он не смог предвидеть характер производительных сил и на сто лет вперед. Конечно, ему удалось уловить суть некоторых тенденций, например, процесс автоматизации производства или глобализации всемирного хозяйства. Но он и представить не мог, что будут представлять собой производительные силы конца XX столетия. Возможно, если бы кто-то поведал ему о них, то он как зачарованный слушал бы о самодвижущихся экипажах, самолетах, космических кораблях, и чудовищной силе расщепленного атома. Рассказ же о компьютерах и виртуальной реальности он просто не понял бы.

2. Пока мы привели лишь косвенные аргументы против тезиса Маркса о скорой гибели капитализма. Теперь пора перейти к прямым аргументам.

Самый первый и, пожалуй, самый неопровержимый аргумент – капитализм, просуществовав еще 150 лет после публичного оповещения общественности о его скорой и неминуемой гибели, существует и ныне и,

судя по всему, будет существовать еще достаточно долго.[69] Этот фундаментальный факт радикально расколол последователей Маркса. Одни вслед за Бернштейном и Каутским, оказались перед необходимостью подвергнуть ревизии марксизм. Другие же остались на позиции ортодоксии. Аргументы последних демонстрируют полное теоретическое банкротство и блестящее владение диалектикой.

А) После того, как в конце XIX в. пролетариат окончательно оформился как класс буржуазного общества и утерял вследствие этого практически весь свой революционный энтузиазм, ортодоксы стали говорить о подкупе пролетариата буржуазией. Аргумент столь замечателен, что ныне к нему прибегают и люди далекие от коммунизма, но неприемлющие западный путь развития. В принципе, этот аргумент был уже неоднократно убедительно опровергнут. Поэтому мы остановимся на нем лишь вскользь. Этот аргумент весьма темен с фактической точки зрения. С одной стороны мы видим огромный поток материального богатства, перетекающий из кармана мира в карман Запада. С другой стороны мы видим масштабную материальную помощь стран Запада остальному миру. Судя по всему, обмен всё же неэквивалентен. Но здесь удивляться нечему. Сложноорганизованное ядро по определению эксплуатирует периферию. Мы же не удивляемся и не протестуем, что человечество эксплуатирует природу.

Кроме того, этот аргумент о подкупе весьма нелеп с логической точки зрения. Сам Маркс одним из первых указал на то, что капитализм с необходимостью эксплуатирует мировую периферию. Соответственно, он мог бы сразу догадаться, что при необходимости капитализм использует

[69] Маркс и Энгельс действительно полагали, что капитализм рухнет еще при их жизни. В их произведениях можно обнаружить множество прямых и косвенных указаний на это. В своей переписке они постоянно обсуждают возможности революции уже в ближайшее время. Каждый новый экономический кризис, каждое социальное потрясение заставляет их с надеждой замирать: неужели началось?! Отчасти в шутку, отчасти всерьёз они распределили будущие роли. Энгельс шутливо пишет Марксу, что учится верховой езде. Ведь пролетарский генерал должен двигаться на боевом коне впереди пролетарских полков. Марксу же при этом отводится роль теоретика и политического вождя.
К слову сказать, политический вождь из Маркса получился бы никудышный. Не смотря на то, что по типу личности Маркс и Ленин очень похожи, они обладали различными талантами. Маркс был гениальным ученым и слабым политиком, Ленин же ничего не представлял из себя как ученый, но был политическим гением. Частенько его подводила прозорливость, и важнейшие события оказывались для него неожиданностью. Но пока те, кто действительно

часть этих средств на стабилизацию собственного положения. Как бы то ни было, этот механизм оказывается существеннейшей чертой капитализма и позволяет ему избегать серьезных социальных потрясений. Указывать на него, как на причину отсрочки гибели капитализма так же неплодотворно, как говорить, что тот человек обязательно умрет, но не умирает, потому что его иммунная система всё ещё работает.

Кроме того, как уже не раз было отмечено: пролетариат оказывается весьма странным гегемоном. Что же это за гегемон, если его революционность убывает прямопропорционально с ростом его богатства и образования? И если это так, то буржуазия вызывает куда больше уважения, поскольку рост её богатства только укрепляет её волю к овладению властью.

Б) Аргумент ортодоксов о недостаточной политической организованности пролетариата как причины выживания капитализма также сомнителен. Но спорить с ним весьма затруднительно. Также затруднительно как возражать какому-нибудь вздорному утописту, который взялся бы утверждать, что имей крестьяне лучшую военную и политическую организацию, и с феодализмом было бы покончено раз и навсегда.

В) Есть еще аргумент о «социал-предателях». Аргумент совсем уж никчемен, поскольку он является разновидностью «теорий заговора». Серьезная социальная наука уже давно отказалась от этого примитивного способа осмысления общественных процессов. Очень грустно, что марксизм – теория, которая является главным виновником развенчания «теорий заговора», сам принес обильную дань делу обнаружения различных заговоров.

3. История опровергла все положения Маркса о механизмах гибели капитализма.

А) Маркс полагает, что главным разрушающим противоречием капитализма является противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения. Что ж, диалектики могут быть довольны: противоречие найдено и предмет, следовательно, познан. Но если не впадать в диалектический восторг, то это противоречие

предвидел эти события, прикидывали, как ими воспользоваться, Ленин уже ехал верхом на этих событиях в нужную ему сторону.

оказывается не совсем прозрачным. Нет, если следовать точно обретенной формулировке, то оппозиция налицо: «общественное-частное». Но если переформулировать этот тезис, и выразить его другими словами, то всякое противоречие исчезает.

Если под «общественным характером производства» понимать вовлеченность всего общества в производство[70], то здесь мы сталкиваемся с полной нелепостью. Согласно марксизму общество и есть система производства и воспроизводства. И, фактически, любое общество выступает таковым.

Следовательно, под «общественным характером производства» следует понимать исторически специфическую ситуацию, когда возникает общество, взаимосвязи которого столь сложны и тесны, что процессы, совершающиеся в одной части системы почти мгновенно отзываются на процессах в другой её части. Эта формулировка более разумна. Но, с ней становится неясно, почему подобный характер системы находится в противоречии с частной формой присвоения. В конце концов, почему бы не формулировать это противоречие более фундаментально. Как противоречие между общественным характером производства и частной формой потребления или пищеварения. В принципе многие социалистические режимы тяготели именно к этой формулировке, но их борьба с человеческой индивидуальностью столь вопиюще противоречит идеалам коммунизма, что обсуждать их подробнее бессмысленно.

Классический ответ марксизма на аргументацию, приведенную выше таков: противоречие реально, поскольку оно выражается в непрекращающихся экономических кризисах капитализма; эти кризисы могут быть преодолены лишь в рамках социалистического планирования. О социалистическом планировании мы будем говорить в других пунктах. Пока же о кризисах.

В принципе, изумленное потрясение Маркса перед лицом перманентных кризисов вполне понятно. По большому счету, он родился и формировался в аграрном обществе. Промышленность развилась уже во время жизни Маркса и первый кризис, поразивший лишь Англию, произошел в 1825 г.

[70] А ведь многие марксисты это так и понимают.

Марксу было семь лет. Для менталитета аграрного общества экономический кризис капитализма вещь парадоксальная: производство работает на полную мощь, а рабочие голодают и оказываются на улице; капиталисты разоряются и выбрасываются из окон; топки пароходов дешевле топить зерном, чем углем. Очевидно, что общество, которое постигло подобное бедствие, распадается и обречено. Маркс прямо указывает на чудовищное расточение общественного богатства во время экономических кризисов.

Марксова теория кризисов неплоха, но это достаточно ранняя теория. С тех пор социальные и экономические науки продвинулись значительно вперед. Последующий ход событий показал, что кризисы – это не судороги разлагающегося общественного организма, а необходимое и весьма эффективное средство для преодоления дисбалансов. Более того, выяснилось, что чудовищное расточение общественного богатства есть следствие работы кризисных механизмов, которые сами являются необходимым условием для создания богатства еще более чудовищных размеров. Каждый новый кризис делает капиталистическое общество все более богатым и эффективным. Кризис – один из способов существования рыночной капиталистической системы. Эта система не идеальна, но на данный момент наиболее эффективна.

Восприятие капиталистических кризисов марксистами вновь высвечивает их «идеалистический», миллианаристский подход. Первое, что им приходит в голову: неправильное, нездоровое общество; и они тотчас принимаются мечтать об идеальном обществе, избавленном от каких-либо кризисов. Весьма странный подход для диалектиков, считающих, что развитие через противоречие и конфликт – естественное развитие.

Б) Теория абсолютного и относительного обнищания пролетариата при капитализме. «Маркс следовал за классическим экономистом Д. Рикардо (1771-1823) и его трудовой теории стоимости, которая гласила, что заработная плата рабочего никогда не должна превышать тот минимум, который был ему нужен для воспроизводства собственной рабочей силы. То есть рабочий зарабатывает ровно столько, сколько ему нужно для обеспечения существования его самого и его семьи, чтобы он каждый день

физически был в состоянии выполнять работу»[71] Маркс умозаключает, что капиталист никогда не будет платить рабочему больше стоимости рабочей силы. Делать это ему не позволит конкуренция других капиталистов. Та же конкуренция будет заставлять капиталистов максимально занижать цену стоимости рабочей силы. В результате каждый шаг капиталистического хозяйства будет означать абсолютное и относительное обнищание пролетариата на фоне всё более умножающегося богатства капитала.

Логика любопытная, но не безупречная, поскольку она не учитывает ряд существенных механизмов капитализма. Механизмов куда более существенных, чем механизм эксплуатации мировой периферии, ради подкупа пролетариата.

Во-первых, Маркс не учитывает развития производительных сил. Выше мы уже обсуждали вопрос о том, мог ли Маркс прозреть характер производительных сил на несколько столетий вперед. Здесь мы видим, что Марксу не удалось этого сделать и на полстолетия вперед. Маркс видит будущее капиталистическое производство как производство, эксплуатирующее серую, неквалифицированную массу. Но это оказалось далеко не так. Каждый последующий шаг в развитии производительных сил требовал всё более квалифицированной рабочей силы, с соответствующим ростом её стоимости. Мастер или инженер не могут жить в лачуге, голодать и ходить в обносках как это делал пролетарий-разнорабочий в середине XIX в. Развитие производительных сил означает автоматическое улучшение положения пролетариата. Кроме того, со временем выяснилось, что у капитализма в запасе есть множество ходов, рассчитанных на взаимовыгодное сотрудничество пролетариата и буржуазии. Например, вовлечение пролетариата в выгодное для капиталиста участие в прибылях.

Во-вторых, всё тоже развитие производительных сил создает почти необходимую возможность, если учесть организованное давление пролетариата на капитал, для улучшения положения рабочего класса.

[71] От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. – М.: РОССПЭН, 1998. С. 362.

В самом деле, положим, что за необходимое рабочее время (допустим, 5 часов из 10) труд создавал 10 единиц продукции, теперь же труд, благодаря повышению производительности, создает за тоже время 50 единиц. Маркс совершенно прав, что необходимое рабочее время сокращается, например, с пяти часов до часа. И отдельный капиталист ничего не может с этим поделать из-за давления конкуренции. Но Маркс не учитывает одного – организованного давления пролетариата на капитал в целом. Капитал крайне зависим от поведения пролетариата. Сначала пролетариат может вырвать у него всеобщее избирательное право, потом он может, опираясь на это право провести законы, облегчающие его положение.[72] Таким образом, капитал в целом оказывается перед возможностью и необходимостью не снижать рабочее время, отведенное на зарплату рабочему. При этом капитал почти ничего не теряет. Как он присваивал 5 часов рабочего времени из 10, так он и присваивает дальше. Рабочий же за своё прежнее пяти часовое время получает больше материальных благ.

Нам могут возразить, что в этом случае проблема давления конкуренции перемещается с внутригосударственного уровня на межгосударственный. Обычно так и происходит. Но множество факторов смягчают и преодолевают проблему и на этом уровне. Хотя бы потому, что этот процесс происходит во всех капиталистических государствах.[73] Кроме

[72] И все эти мероприятия есть меры не социалистического характера, а капиталистического, поскольку они полностью укладываются в рамки порядка стратификации внутри капиталистической формации.

[73] Но эта тенденция имеет ограничения. Это хорошо видно на примере «шведского социализма». В результате прихода к власти социал-демократов в 30-ее гг. XX в. был заключен между работодателями, профсоюзами и социал-демократами «пакт социального согласия», который обеспечил фундаментальное перераспределение общественного богатства. Фактически были созданы так называемые « социальное государство» и общество «всеобщего благосостояния». Однако, уже к началу 90-хх гг. эта система вступила в кризис, поскольку конъюнктура кардинально изменилась. Вступление в ЕС уничтожило жесткие государственные ограничения на отток капитала. А также открыло границы для свободного перемещения рабочей силы, товаров, капиталов и услуг. Этому же способствовал конец «холодной войны». В результате замкнутая шведская система стала распадаться. Начался отток капитала, вывод производства и отъезд состоятельных людей. Валовой внутренний продукт стал резко падать.
К слову сказать, в советской и российской марксистской литературе распространился странный тезис об успешном построении социализма в Швеции. В качестве признаков такового указывают именно на социальное государство. На аргумент, что тип общества определяется не богатством его членов, а характером способа производства такие «марксисты» указывают на то, что распределение есть базисный механизм. Спорить здесь бессмысленно, но как бы вы отнеслись к натуралисту, который причислил бы к одному виду птиц, насекомых, мышей и рыб, на том основании, что у них есть крылья. Распределение – важная, но не единственная

того, потеря в прибылях с лихвой окупается уменьшением социальных рисков.[74]

И, наконец, в-третьих, обнищание пролетариата весьма невыгодно капиталу. Капиталистическое производство есть массовое производство. Если массы нищают, то их платежеспособность падает и капитал страдает. Таким образом, и здесь существует определенный баланс. Вообще, рыночная, капиталистическая экономика – весьма тонкая и сбалансированная система. Она постоянно тяготеет к дисбалансу, но всякий раз этот дисбаланс оказывается преодоленным тем или иным кризисом системы. Необычность этого механизма столь велика, что более или менее адекватное понимание его было достигнуто лишь в XX в.

В) К вопросу о гибели капитализма тесно примыкает проблема монополистического капитализма и империализма как его последней стадии, старательно исследованная Энгельсом и последующими марксистами. Вполне уместно было бы рассмотреть эту тему именно здесь. Но с тем, чтобы избежать повторений мы отнесем её обсуждение к разделу об общественной форме собственности.

$3. Пролетариат и революция.

Пролетариат – восходящий класс, субъект, становящейся, новой экономической формации. Всеобщий кризис капитализма выливается во всемирную пролетарскую революцию, уничтожающую старое общество. Возглавляет пролетариат пролетарская партия, которая соединяет марксистскую идеологию с субъектом прогресса.

Пролетарская революция осуществляется через диктатуру пролетариата, которая подавляет эксплуататорские классы, разрушает старое общество и создает условия для возникновения нового.

Здесь мы сделаем несколько замечаний.

характеристика способа производства. Тем более, что здесь мы имеем дело с вторичными структурами распределения, надстраивающимися над первичной структурой капиталистического присвоения.

[74] Иными словами, социальное распределение является существенной характеристикой развитого капиталистического общества. В самом деле, капитализм с необходимостью тяготеет к демократии. Демократия есть власть большинства. Капиталисты, по определению, являются меньшинством общества, соответственно большинство располагает возможностью влиять на характер капиталистического распределения.

1. Всеобщий кризис капитализма выливается во всемирную пролетарскую революцию, уничтожающую старое общество. Логика Маркса прозрачна. Капитализм – есть хаос. Больше капитализма – больше хаоса. Следовательно, должна быть точка, где вся капиталистическая система достигнет высшего пика хаоса и лопнет. Кроме того, если кризисы – это судороги капитализма, то вполне естественно, что будет последняя всеобщая судорога, убивающая организм. Логика понятная, но слишком умозрительная. Стопятидесятилетнее развитие капитализма не только не соответствует ей, но и демонстрирует, что Маркс неправильно оценил сущность капитализма. Возможно, нас упрекнут в том, что мы не развернули этот тезис более подробно. Но его подробное развертывание потребовало бы написания нескольких томов на эту тему, что не входит в наши планы. Мы можем лишь отослать читателя к реальной истории. Правда, полчища коммунистов с ликованием заявят нам, что реальная история как раз и подтверждает правоту Маркса. Спор здесь бессмысленен, коль наши оппоненты воодушевлены иррациональной верой. Ученому вообще трудно спорить с эсхатологистами. Всякий раз они предсказывают скорый, неминуемый «конец мира», в данном случае капиталистического мира и всякий раз обнаруживают тысячи адхоков, объясняющих, почему этот конец не состоялся. Спорить с эсхатологистами невозможно. Попробуйте поспорить с христианами. Первоначально конец света ожидался еще при жизни учеников Иисуса. Но всякий раз, находились сотни аргументов, объясняющие его задержку. Реально массовым эсхатологическим ожиданиям положил конец 1000 год от Р. Х. Но и поныне периодически возникают секты, возвещающие о скором конце света. Кроме того, эсхатологический тезис является христианским догматом. И если вы попробуете опровергнуть его ссылкой на реальную историю, то тысячи христианских ученых уверенно заявят вам, что как раз реальная история и подтверждает его истинность. Люди эти весьма начитаны, сильны в методологии и диалектики, и ваш спор затянется до бесконечности. Или, скорее всего, он зависнет в самом начале, поскольку в пику вашему списку книг, повествующих о реальной истории, будет представлен другой список книг, повествующий о той же реальной истории с христианской точки зрения.

В итоге нам остается лишь сказать наше слово. Тот, кто может его услышать, пусть услышит. Последнюю же яростную дискуссию с коммунистами мы оставим на потом. Мы готовы в нее вступить, лишь после того, как коммунисты вразумят христиан. По крайней мере, тогда у нас будет надежда на положительный исход подобной дискуссии.

2. Даже если всеобщий кризис капитализма состоится и завершится мировой пролетарской революцией, это вовсе не означает, возникновения в итоге коммунистической формации. Конечно, с точки зрения марксова провиденциализма и прогрессизма всё должно произойти именно так – всё что происходит, происходит не само по себе, а как реализация всемирно-исторической логики развития человечества. Выше мы уже показали, что провиденциализм и прогрессизм являются метафизическими, спекулятивными теориями несовместимыми с позитивной наукой. С позиции этой науки возможны еще два варианта: гибель мирового социального организма и воспроизведение после катастрофы прежних структур. Подобные сюжеты известны истории из прошлого. Впрочем иногда марксисты допускают и эти два варианта. На этот случай у них имеется два адхока.

Первый. Они вздыхают и с грустью говорят о том, что капитал действительно может погубить человечество. Но это признание есть, по сути, манипуляция: хотите выжить – присоединяйтесь к пролетарскому делу.

Второй. Марксисты говорят, что подобное может произойти, если пролетариат окажется недостаточно политически организованным, сознательным и не явит необходимую волю к победе.

Здесь мы сталкиваемся с очень любопытной особенностью марксизма неоднократно отмеченной немарксистскими исследователями. Как научная теория марксизм является объективистской концепцией, ставящей субъективный фактор в тотальную зависимость от социальных макроструктур. Как политическая же теория, марксизм оказывается субъективистской концепцией политаристского типа – ход мировой истории, оказывается, непосредственно зависим, от способности класса осознать свою историческую задачу.

Немарксисты лишь удивляются подобной эклектике. Мы же, как марксисты, пусть и реформированного типа, не можем этому удивляться. Мы возмущены и требуем привидения политических суждений марксизма в соответствие его социальной концепции. Ход мировой истории, не может зависеть, от способности класса осознать свою историческую задачу. Да и само понятие «исторической задачи» абсурдно с точки зрения позитивного, естественноисторического понимания общества. Оно допустимо лишь как образное выражение, но, к сожалению, Маркс и марксисты постоянно забывают об этом.

3. Пролетарская революция.

А) До сих пор, мы не имеем ни одного примера успешной пролетарской революции. Революция 1917 г. в России также таковой не является. Она произошла в стране, где пролетариат был подавляющим меньшинством. И с первого же месяца так называемая пролетарская власть большевиков приступила к подавлению пролетариата: Борьба с Викжелем, разгоны рабочих демонстраций в защиту Учредительного собрания, парализация профсоюзов, уничтожение рабочего контроля на производстве, введение деспотических форм управления производством, расстрелы бастующих и демонстрирующих рабочих, подавление рабочих волнений в Петрограде и ликвидация Кронштадтского мятежа. Лишь предельный миссионизм и виртуозная диалектика позволяет многим политическим интеллектуалам называть всё это истинным воплощением пролетарской власти.

Б) Если бы пролетарская революция всё же осуществилась, то это означало чудовищное кровопролитие. Мы вновь открываем «Манифест коммунистической партии». Маркс пишет:

«Однако в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены следующие меры:

1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.
2. Высокий прогрессивный налог.
3. Отмена права наследования.
4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.

5. Централизация кредита в руках государства, посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.
6. Централизация всего транспорта в руках государства.
7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.
8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.
9. ……..
10. ……..»[75]

Вполне понятно, что подобные меры пролетарской власти вызвали бы взрыв возмущения и яростное сопротивление (например, крестьян). На той же странице Маркс пишет о том, что пролетариат в качестве господствующего класса должен силой упразднить старые производственные отношения. Это означает ожесточенную гражданскую войну между пролетариатом и непролетарскими классами. Ситуация становится еще более пугающей если мы вспомним, что в XIX в. пролетариат в структуре населения составлял от 20 до 50% в зависимости от степени развитости страны. Подобная гражданская война означала бы подавление пролетарским меньшинством, непролетарского большинства. Более того, в этой ситуации сам пролетариат оказался бы расколот. Учреждение промышленных и земледельческих армий означало бы для него еще худшее рабство, чем капиталистическое. Кроме того, сам Маркс пишет, что эти мероприятия «*экономически кажутся недостаточными и несостоятельными*, (курсив наш) но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всём способе производства»[76] Что имеет в виду Маркс, говоря о необходимых, но экономически недостаточных и несостоятельных мерах? Теперь мы знаем об этом на опыте тех стран, в которых эти меры были проведены. Речь идет о чудовищном экономическом хаосе, разрухе, упадке производства, стремительном падении жизненного уровня, одичании и

[75] К. Маркс, Ф. Энгельс Избранные произведения в двух томах. М., 1955. Т. 1, С. 27-28
[76] Там же, С. 27

ожесточении населения. Неизбежно, что пролетариат в своей части или в целом откажется в такой ситуации следовать за своими вождями.

Таким образом, пролетарская революция как революция большинства против меньшинства на деле оказывается кровавым подавлением политическим меньшинством большинства. В этой ситуации кровавой, яростной и длительной борьбы на первый план неизбежно выступят государственные органы подавления, которые в какой-то момент станут представлять лишь самих себя, и будут шагом к будущей бюрократической диктатуре. Всё так и произошло в многочисленных «пролетарских» революциях XX в. Мог ли Маркс предвидеть это? Мог. Перед его глазами был пример якобинской диктатуры времен Великой Французской революции. Провозглашая идеалы социального равенства, свободы, братства, эта диктатура за год выродилась в диктатуру пары конвентских комитетов и их комиссаров, так что соратники Робеспьера замирали от ужаса на заседаниях Конвента, гадая о том, кого ныне объявят «врагом народа».

Лишь одурманенное абстрактными идеалами сознание не может видеть всей дикости и извращенности подобной ситуации. Лишь такое сознание может успокаивать совесть, записывая все эти факты в несущественные, прискорбные «эксцессы».

В каждом коммунисте сидит мученик и будущий кровавый тиран. Если коммунисту не удается стать мучеником, то он превращается в деспота.

4. Поскольку пролетарская революция на деле оказывается кровавым подавлением политическим меньшинством большинства, постольку остро встает проблема демократии при движении к социализму.

Многие коммунисты признают пагубность для дела социализма массовых репрессий, осуществлявшихся коммунистическими режимами. При этом они рассматривают эти репрессии как привходящий момент, не вытекающий с закономерностью из сущности пролетарской революции. Эти репрессии они объясняют ситуативным отсутствием демократии. Этот аргумент не представляется нам адекватным.

Во-первых, как мы показали выше, пролетарская революция означает, мягко говоря, весьма болезненный перелом в положении и образе жизни большинства населения. Соответственно, сохранение демократии во время

революции есть прямой путь к её гибели. Не случайно Маркс говорил именно о диктатуре пролетариата. Но всякая диктатура довольно скоро вырождается в тиранию бюрократических институтов, представляющих лишь самих себя. Действие этого закона мы наблюдаем во всех радикальных революциях Новейшего времени. Видеть здесь лишь цепь трагических случайностей означает полный отказ от духа марксистской парадигмы.

Во-вторых, коммунисты не рассматривают пролетарскую диктатуру как диктатуру в традиционном смысле слова. Они говорят, что пролетарская диктатура направлена против непролетарских классов. По отношению же к пролетариату она оказывается высшей формой демократии.

Эти умозрительные рассуждения можно опровергнуть различными способами. Мы же отметим лишь один. Диктатура пролетариата с необходимостью предполагает запрещение всех буржуазных партий на том основании, что эти партии, захватив власть демократическим путем, уже никогда её не отдадут. Но при этом сохранение партий трудящихся рассматривается как гарантия от вырождения диктатуры в тиранию. Но если это так, то власть, которую якобы должны контролировать партии трудящихся, довольно скоро ликвидирует этот контроль. Эта власть при необходимости и по желанию может объявить буржуазной и реакционной любую партию не подконтрольную ей и выражающую не согласие с её действиями. Таким образом, запрет буржуазных партий автоматически означает запрет любой партии, осмеливающейся противостоять институтам «пролетарской» диктатуры. И этот эффект мы также можем наблюдать на примере десятков революций.

$4. Коммунизм.

На обломках капиталистического общества возникает коммунизм, базирующийся на общественной форме собственности, исчезновении государства и классов, преодолевающий разделение труда, тотально освобождающий человечество. Коммунизм означает «конец предыстории», завершение социального становления человечества, наиболее полное и гармоничное развитие производительных сил и творческих способностей человека, бесконфликтное общество,

построенное на началах социальной справедливости, господство разума и преодоление предрассудков и так далее.

Непосредственно о коммунизме мы пока говорить не будем. Многострадальному человечеству и нашему перу еще надо добраться до него, и путь этот не близок и чреват ловушками. Для начала рассмотрим первую стадию коммунизма – социализм.

1. Черты этого общества уже отчетливо вырисовывались перед глазами престарелого Ф. Энгельса и современных ему марксистов. Речь идет о так называемом монополистическом капитализме.

Энгельс и другие полагали, что монополистический капитализм является последней стадией капитализма, стадией на которой «…сами производительные силы с возрастающей мощью стремятся к уничтожению этого противоречия, к освобождению себя от всего того, что свойственно им в качестве капитала, к *фактическому признанию их характера как общественных производительных сил*»[77]. В итоге этот процесс, по мнению Энгельса, должен привести к тотальной концентрации производства в руках государства. «Так или иначе, с трестами или без трестов, в конце концов, государство, как официальный представитель капиталистического общества, вынуждено взять на себя руководство производством….Современное государство, какова бы не была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Но на высшей точке происходит переворот. Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальные средства, возможность его разрешения.

Это разрешение может состоять лишь в том, что общественная природа современных производительных сил будет признана на деле и что,

[77] К. Маркс, Ф. Энгельс Избранные произведения в двух томах. М., 1955. Т. 2, С. 136-137

следовательно, способ производства, присвоения и обмена будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства. А это может произойти только таким путем, что общество открыто и не прибегая ни к каким окольным путям возьмет в свое владение производительные силы, переросшие всякий другой способ управления ими, кроме общественного…

Заставляя всё более и более обращать государственную собственность, крупные обобществленные средства производства, капитализм сам указывает путь к совершению этого переворота. *Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства, прежде всего в государственную собственность*»[78]

Эти строки стали хрестоматийным местом в марксизме. Чуть позже Ленин фактически повторил их в своей работе «Империализм как высшая стадия капитализма». Повторил с дидактическим апломбом, удивляясь тому, что всё еще существуют люди, которые не понимают этих азбучных истин.

Подобная эйфория и апломб прекрасно иллюстрируют, как плохо марксисты понимают социальную теорию Маркса, сколь беспомощны они в её применении. Фактически, Энгельс демонстрирует явное разложение политической доктрины марксизма – факты вопиют, а он всё ещё твердит о скорой пролетарской революции.

В самом деле, последуем за фактами и некоторыми достаточно резонными суждениями Энгельса. Развитие производительных сил приводит к концентрации производства. Возникают всё более крупные хозяйственные структуры, вытесняющие старого доброго буржуа-единоличника. Эти структуры являются фактически коллективным субъектом капиталистического производства и присвоения. Временами, тенденция отчетливо клонится в направление огосударствления всего производства. Буржуазия оказывается во многом вытесненной классом бюрократов-менеджеров. «Если кризисы показали неспособность буржуазии к дальнейшему управлению современными производительными силами, то переход крупных производственных предприятий и средств сообщения в руки акционерных компаний, трестов и государства доказывает

[78] Там же. С. 138 - 140

ненужность буржуазии для этой цели. Все общественные функции капиталиста выполняются теперь наемными служащими. Для самих капиталистов не осталось другой общественной деятельности, кроме загребания доходов, стрижки купонов и игры на бирже, где различные капиталисты отнимают друг у друга капиталы. Капиталистический способ производства, вытеснявший сперва рабочих, вытесняет теперь и самих капиталистов, правда, пока еще не в промышленную резервную армию, а только в разряд излишнего населения»[79]

Если Энгельс прав (а он прав лишь отчасти: подобная тенденция есть, но она пока еще не привела и возможно не приведет к полному огосударствлению производства) то, что можно сказать по этому поводу? Естественно, сказать с точки зрения трезвого марксистского взгляда, не затуманенного милыми сердцу ожиданиями. Если развитие производства ведет к огосударствлению производства и упразднению общественной функции буржуазии по организации производства, которая переходит в руки менеджеров-бюрократов, то однозначно можно говорить об эволюционной смене формаций. Но эта смена не капитализма социализмом – последний у Энгельса просто появляется как Бог из машины – а смена капитализма политаризмом (индустрополитаризмом), то есть, общественно-экономической формацией, где государство является доминирующим или господствующим субъектом на социальном поле, и где пролетариат является эксплуатируемым классом, а бюрократия – новым господствующим эксплуататорским классом. Образно говоря, Энгельс похож на доброго дядюшку, который, видя, как невеста его племянника обвенчалась с другим, теперь с энтузиазмом объявляет племяннику: «Вот видишь, всё происходит так, как я и предсказывал. Наконец, сложились наиболее удачные условия для того, чтобы ты мог предложить ей руку и сердце. Ваше счастье гарантировано!».

Удивительно, как Энгельс не замечает выступающего на мировую арену «нового класса», как сказал бы Джилас, - класса бюрократии. Именно этот вывод следует из всего рассуждения Энгельса. Но он, почему-то не замечает его, рассматривая бюрократию лишь как скромного стряпчего,

[79] Там же. С. 138

услужливо передающего власть и собственность из рук буржуазии в руки пролетариата.

Удивляет и то, что Энгельс странным образом не замечает, что из его рассуждения следуют два неприятных для него вывода.

Во-первых. Если «обобществление» производства уже «осуществилось» и производство управляется бюрократией, то переход государственной власти в руки пролетариата совершенно излишен. В конце концов, производству без разницы эффективно управляет им бюрократическое государство или пролетарское государство. Это важно для марксистов. Неужели они думают, что реальность будет услужливо соответствовать их фантазиям? Неужели они думают, что машины, и формы обмена восстанут против планового управления экономикой бюрократическим государством, и будут требовать планирования от лица пролетарской власти?!

Во-вторых. Ситуация монополистического капитализма и государства, как совокупного капиталиста, описанная Энгельсом ставит окончательный крест на тезисе об общественной форме собственности как фундаменте социализма.

Как это можно видеть из многочисленных текстов Маркса и Энгельса общественная форма собственности – это первоначально государственная форма собственности. Причем это не просто государственная форма собственности, здесь собственность принадлежит именно пролетарскому государству. Эта оговорка необходима, поскольку основоположники никак не могли записать огосударствление средств производства эксплуататорским государством в разряд социалистических мероприятий. Энгельс специально подчеркивает: «Современное государство, какова бы не была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки».

Но это обстоятельство фундаментально обесценивает всю политическую доктрину марксизма.

В самом деле, Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали, что базис определяет надстройку, но не наоборот. Они неоднократно отмечали, что народные движения прошлого не могли увенчаться успехом, поскольку тип общества обуславливался не желаниями крестьян или рабов, ни их религиозными идеалами, а неизбежным характером способа производства. Они бесконечно много издевались над утопистами, думающими, что приход к власти социалистической партии автоматически меняет характер общества. Нет, полагали они, характер общества будет изменен вместе с изменением способа производства.

И что же?! В их рассуждениях мы обнаруживаем: огосударственное производство – это высший пик капитализма, поскольку у власти находятся капиталисты, которые используют её против пролетариата; огосударственное производство – это начало и основа социализма, поскольку у власти находится пролетариат, который использует её на благо всего общества. То есть, характер надстройки обуславливает характер базиса. Два совершенно идентичных базиса лежат в основе двух антагонистических обществ, только потому, что у них разная надстройка. Таким образом, мы обнаруживаем, что в социальной теории марксизм говорит одно, а в политической теории – прямо противоположное. Возникает выбор – чему следовать? Марксизм – достаточно популярная политическая доктрина и множество марксистов видят в нем, прежде всего, некий политический завет, выдающий им индульгенцию для радикального действия и твердо обещающий им, что это действие будет воспето благодарными, восхищенными, осчастливленными потомками. Научно-теоретическая часть их мало беспокоит. Нет, конечно, они не против прослыть, по установившейся марксистской моде (стиль жизни учителя – канон для учеников), видными теоретиками. Но, не очень понимая сущность теории, они удовлетворяются тем, что она обещает им твердое научное обоснование и априори дисквалифицирует их немарксистских оппонентов. Естественно, что подобные люди без всяких колебаний примут сторону политической доктрины марксизма и

правильно сделают. В науке от них было бы мало толку – один шум и вздорная суета.

Мы же, в силу своей личной склонности интересуемся истиной. Естественно, что мы принимаем сторону научной теории Маркса и констатируем немарксистский характер его политической доктрины.

Если же мы попытаемся побороться за согласованность доктрин и отбросим тезис о пролетарской власти как гарантии формационной идентичности социализма, то и тогда не выходит хорошо. Вдребезги разбивается другой тезис политической доктрины – тезис о том, что социализм сменяет капитализм. Если Энгельс прав и в какой-то момент можно будет говорить о государстве как совокупном капиталисте, эксплуатирующем пролетариат, то по характеру способа производства мы сможем констатировать, что из капиталистической формации выросла новая эксплуататорская формация – индустрополитаризм.

Таков удел политической доктрины, мнящей, что ей удалось обосновать исторически обусловленные ценностные ожидания объективной строгой наукой.

2. Проблемы возникают и с общественной формой собственности, которая якобы является фундаментом социализма. Маркс и Энгельс однозначно заявляют, что здесь речь идет о собственности социалистического государства. Возможно, здесь некие буквоеды уличат нас в незнании буквы марксизма. Не получится. Эта буква просто вживлена в нас как имплантант за время нашего советского детства и юности. Мы отлично помним, что классики говорили о постепенном отмирании государства и классов, которое начнется еще на стадии социализма. Но даже, если государство отомрет, то отомрет его военная и репрессивная функции. Функция внутреннего регулирования системы сохранится, поскольку по-прежнему будут существовать специализированные структуры, управляющие общественным производством. Так что, в нашем рассуждении мы можем пренебречь тезисом об отмирании государства и говорить далее о государстве в условном смысле слова.[80]

[80] Тезис об отмирании военной и репрессивной функций государства при социализме неверен, как мы видим в социалистических государствах XX в. эти функции получили сверхразвитие. И капиталистическое окружение здесь не причем. Две фактически идентичных по своей структуре

Итак, марксистский проект состоит в том, что пролетариат берет власть в свои руки и подчиняет производство центральному планированию социалистического государства. По мнению Маркса, эта мера является необходимым условием для создания неэксплуататорского общества.

Подобные суждения с точки зрения социальной теории марксизма абсурдны и неадекватны. В самом деле, при государственной форме собственности производство управляется специальными органами планирования. Звучит не плохо, пока мы не зададимся вопросом, а что представляют собой эти органы? Здесь мы вновь сталкиваемся с универсалистским духом марксизма. Вроде бы научная теория. Но постоянно оперирует какими-то универсалиями. То, мы читаем о какой-то Необходимости, которая повелевает, требует, ставит задачи, оправдывает и т.д. – эдакий медный Молох. То на сцене появляется величественная женщина – История, которая также управляет человечеством. То в этот хор вступают производительные силы и производственные отношения, которые непрерывно движутся и заставляют людей совершать разные ужасные вещи. Например, морить голодом и изнурительной работой рабов. И вот теперь мы сталкиваемся с поистине ужасающей универсалией – на сцене появляются органы, видимо это огромное ухо, животрепещущий ум и заботливая рука, да, пожалуй, еще и язык Демосфена. Они управляют социалистическим производством на благо общества.[81]

социалистические державы КНР и СССР жестко схлестнулись между собой в империалистической схватке. Между СРВ и КНР дело дошло до войны. Рассуждать о том, какая из этих стран является лжекоммунистической мы предоставим профанам и адептам. Причем мы полагаем, что эти страны были подлинно социалистическими, поскольку были сконструированы по образцам марксизма, и политарными, поскольку эти образцы ведут именно к политаризму. Именно это мы и продемонстрируем ниже.

[81] Л. Витгенштейн был во многом прав, когда говорил, что многие теоретические проблемы либо решаются, либо оказываются пустыми, если их правильно переформулировать. Но справедливо также и обратное – многие проблемы получают видимость решения, если применить к ним «хорошую» формулировку. Совсем не случайно, что в марксистской школе установился определенный стиль языка, который содержит в себе не только понятия, но и определенные конфигурации выражений. Марксист никогда не скажет: «В этот момент в обществе N сложилась благоприятная ситуация для дальнейшего развития производительных сил и это развитие повлекло за собой возникновение производственных отношений нового типа», он скорее заявит: «Возникла необходимость в производственных отношениях нового, более высокого типа, которые обеспечили бы дальнейший прогресс производительных сил». Подобные клише позволяет марксисту плавно обтекать и не замечать реальные проблемы. Достаточно заявить, что некая **Необходимость потребовала** дальнейшего **прогресса** и можно уже не вникать в реальный естественноисторический ход событий, теперь уже можно не

Если же отбросить сарказм и марксистские универсалии, то мы обнаружим, что органы централизованного планирования, это фундаментальные социальные структуры, представленные определенной группой специалистов. И эти люди, фактически, являются господами производства, хотя бы потому, что непосредственно именно они отдают приказы. Кроме того, производство – это не какая-то универсалия. Производство – это комплекс, состоящий из множества хозяйственных единиц. И в каждой этой единице есть директор, который исполняет приказы центральных органов планирования и организует производство.[82]

В целом же, весь этот класс специалистов мы можем обозначить как класс менеджеров или бюрократию. Причем, эта бюрократия господствует на производстве. Она выполняет функцию издавна присущую всем эксплуататорским классам – функцию организации производства. Если вспомнить социальную теорию марксизма, и в частности её фундаментальную идею: тот, кто господствует на производстве, тот оказывается хозяином общества, то мы поймем, что в обществе, где все средства производства принадлежат социалистическому государству, господствующим эксплуататорским классом будет бюрократия.[83]

Это не так – заявляют нам марксисты. Властвовать бюрократии не позволит статья Конституции и управляющая пролетарская партия. Хорош оборот! Начинаем с первичности для общества экономических отношений, а заканчиваем первичностью для общества политической партии и законодательства.

Общество, базирующееся на государственной форме собственности, по определению будет политарным. Действие этого закона – одна из причин политического и личного банкротства Ленина в его последние годы

задумываться насколько тот или иной универсалистский закон реально соответствует **повседневности**, изучаемого общества.
Древность практиковала персонификацию природных и социальных сил. Забавнейшим образом научная теория XIX-XX вв. – марксизм являет подобные пережитки древнего сознания.

[82] Рабочее управление по определению менее эффективно, чем дирекция. Тысяча неспециалистов не сможет также эффективно управлять производством, как несколько спецов. Кроме того, рабочие должны тратить свое время на работу, а не на заседания.

[83] Если почитать тексты и газеты 20-хх гг., то мы обнаружим, что советские коммунисты пребывают в ужасе от засилья бюрократии. Они бьют в набат: бюрократия оттеснила от власти не только пролетариат, но и партию; авангард перерождается! Причину этого они видят в отсталости России и отдельных недочетах. Это видение демонстрирует, насколько плохо большевики понимали социальную теорию Маркса.

жизни. Он победил, он совершил невозможное – социалистическую революцию, но вместо пролетарского государства, он видит господство бюрократии. Усомниться в доктрине он не может, признаться в поражении немыслимо. И Ленин начинает говорить, что если удастся обнаружить сто сознательных рабочих и сто сознательных крестьян, тогда можно создать рабочее-крестьяскую инспекцию, которая выправит положение. И это говорит марксист! Теперь гарантией формационной идентичности общества выступает уже не партия, а пара сотен сознательных трудящихся.

Таким образом, мы видим, что тезис об общественной форме собственности как собственности социалистического государства является ложным. Подобная форма собственности с необходимостью превращается в политарную форму собственности.

Кроме того, индустриальное общество, базирующееся на государственной собственности и централизованном управлении этой собственностью, с неизбежностью отрицает рынок. В итоге подобное общество оказывается глубоко неэффективным. Его первоначальная цель – эффективное управление производительными силами и их всемерное развитие оборачивается фантастической расточительностью и стагнацией. Десятки социалистических стран XX в. с очевидностью продемонстрировали это. Некоторые современные марксисты носятся с идеей «мягкого», прежде всего, ценового регулирования экономики. Это старая идея и возникла она в 60-70 гг. в советской академической среде как отчаянная попытка вырваться из ловушки, в которую загнало центральное планирование советское общество. При всей любопытности этой идеи, она всё еще не до конца разработана. И перспективы этой разработки весьма сомнительны. Конечно, некоторый марксисты-утописты могут предаться любимой и старой затее – духовидению о том, как в будущем новейшие научные разработки «отменят» рынок, но мы как ученые предпочитаем рассуждать о том, что «есть», а не о том, что может или должно «быть». Впрочем, одно мечтание у нас есть: время от времени нам грезится светлое будущее, когда наши оппоненты будут приходить в академические аудитории с позитивными тезисами, оставляя для домашних чаепитий свои духовидческие мечты.

Итак, рынок оказывается куда более эффективной экономической системой, чем центральное планирование. Этот тезис верен, но недостаточен. Необходимо помнить об обратной стороне этого тезиса. Рынок означает такую экономическую решетку, которая состоит из множества центров экономического интереса.

Субъектом этого интереса является частный собственник. Последний есть ревнивый хозяин, преследующий максимальную эффективность своего производства. Нерадивость, глупость или ошибка могут привести его к личному, социальному и экономическому краху. И в этом он разительно отличается от бюрократа. Все общественно-экономические формации, которые мы наблюдали в истории, держались на определенном **субъекте экономического интереса**.

Социалистическое общество по определению мертво и нежизнеспособно, поскольку его форма не предполагает наличия субъекта экономического интереса. Правоверный марксист естественно с нами не согласится. Он заявит, что при социализме субъектом экономического интереса является всё общество в целом. Еще одна реальная категория, превращенная в универсалию.

В социалистической теории может быть всё и выходит гладко. Ну как же, каждый рабочий должен понимать, что как член общества он является хозяином производства и работает на себя – произведенное богатство уходит на верх и оттуда распределяется планирующими органами на всеобщее и, в частности, его личное благо.

Но, к сожалению, а может быть и к счастью, практика реальных социалистических стран сокрушительно опровергает подобные кабинетные умозрения. Как всегда, для реализации чудного и блестящего прожекта не хватает самой малости – сознательности членов общества. Этот прожект обанкротился как на самом общем, так и на самом низшем уровне. Большевики никак не могли взять в толк: не большой колхоз, сотня человек. И каждый из них норовит побездельничать; неужели они не могут понять, что они работают на себя? К началу 80-хх гг. отсутствие экономического интереса привело к тотальному разложению советских экономических структур, а также к одичанию в области быта. Набивший

оскомину рефрен позднего СССР – «экономика должна быть экономной», больше сознательности, товарищи.

Экономическая эффективность любой формации поддерживается её формой собственности. Фундаментом экономической эффективности социалистического производства *марксистское* государство СССР считало уровень сознательности собственных граждан. Что еще здесь можно сказать?!

Отсутствие субъекта экономического интереса при социализме – проблема столь фундаментального характера, что она окончательно и бесповоротно перечеркивает социалистический проект. Капиталистические государства по определению будут подавляюще экономически эффективны, социалистические же государства по определению – неэффективными и стагнирующими. Их минутный всплеск энтузиазма и энергии неизбежно будет сменяться застоем.

Мог ли Маркс предвидеть и осознать этот факт? Вроде бы не мог. Человеку эксплуататорского общества, общества, где способность трудиться стала полезной привычкой, трудно представить, что «освобожденная» уборщица будет дерзить директору и не сильно утруждать себя работой. Но реабилитировать Маркса не удается. Он был ученым, начитанным человеком. Дай Бог каждому ученому прочесть столько книг, сколько прочел их Маркс. И он занимался коммунистическим прожектированием. Неужели он не удосужился почитать о попытках коллективного хозяйствования в прошлом?

«Неэффективность общей собственности усугубляется поведением людей, уклоняющихся от участия в общем труде, но требующих себе доли в его плодах, что рано или поздно приводит к краху пораженного этим недугом предприятия. Такое происходило в Северной Америке в семнадцатом веке, когда потерпели неудачу попытки совместной обработки земли и вместо этого за пределами плантаций, применявших рабский труд, повсюду утвердились самостоятельные фермерские хозяйства.

Впечатляющей иллюстрацией такого развития событий служит история возведенного Виргинской компанией Джеймстауна, первого постоянного поселения британцев в Северной Америке. Сначала компания приняла установку коммунистического толка, решив, что каждый член общины

будет делать посильный вклад в запасы на общем складе и получать из него, что ему требуется. Когда эта политика привела колонию на грань голодной смерти, Виргинская компания оставила её и наделила каждого члена общины участком в три акра, что бы он мог кормить себя и семью. Результатом оказался десятикратный рост производительности. Говоря словами современника, «прежде, когда наши люди получали пропитание с общего склада и совместно работали, унавоживая почву и высеивая кукурузу, счастлив был тот, кому удавалось увернуться от работы, и даже не так: самый среди них честный в общем деле и за неделю не приложил бы столько искренних стараний, сколько теперь прилагает в течение дня, а равно, не было у них и заботы поднимать урожай, потому как считали, что вырастит он или нет, общий склад всё равно должен поддерживать их, так что труд 30 человек давал нам кукурузы меньше, чем (потом) добывали себе собственным трудом три человека…..»[84].

Скорее всего, Маркс читал о подобных вещах, но всё та же ценностная зачарованность не позволила ему сделать вывод из прочитанного. Гений ошибся. В этом отношении крайне изумляют те коммунисты, которые ныне говорят о том, что в СССР был неправильный социализм. На вопрос же, какой социализм правильный, они указывают на новейшие разработки коммунистических теоретиков. Чаще всего, речь идет об их собственных книгах.

Доколе! Маркс ошибся, ошиблись его ученики, и общество расплатилось расточенным богатством, гибелью людей, экономической и культурной деградацией. И вот появляются новые марксисты, которые безответственно предлагают повторить эксперимент по новым улучшенным образцам!

Здесь дискутировать можно бесконечно, поскольку политический самообман подобных людей граничит с твердостью брони. Но если рассуждать с точки зрения обывателя, по-житейски, а ведь и эти теоретики в частной жизни являют неплохую практическую смекалку, то можно привести следующий образ.

[84] Р. Пайпс Собственность и свобода. М., 2001. С. 123-124

Живем в большом доме, живем неплохо, но много серьезных проблем, вдруг появляется специалист по домоводству. Он утверждает, что учился у самого великого Маркса, обещает решение всех проблем и необыкновенное благо. Впустили, доверились. Оказался убийцей, насильником, и грабителем. В доме хаос и трагедия. И по всей деревне в других домах, куда явились подобные же специалисты творится тоже самое. Еле выгнали, живем скудно и трудно, но спокойно. Как вдруг новый стук в дверь, новый специалист, говорит, что учился у самого великого Маркса. «Позвольте, – восклицаем мы – был уже один!» И получаем ответ: «Тот – человек неплохой и с добрыми намерениями, но глуповат и недоучился. А что, говорите, насильничал и грабил, так быть того не может, уж больно человек хороший. Ну, может быть пара эксцессов…..так то не в счёт. Я же, действительно, хорошо учился у Маркса, да и сам много новых штук придумал, так что скоро вам всё поправлю».

Если бы наши горе-теоретики, предлагающие новые коммунистические эксперименты, в своей частной жизни попали бы в подобную ситуацию, то вряд ли их провели бы во второй раз. Так почему же являя в частной жизни благонамеренность и ответственность поступков, в области социального теоретизирования и инженерии они ведут себя столь безответственно?!

Проблему отсутствия субъекта экономического интереса при социализме коммунисты пытаются решить технократическими методами. По поводу вышеприведенного сюжета они могли бы сказать, что дело бы пошло радикально лучше, если бы был организован **учет** и **контроль** за мерой работы и мерой потребления каждого работника. Помнится, именно эта идея так вдохновляла Ильича в его социалистическом строительстве.

Странно, что коммунисты не понимают – проблема не решается таким образом, она лишь переносится на уровень выше. Тот, кто будет учитывать и контролировать, то есть бюрократ так же не является субъектом экономического интереса. И посему будет скорее заботиться о «блестящей» отчетности перед вышестоящими органами, нежели о

реальном выполнении своей задачи.[85] В итоге, появится новый контролер, который должен будет контролировать первого контролера и так до бесконечности. Здесь действует старый принцип: кто будет контролировать контролера? К концу семидесятилетней истории СССР этот процесс зашел так далеко, что Политбюро вынуждено было подключать к хозяйственному контролю тайную политическую полицию (КГБ) – единственную структуру, которая на тот момент не была до конца коррумпирована. Но очевидно, что раз втянувшись в эту сферу, и КГБ достаточно стремительно разложился бы.

Предоставленная сама себе бюрократия по определению неэффективна. Если же нам в качестве контраргумента укажут на аграрные политарные общества, где бюрократия являлась господствующим классом, и подобные общества неплохо существовали тысячелетия, то мы заметим, что здесь был субъект экономического интереса – непосредственный производитель продукта. Бюрократия же лишь эксплуатировала его. В те же моменты, когда бюрократия окончательно экспроприировала непосредственных производителей, например, создавая из них трудовые отряды, то подобные эксперименты очень скоро заканчивались социальной катастрофой.

3. Учитывая все выше описанные проблемы, некоторые коммунисты приходят к выводу, что государственная форма собственности при социализме – это ошибка. В качестве альтернативы они видят социалистическое общество, которое базируется на кооперативах.

Но и этот ход не выдерживает критики теорией и практикой.

А) Кооперативы действуют в рамках центрального планирования. Рынок отсутствует либо же слабо представлен. Подобная форма с неизбежностью эволюционирует к государственному социализму со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В самом деле, каким образом центральные органы планирования смогут подчинить своей воли отдельные кооперативы? Только в том случае, если у них будет право и средство для подобного администрирования. В результате кооперативная собственность превращается в фикцию, как это и произошло в СССР с колхозами.

[85] «Очковтирательство» повсеместно распространенное в СССР явление.

Б) Кооперативы действуют в рамках рынка. Эта ситуация ведет к эволюции в сторону капитализма.

В самом деле. Рынок, как известно, подвержен цикличности хозяйственной конъюнктуры. Спрос либо растет, либо падает.

Спрос растет. Что делает в этом случае капиталист? Он расширяет производство, нанимая дополнительных рабочих. Но что будет делать в этом случае кооператив? Неужели тоже нанимать рабочих?! В этом случае владельцы кооператива – старый коллектив рабочих, превращается в коллективного капиталиста, присваивающего труд наемных рабочих. Мы приходим к капитализму.

Конечно, можно пофантазировать, что будут приняты законы, обязывающие старых собственников наделять вновь нанимаемых рабочих равным правом собственности. Но в этом случае, надстройка оказывается вновь гарантом и условием определенного характера базиса. Но марксизм справедливо утверждает, что базис определяет надстройку, а не наоборот.

Хорошо, допустим, новые рабочие стали равноправными собственниками. Но теперь …..

Спрос падает. Что делает капиталист в этом случае? Он сокращает производство, увольняет лишних рабочих, а иной раз и просто перекидывает капитал в другую отрасль. Что делать в этом случае кооперативу? Как вы видите ситуацию, когда на собрании кооператива, обсуждается вопрос об упразднении части собственников – увольнении лишних рабочих?!

И последнее. **Разорение**. При рыночной экономики некоторые предприятия разоряются. Это неизбежно. Это одно из условий эффективного использования производительных сил. Следовательно, будут разоряться и некоторые кооперативы. И в этом случае бывшие кооперативные собственники должны отправляться в специальные гетто, чтобы своим присутствием в обществе не смущать социалистической идиллии, либо же пополнять резервную армию промышленного труда, то есть становится пролетариями.

Если же будет измышлен хитроумный способ кооптирования разорившихся кооперативных собственников в другие кооперативы, причем на равных основаниях, то мы получаем ситуацию упразднения

субъекта экономического интереса. Некоторые кооперативные собственники вместо тяжелого труда будут практиковать роскошный образ жизни с полной уверенностью, что в тот момент, когда они прокутят свой кооперативный капитал, они гарантированно получат доступ к новому кооперативному капиталу.

Таким образом, мы видим, что в ныне обозримой исторической перспективе общественная форма собственности, будь она, что государственной, что кооперативной, таковой не является. И что ещё хуже, она в обеих своих формах не лучше капиталистической, и фундаментально проигрывает ей по эффективности. А как мы помним, одним из главных аргументов в пользу перехода к социализму был аргумент о том, что социалистические производственные отношения более эффективны и способствуют невиданному расцвету производительных сил.

Четвертое. Несколько слов о коммунизме.

Мы посвятили такое множество страниц ожесточенной критики основоположников, что пришло время их и похвалить, если они, конечно, нуждаются в наших похвалах.

Маркс и Энгельс сформулировали абсолютно истинное положение: подлинный коммунизм возможен лишь на основе уничтожения общественного разделения труда. С этим действительно не поспоришь. Но, к сожалению, это положение, при всей его абсолютной истинности эвристически и практически бесполезно. С таким же успехом, можно было заявить, что устранение индивидов и историческая эволюция к единому субъекту-человечеству является непременным условием уничтожения антагонистического классового общества. Или можно было бы грезить о преодолении индивидуальной формы потребления. Это тоже было бы средством достижения справедливого общества.

Однажды, одна знакомая К. Маркса спросила его: «Карл, а кто же будет чистить при коммунизме выгребные ямы? Я не представляю тебя, занимающимся этим делом!» Маркс отшутился: «К счастью, я не доживу до этого времени, возможно, они что-нибудь придумают».

Этот диалог показывает, что Маркс мыслил коммунизм скорее в понятиях руссоистского идеального общества, нежели в понятиях современного индустриального, или постиндустриального общества.

Современное общество – это общество высокоспециализированных профессий. И почти, наверное, технический прогресс будет требовать от будущего общества еще более высокой специализации труда. Просто немыслимо представить, как физик-ядерщик сегодня ставит эксперимент и пишет формулы, завтра отпускает товары в магазине, а после завтра в качестве капитана отправляется в Америку или в космос. Вернувшись же, делает операцию в качестве хирурга или как психотерапевт лечит душевнобольного. Это просто невозможно! А если это и произойдет, то общество, практикующее подобные вещи в качестве всеобщего закона, мгновенно впадет в хаос и деградацию в тысячу раз большие, чем те, в которых обвиняют капитализм.

Краткий очерк всемирной истории.

Разбор концепции материалистического понимания истории мы хотели бы заключить двумя очерками. Во-первых, весьма разумно обрисовать то, как выглядит всемирная история с позиции реформированного марксизма. Во-вторых, поскольку авторы живут в России, поскольку их книга предназначается, прежде всего, русскоязычному читателю, и поскольку события российской истории в XX в. приобрели всемирно-историческое значение, постольку мы считаем возможным, дополнить очерк всемирной истории специальным рассмотрением истории России.

Прежде всего, мы должны еще раз подчеркнуть, что рассматриваем эволюцию человечества как естественноисторический процесс. В этом отношении, мы считаем неуместным, говорить о какой-либо исторической необходимости, прогрессе, логики и смысле истории. Все эти концепции являются пережитком донаучной метафизической формы мышления. Если какой-либо ученый желает говорить об историческом «провидении», то он должен строго обосновать подобные заявления, однозначно указав на материального носителя, реальный механизм и культурную программу, посредством которых, эта внутренняя сущность себя реализует. В

противном случае, все подобные рассуждения о некой всемирно-исторической логике социального прогресса, неумолимо прокладывающей свой путь среди исторически ограниченного сознания и контекста, являются контрабандным товаром на таможне научного разума, товаром, который при обнаружении должен тотчас изыматься и арестовываться.

Мы склонны видеть историю эволюции человечества в свете и логике эволюции живых организмов. Иными словами, социально-исторические организмы всегда реализуют основные константы своего бытия в поле определенной природной и социальной среды. Итогом такой реализации становится определенный тип общества, который может сменяться другим типом общества, если основные социальные константы эволюционировали или изменилась среда.

Способом подобной эволюции являются социальные мутации. Социальная мутация – это случайное, но не произвольное изменение сущности определенной социальной структуры или программы. Она может остаться периферийным явлением, а может быть воспринята обществом как некоторая парадигма, позволяющая успешно ответить на Вызовы бытия.

Таким образом, говорить о какой-либо заданной направленности человеческой истории невозможно. Перед взором социального теоретика открывается планета Земля, покрытая множеством социально-исторических организмов. И жизнь этих организмов являет множество социальных форм, формирующихся сообразно сущности человека, человеческого общества, преломленной посредством особенностей среды. Время от времени случается серия радикальных социальных мутаций, которая выводит тот или иной социально-исторический организм на новый уровень сложности. Но также как и по отношению к живой природе мы не можем мыслить это «возрастание» телеологически (посредством целевой причины).

В этой эволюции мы можем ретроспективно обнаружить различные стадии: стадия присваивающего хозяйства и стадия производящего хозяйства. Последняя распадается на две подстадии: аграрное производящее хозяйство и индустриальное производящее хозяйство. На этом временном уровне человеческой истории мы обнаруживаем целое множество различных типов общества (общественно-экономических

формаций), базирующихся на соответствующих способах производства. Причем мы вновь должны напомнить, что формации не могут пониматься как стадиальные или эстафетные изменения. Даже в том случае, если переход от одной формации к другой означает смену стадий, то должно помнить, что мы имеем дело не с реальными универсалиями, а лишь сеткой понятий, наиболее адекватно на данный момент описывающей единый исторический процесс. И в этой сетке понятий, понятие формации является лишь конкретизирующей категорией более общей категории стадии.

Присваивающее хозяйство. Первобытное общество.

Стадия присваивающего хозяйства оказывается представленной только одним типом общества – первобытнообщинной общественной экономической формацией. Это обусловлено тем, что общество настолько погружено в природу и настолько тотально зависит от неё, что типологический разброс здесь оказывается, в принципе, невозможен.

Первобытнообщинная общественно-экономическая формация базируется на общественной форме собственности на средства производства, которая выражается в равном доступе членов общества к средствам производства, распределению и совместной трудовой деятельности. Следствием этого является слабая выраженность социальных различий, которые реализуются, прежде всего, на половозрастной основе.

В связи с последним моментом необходимо упомянуть теорию так называемого первобытного коммунизма. Эта теория имеет много оснований. Как мы уже сказали, здесь есть равный доступ к средствам производства, распределению, и совместный труд. В результате максимальные усилия всего общества приводят к получению такого совокупного общественного продукта, которого едва хватает для поддержания этого общества. Прибавочный продукт, который смог бы стать основанием для социального неравенства и эксплуатации, просто отсутствует. Распределение по потребностям является жизненной необходимостью.

Эти положения на данный момент представляются наиболее доказанными корпусом социальных наук. Здесь трезвомыслящий ученый должен

остановиться с тем, чтобы далее продвигаться с максимальной осторожностью. Дело в том, что на базе этих, на данный момент, бесспорных положений множество социальных теоретиков нагромоздило глыбы спекулятивных умозрений и моралистических упований. В европейской культуре социальная наука и тезиса сформулировать не может без того, чтобы тотчас не сбежалась толпа охотников погрезить об идеальном справедливом обществе. Всякий раз эти охотники уповают на то, что наконец-то данные науки позволяют доказать сколь добр и благостен человек в его естественном состоянии, и какое ужасное помрачение случилось с ним в последние несколько тысяч лет.

Здесь мы имеем дело не с рациональными суждениями, а с рефлекторной деятельностью ряда представителей теоретической культуры. Это отчетливо видно из того, что с самого начала возникновения теоретической культуры его представители всех времен и народов охотно повествуют об идеальном состоянии, в котором пребывало общество в прошлом. И египетский жрец, и средневековый монах, и новоевропейский мыслитель, и современный интеллектуал с горечью твердят об одном и том же: человечество деградирует, мир катится в тартарары, грехи и пороки умножаются. И если они правы, то просто трудно представить, каким ослепительно совершенным было человечество на заре своей истории, коль оно деградирует уже несколько тысячелетий.

Очевидно, что мы имеем дело с определенной установкой проистекающей из сущности теоретической культуры и теоретического мышления. Рассуждения о высокой моральности первобытного общества, о победе социального альтруизма над зоологическим эгоизмом является спекулятивной реализацией этой установки.

Биологическая наука отчетливо демонстрирует присутствие в животном мире как «эгоистической», так и «альтруистической» установок. На тысячи фактов ожесточенной конкуренции приходятся тысячи фактов взаимопомощи. «Эгоизм» и «альтруизм» - это природные установки, работающие на выживание и эволюцию. И их активизация всегда зависит от того или иного способа выживания.

Скорее всего, мы можем говорить о большей активизации в первобытном обществе именно альтруистической установки. Но говорить при этом, о

тотальном подавлении эгоистического принципа нет оснований. Тому подтверждением являются первобытные общества, описанные исследователями, начиная с эпохи географических открытий. Здесь мы наблюдаем, множество примеров морального несовершенства и зла, иногда они значительно превышают меру моральности человека классового общества, иногда же значительно ниже её. Первобытный человек – это человек принципиально иного общества, чем человек «цивилизованный». И мера добра и зла, альтруизма и эгоизма в нем выражена по-иному.

Все попытки наших мечтателей проигнорировать факты морального несовершенства первобытного человека за счет указания на то, что **все** известные нам первобытные общества есть общества поздние – есть по большому счету мошенническая уловка. Если иллюзии не выдерживают критики фактами то самое время перенести дискуссию на временную область, от которой не осталось никаких письменных источников. Несколько скелетов, куча каменных орудий труда и серия рисунков прекрасная почва для привольного морализаторского спекулирования.

Если мы будем придерживаться именно этого – трезвого – и осторожного видения первобытности, то мы сможем непротиворечиво понять умножение меры социальных несправедливостей в возникающем классовом обществе. Просто изменившаяся социальная ситуация стала работать на активизацию принципа эгоизма, ранее относительно подавленного первобытным обществом.

В противном случае становится совершенно непонятно, как после десятков тысячелетий альтруистического существования на сцене мировой истории столь пышно расцвел цветок эгоизма. Все рассуждения подобного рода тотчас отсылают нас к архаическому мифу о грехопадении. Только в этом случае речь идет о классовом грехопадении, о благой вести, возвещенной Марксом, и преодолении в результате этого классового грехопадения построением справедливого коммунистического общества.

Упражнение в философской рефлексии не панацея. Но весьма полезное средство, прописанное большинству гуманитариев. Если они будут практиковать его, то возможно лучше научатся обнаруживать в

собственном как бы научном сознании зомбирующих программ и образов господствующей культуры.

Производящее хозяйство аграрного типа. Типы аграрных обществ.

Разнообразие социальных форм впервые возникает лишь в момент перехода к аграрному классовому обществу. Поскольку такой переход означает достижение относительной автономии общества от природы, базирующееся на производстве, поставляющим избыточный продукт. Причем эта ситуация складывается не столько вследствие принципиального изменения средств производства, сколько вследствие новаций в области технологий и производственных отношений. И лишь затем, она провоцирует развитие средств производства.

Ю. И. Семенов выделяет на этой стадии шесть типов предклассового общества: протополитарный (прото- в смысле становящийся), протонобиларный, доминарный, магнарный, протомилитомагнарный, пракрестьянский. Каждый из этих типов обладает набором разных вариаций, от двух, до пяти. Протополитарное общество базируется на протополитарном способе производства, где собственность на средства производства (и в первую очередь землю) находится в совместном владении эксплуататорской элиты. Протонобиларное отличалось от протополитарного по большому счету только тем, что каждому члену эксплуататорской элиты выделялась определенная доля совместной собственности, что часто вело к её полному разделу. То есть, она была в отличие от протополитарной, корпоративно-персонализированной.

Суть доминарного способа производства, который лежит в основе доминарного типа общества, заключается в том, что эксплуатируемый полностью работает в хозяйстве эксплуататора.

Весьма похожий на него магнарный способ производства, выступающий, в свою очередь, в качестве базы магнарного общества, предполагал передачу земли (основного средства производства), которая была полной собственностью эксплуататора, в обособленное пользование работника, который более или менее самостоятельно вел на ней хозяйство.

Особенностью протомилитомагнарного общества было то, что здесь доминомагнарные отношения сочетались с эксплуатацией рядовых его членов со стороны особой военной корпорации, которую на Руси называли дружиной.

Пракрестьянскими называются такие общества, в которых господствует формирующийся крестьянско-общинный уклад.[86]

Далее Семенов пишет: «Ни один из этих шести основных типов предклассового общества не может быть охарактеризован как общественно-экономическая формация, ибо не был стадией всемирно-исторического развития. Такой стадией было предклассовое общество, но оно тоже не может быть названо общественно-экономической формацией, ибо оно не представляло собой единого социально-экономического типа.

К разным социально-экономическим типам предклассового общества вряд ли применимо и понятие параформации. Они не дополняли какую-либо общественно-экономическую формацию, существовавшую в качестве стадии мировой истории, а все вместе взятые заменяли общественно-экономическую формацию.[87] Поэтому их лучше всего было бы именовать *общественно-экономическими проформациями* (от греч. про- вместо)…….

Проформации не выступали по отношению друг к другу как стадии развития. Они были альтернативными вариантами предклассового общества их альтернативность наглядно проявлялась в том, что они могли превращаться в друг друга. Не только пракрестьянские общества превращались в протополитарные, но и протополитарные могли трансформироваться в пракрестьянские. Протонобиларные общества преобразовались в протонобиломагнарные, а последние – в протодоминомагнарные. В свою очередь протодоминомагнарные общества могли стать протонобиломагнарными. Возможно, были и другие взаимные превращения предклассовых обществ».[88]

Марксисты говорят о том, что устаревшая форма производственных отношений не только тормозит развитие производительных сил, но

[86] Ю. И. Семенов Философия истории. М., 1999. С. 248-249.
[87] Заменяли перед кем и для кого? Неужели перед той дамой, которую именуют Историей? «Где формация, - спросит она, - мы за неё, - ответят социально-экономические типы предклассового общества». Таковы метаморфозы персоналистского видения истории (замечание наше).
[88] Ю. И. Семенов Философия истории. М., 1999. С. 249.

зачастую и разрушает их. Несколько образно, можно сказать, что этот закон действует и в науки. Устаревшая форма научной теории не только тормозит развитие знания, но и извращает его, парализуя даже самые блестящие умы. Чтение вышеприведенной цитаты, вызывает двойственные ощущения. С одной стороны, приводят в восхищение изумительные находки автора, с другой стороны, испытываешь горечь оттого, что видишь как выдающийся ученый ум, бесконечно пробуксовывает, опутанный метафизическими, спекулятивными схемами.

Анализируя тысячелетнюю эпоху перехода от первобытности к цивилизации, Семенов наталкивается на шесть типов общества, базирующихся на шести типах способа производства. Согласно всем классическим критериям марксизма эти шесть типов есть шесть общественно-экономических формаций. Более того, Семенов, как историк видит, что эти типы (формации) не выстроены эстафетно-стадиально, а рядоположены и взаимотрансформируемы. Как ученый он должен в этот момент задуматься и оценить, что в марксизме является парадигмальным ядром, а что устаревшей необязательной формой и изменить эту форму в угоду логике парадигмы и реальным историческим фактам. Но сила традиции такова, что он, обнаружив истину, виртуозно пытается подвергнуть её вивисекции, только бы не покуситься на милые сердцу умозрительные догмы. Ю. И. Семенов – коммунист, он верит в исторический прогресс и вот-вот наступающее социалистическое будущее. И поэтому он нуждается в формациях как стадиях, поскольку именно эстафетно-стадиальная концепция твердо «научно» гарантирует ему истинность его миллионаристских чаяний.

В результате выходит полный конфуз. На протяжении нескольких тысяч лет социально-исторические организмы Земли живут и развиваются в рамках определенных социальных форм. Выкристаллизовывается несколько типов способа производства и обществ, базирующихся на них, а Ю.И. Семенов не находит другого лучшего определения для всего этого как проформация. Итак, тысячелетия общества пребывали в такой странной социальной форме как «вместоформация»! Ну что за нелепость!

Это похоже на то, как если бы натуралист обнаружил шесть новых форм жизни, соответствующих всем критериям для того, чтобы определить их

как самостоятельные виды. Но вместо этого определения он называет их вдруг «провидами» («вместовидами»), только на том основании, что вновь открытые формы не вписываются в его метафизическую систему, описывающую логику и направленность эволюционного процесса. Его можно понять. Только что, благодаря этой системе ему удалось показать, что вот-вот должен возникнуть некий сверхвид идеальный по своим характеристикам, как вдруг, объявляются эти шесть новых видов, которые опровергают всю его систему. И ему не остается ничего другого, как, ради спасения системы, обозначить эти виды как некие извращения, как некие видимости, которые как бы и не существуют.

Какое счастье, что подобная схема ad hoc не пришла в голову представителям расовых теорий XIX века! Сколь элегантно они расправились бы с океаном неприятных для них фактов. Ведь как хорошо всё получалось: было выяснено, каковы основные признаки homo sapiens, и было установлено, что белая раса им соответствует, а черная, желтая и красная – нет. И вдруг детальные исследования показывают, что и «примитивные» расы также соответствуют этим признакам. Неужели и их придется зачислить в разряд людей?! Расовая теория обанкротилась?! «Вовсе нет – замечает наш гипотетический хитроумный философ расизма, - общеизвестно, что главным признаком homo sapiens является белый цвет кожи. Примитивные расы этим признаком не обладают. Следовательно, они не относятся к разряду людей. Но, поскольку, они обладают всеми остальными существенными признаками, они не относятся к классу животных. Единственно верный, научный выход из этого положения обозначить эти существа в качестве «пролюди» («вместолюди»)».

Подобная логика была бы воспринята любым сторонним наблюдателем как классический пример принесения науки в жертву ценносто политическим предпочтениям.

Понять Юрия Ивановича можно, но вот помочь ему трудно. Если такие сложности появляются уже на стадии предклассового общества то, что же будет дальше, когда придется анализировать классовое общество?! Но, впрочем, Семенов виртуозно обходит и эту трудность.

Благодаря своей эстафетно-стадиальной концепции он ловко фокусирует свой интерес историка на локальных обществах в жестко очерченный

отрезок времени. Сначала он анализирует первобытность, затем Древний Ближний Восток, потом переходит к анализу античного общества, потом западноевропейскому средневековью, потом к европейскому капитализму. Эта последовательность окончательно убеждает его в том, что существует всемирно-историческая эстафета. Другие же страны и эпохи не вызывают у него эвристического энтузиазма. Он пишет: «Занимая лишь ограниченную часть земного шара, ближневосточная система социоисторических организмов, тем не менее, являлась системой *мировой*. Её мировое значение проявилось в том, что её существование и эволюция подготовила и сделала в дальнейшим возможным подъем человечества на следующую ступень исторического развития. Об Индии и Китае этого сказать нельзя. Они могли быть, могли и не быть, но вплоть до нового времени это не могло сколь-нибудь существенно сказаться на мировой истории.[89] В течение III-II тысячелетий до н. э. ближневосточная арена, которая была не только первой, но единственной существующей в то время исторической ареной, являясь *центром мирового исторического развития* с этих пор можно говорить о разделении мира на *исторический центр* (ядро), или просто *центр*, и *историческую периферию*, или просто *периферию*»[90]

Мы вновь обильно цитируем Ю. И. Семенова во многом потому, что хотим еще раз продемонстрировать, какой пагубный характер для науки

[89] Изумляет произвольность, с которой Ю. И. Семенов очерчивает рамки мировой истории. Определение понятия «мировой истории» мы у него не обнаружили, впрочем, как и многих других понятий, являющихся несущими для его историософской концепции. Но по логике изложения становится ясно, что к мировой истории относится всё, что составляет прогресс человечества как целого. Поскольку Ю. И. Семенов являет явно негативное отношение к капитализму, и сверхположительное - к коммунизму, то, очевидно, что конечной точкой прогресса является коммунизм. Капитализм же, относится к прогрессу лишь в той мере, в какой он есть необходимая стадия на пути к коммунизму. Следовательно, основной мировой осью здесь является ось: античность-европейское средневековье-капитализм (а он возникает именно в Европе) - коммунизм. Древний Ближний Восток здесь вроде бы эвристически излишен. С «эстафетной» точки зрения можно было бы сразу переходить от первобытности к античности. Но, поскольку Ю. И. Семенов внес важнейший вклад в понимание древневосточных политарных обществ, он достаточно произвольно приплетает к основной оси мировой истории еще и Древний Ближний Восток. Да и не удобно как-то без него. Это становится особенно ясным, если мы вспомним, что классовое общество в Китае и Индии возникает одновременно с Ближним Востоком. Но для Семенова это не имеет значения, поскольку его внимание приковано к мировой оси, реализующейся в Европе.
Здесь отчетливо проглядывает логика учебников истории эпохи Сталина, которую наш автор, возможно, и усвоил в детстве и юности.

[90] Ю. И. Семенов Философия истории. М., 1999. С. 250.

имеют метафизические элементы марксизма. Даже лучшие головы зачастую склоняются под их тяжестью.

Но, вместе с тем, мы должны признать, что если отбросить подобную метафизику, то идея Семенова о шести способах аграрного предклассового производства весьма продуктивна. Фактически, Семенов описал, почти все типы социальной организации, характерные для аграрных обществ. Он просто не заметил этого. Соответственно, мы возьмем эту схему за основу.

Мы полагаем, что можно выделить шесть типов способов производства, достаточно полно характеризующих все разновидности аграрных обществ.[91] Таким образом, мы можем говорить, о шести общественно-экономических формациях, наблюдаемых на аграрной стадии. Нелишне будет заметить вновь, что в рамках жизни отдельного социора, эти формации могут сменять друг друга в различном порядке.

Политарный способ производства. Политарная формация (политаризм).

Под политаризмом следует понимать такой тип общества, при котором коллективный субъект (чаще всего государство) выступает на социальном поле как тотальный и единственный, или доминирующий субъект.

Магнарный способ производства. Магнарная формация (магнаризм).

Под магнаризмом следует понимать такой тип общества, где господствует крупное частное землевладение, которое является основой доминирования землевладельческой аристократии в социальной, политической и культурной сферах. Крестьяне ведут самостоятельное хозяйство на земле магнатов, находясь в различных формах зависимости от них.

Нобиларный способ производства. Нобиларная формация (нобиларизм).

[91] Мы вновь считаем не лишним напомнить, что наше утверждение о шести способах аграрного производства, мы рассматриваем не как окончательное суждение на этот счет, но лишь как хорошую продуктивную гипотезу. Вполне возможно, что дальнейшие наши исследования или исследования других ученых могут видоизменить эту модель. Мы лишь настаиваем, на

Нобиларное общество – это общество, где господствует частная собственность на средства товарного производства и обмен. Соответственно, стержнем нобиларизма является рынок, в развитой форме нобиларизм может быть характеризован посредством понятия «капитализм».

Следует различать аграрный нобиларизм (агронобиларизм) и индустриальный нобиларизм (индустронобиларизм).

Агронобиларизм. Речь идет о ситуации, когда нобиларизм возникает и развивается на аграрной стадии развития человечества. Здесь главной его основой является ремесленное производство и торговля. Соответственно нобиларизм – это чаще всего форма городской цивилизации. Его связь с аграрным производством может быть двоякого характера.

Первое. Нобиларные структуры инкорпорированы в аграрное общество, то есть являются составной частью аграрного социора и представляют в рамках его отдельный экономический уклад (например, большинство европейских средневековых городов). Причем, используя понятие уклад, мы особенно акцентируем внимание на том, что взаимодействие уклада и господствующего способа производства чаще всего имеет характер симбиоза. Именно это обстоятельство часто заставляет исследователей воспринимать нобиларные структуры в рамках аграрного общества, например, западноевропейского феодального общества, как необходимый его элемент.

Второе. Нобиларная структура является господствующим способом производства, например, Карфагенская республика или средневековые итальянские города-коммуны. Здесь нобиларная структура подчиняет или в различной степени ассимилирует традиционные аграрные структуры. Различных форм взаимодействия здесь множество, но мы рассмотрим лишь два вышеприведенных примера.

Карфаген. Здесь городская нобиларная структура является господствующим способом производства и не только подчиняет, но и достаточно сильно ассимилирует, видоизменяет традиционные аграрные структуры. Возникновение масштабного городского рынка провоцирует

некоторых принципиальных константах видения социального процесса:
«непредопределенность» социальной динамики, её многовариантность, обратимость и т.д.

создание весьма специфической аграрной структуры. По внешнему виду эта структура является магнаризмом, базирующимся на рабском труде, но, по сути, она оказывается масштабным товарным предприятием, и в качестве такового оказывается органично встроенным в господствующую нобиларную структуру. Более того, структура этого предприятия спровоцирована нобиларизмом, обуславливающего выгодность широкомасштабного применения рабского труда.

Средневековые итальянские города-коммуны. Здесь городская нобиларная структура, являющаяся господствующим способом производства, подчиняет и лишь отчасти ассимилирует традиционную аграрную структуру. Города разрушают замки окрестных сеньоров и вынуждают их жить в городе, нейтрализуя их тем самым политически. Структура же их поместий остается фактически без изменений. Хотя они и работают на городской рынок, характер землевладения и способы эксплуатации остаются прежними.

Индустронобиларизм. Индустронобиларизм появляется на базе машинного производства. Это на данный момент – высшая форма нобиларизма. Она повсеместно и хорошо известна как «капитализм». В силу этой известности мы не будем здесь подробно её описывать.

Термин «нобиларизм» мы заимствовали у Ю. И. Семенова. Он хорош, но не совсем удачен, поскольку ассоциативно сразу же отсылает к понятию «нобили». Возникновение нобилитета является существенным и закономерным явлением в любой сколь-нибудь развитой нобиларной структуре. Но существование нобилитета не является исчерпывающей характеристикой этой структуры. Не говоря уже о том, что нобилитет всегда соседствует с огромной массой мелких и средних товаропроизводителей. В этом отношении возможно более удачным названием для нобиларной структуры было бы название «рыночная» или «маркетинговая» структура. И, соответственно, «рыночное» или «маркетинговое» общество. Но поскольку, термины имеют конвенциональный характер, постольку мы допускаем, что возможно образование более удачного наименования. Пока же мы используем термин «нобиларизм», отдавая тем самым приоритет в выявлении этой структуры Ю. И. Семенову.

Общинно-крестьянский способ производства. Общинно-крестянская формация. (…?).

Крестьянско-общинная формация – это такой тип общества, где общество совпадает с крестьянской общиной, являющейся социальной формой организации мелкого и среднего землепользования на базе коллективного землевладения.

Обычно этот тип обществ ускользает от внимания большинства социальных теоретиков в силу своей предельной простоты. Образно говоря, общинно-крестьянские социоры являются «простейшими», «одноклеточными» социального мира. Они лишены какой-либо стабильной, четко оформленной политической структуры и не являют собой пример сложных цивилизационных форм. Здесь, фактически, социор совпадает с крестьянской общиной и на эмпирическом, наблюдаемом уровне предстает как обычная деревня. Более того, эта социальная форма в последующем используется как фундамент для сооружения более сложных социальных конструкций политаризма или магнаризма. Если же, почему-либо эти сложные сооружения разрушаются, то они вновь распадаются на простейшие социальные организмы, которые воспринимаются исследователем лишь как обломки цивилизации.

Но на деле мы видим, что подобный тип социальной организации оказывается повсеместно распространен на стадии перехода от первобытности к цивилизации, и существует тысячелетия. Соответственно, нет никаких препятствий к тому, чтобы выделить его в качестве особого, самостоятельного социального типа, в качестве отдельной общественно-экономической формации.

Полисный способ производства. Полисная формация ().

Полисная общественно-экономическая формация – это такой тип общества, где господствует мелкое и среднее частное землевладение, оформленное в рамках гражданской общины.

К. Маркс использовал иной термин, он говорил об античном способе производства. Можно говорить и так, если забыть о том, что античность являла и другие способы производства.

Полисные общества – особенный, уникальный тип обществ, существовавший лишь в Средиземноморье. Если бы мы были сторонниками универсализма, то мы, скорее всего, исключили бы на этом основании полисную формацию из общей схемы. Но нашей задачей здесь является не выявление всеобщего закона, а лишь классификация реально существовавших и существующих обществ. Средиземноморье античной эпохи демонстрирует тысячи социально-исторических организмов, построенных на полисной основе. Этого факта вполне достаточно для того, чтобы выделить полис в качестве самостоятельного социального типа.

Доминарный способ производства. Доминарная формация (доминаризм).

У нас существуют серьёзные сомнения относительно того, можно ли выделить доминарную формацию как особую социальную форму, поскольку у нас существуют ещё более серьезные сомнения относительно того, можно ли вообще говорить о доминарном способе производства. Здесь мы сталкиваемся с крайне запутанной проблемой чрезвычайно осложняющей работу историков и социальных теоретиков на протяжении уже двух столетий. Речь идет о рабовладении.

Рабовладение крайне распространенная форма эксплуатации. Мы обнаруживаем её повсеместно в древнем и средневековом мире. Она присутствует в Новое время и не до конца изжита в Новейшее время. Наиболее тотальные формы рабовладение принимает в Риме I в. до н.э. – II в. н.э., в Карфагене Ш в до н.э. и в некоторых городах классической Др. Греции. На этом основании историки называют эти общества рабовладельческими. Марксисты в этом отношении пошли ещё дальше. Они говорят о рабовладельческом способе производства и относят к рабовладельческим обществам чуть ли не все социальные организмы древности. Это утверждение стало настолько общим местом в марксистской науке, что любые сомнения в нем воспринимаются как признак невежества или опасного нигилизма.

Но при детальном и внимательном рассмотрении этого вопроса обнаруживается, что тезис о рабовладельческом способе производства и

рабовладельческих обществах древности является не столько научной аксиомой, а, сколько мифом, построенным на множестве противоречий, искажений, ошибок. В рамках нашей работы нам будет затруднительно перечислить все погрешности этого мифа. Отметим лишь самые важные.

1. Рабовладение в большинстве так называемых рабовладельческих обществах древности является лишь более или менее заметным укладом, что не дает оснований для характеристики этих обществ как рабовладельческих.
2. Понятие рабовладельческого способа производства формулируется лишь по одному основанию – наличию эксплуатации рабского труда. Это позволяет традиционным марксистам огульно зачислить почти все общества древности в разряд рабовладельческих, обнаружив в них наличие рабов. И это не позволяет, почему-то зачислить в разряд рабовладельческих обществ общества средневековья. Хотя и там рабство достаточно распространено.
3. Кроме того, подобный способ формулировки понятия «рабовладельческий способ производства» позволяет не замечать существенных различий между «рабовладельческими» обществами. В Афинах рабовладение обслуживает полисную структуру. В Риме же оно существует в рамках магнарно-нобиларных структур. Столь оригинальный способ формулировки позволяет оба общества слить в понятии рабовладельческого общества, утеряв их качественное различие. Если мы попытаемся создать определение рабовладельческого (доминарного) способа производства опираясь на социальную практику Афин, то мы получим одну формулировку, если же мы будем делать это, опираясь на социальную практику Рима, то мы получим другую формулировку, если мы будем анализировать иные общества, то мы получим третью, четвертую и так далее формулировки. Эта трудность элегантно (если не жульнически) преодолевается традиционными марксистами за счет выделения рабовладельческого (доминарного) способа производства лишь по одному признаку – характеру эксплуатации непосредственного производителя.

Мы полагаем, что понятие «способ производства» необходимо формулировать не по одному признаку, а по совокупности всех характеристик наличного производства и обмена. В этом отношении о доминарном способе производства не может быть и речи. Можно говорить лишь о доминарном способе эксплуатации непосредственного производителя. Соответственно, этот способ эксплуатации может быть использован в рамках различных способов производства.

Из всего вышесказанного следует, что о доминарных (рабовладельческих) обществах не может быть и речи. Те единичные, эксклюзивные образцы, которые традиционно обозначались, как рабовладельческие общества должны быть характеризованы в иных понятиях. Именно в этом направлении мы и должны были бы следовать. Но давление традиции и научного требования простоты заставляет нас пока не отказываться столь радикально от понятия «доминарная формация». Но использовать это понятие следует лишь с учетом тех оговорок, которые мы привели выше.

Доминарный тип общества возникает достаточно редко и вследствие уникального стечения обстоятельств. Фактически, он порождается двумя мощнейшими факторами. Первый из них – масштабный постоянный приток на рынок труда дешевой рабской силы. Второй фактор – наличие мощных, развитых нобиларных структур, порождающих обширный рынок для сбыта товаров рабовладельческих хозяйств.

Доминаризм может возникнуть лишь в сочетании этих двух факторов. Отсутствие масштабного, постоянного притока рабов не позволит создать крупные рабовладельческие хозяйства. Отсутствие же развитого рынка не позволит этим хозяйствам быть эффективными. В отсутствие подобного рынка не может быть повсеместного спроса на рабов и, следовательно, не может быть мотива этих рабов захватывать. Самое естественное, что можно сделать в этой ситуации – сажать этих пленников на землю, превращая их в зависимых крестьян. Что, кстати, мы и видим в истории. Так, например, историки неоднократно указывали, что после прекращения регулярных торговых связей Древней Руси по линии «из варяг в греки», рабы перестают быть товаром, поставляемым на внешние рынки, а помещаются на землю, для её обработки.

Судя по всему, именно нобиларные структуры являются мощнейшим катализатором для порождения доминарных хозяйств. Мы отчетливо видим это как в древности, так и в Новое время. Достаточно вспомнить, что расцвет плантационного рабства в С. Америке был спровоцирован бурным развитием индустронобиларных структур (капитализма).

По различным датировкам homo sapiens возник 40-50 тыс. лет назад. Переход к аграрному производящему хозяйству и возникновение цивилизации историки традиционно относят к последним десяти тысячам лет до нашей эры. Здесь вполне уместен вопрос, почему этот переход не осуществился ранее? Скорее всего, причиной тому служит динамика оледенений. Лишь применительно к 10 тыс. до н.э. можно говорить об определенной стабилизации климатическо-географическо-геологической ситуации. Соответственно, появляется возможность для реализации сущностных механизмов динамики.

Здесь мы вновь считаем необходимым пояснить суть нашего подхода к социальной динамики. Мы стараемся максимально избежать простых идей в понимании социального. А именно к ним, к несчастью, тяготеет множество теоретиков. Утверждение о том, что социальная динамика предопределена – понятная и простая идея. Утверждение, что социальное развитие – спонтанно и ничем не детерминировано – тоже понятная и простая идея. Это крайности, огрубляющие и примитивизирующие понимание социального. Разумно их избежать. Социум содержит в себе ***сущностные механизмы развития***: закон возрастания потребностей, тенденция к инновациям, стремление к выживанию, посредством адекватных ответов на Вызовы и т.д. Эти механизмы имплицитны и латентны в социальном. Но их актуализация зависит от множества факторов. Это и внешние факторы среды, и внутренние факторы самого социума. Так, например, капитализм (индустронобиларизм) достаточно независим от внешних факторов, но в него встроены структуры, перманентно активизирующие, «запускающие» сущностные механизмы развития. Аграрные же общества подобных структур почти не имеют. Таким образом, включение или невключение механизмов развития не

предопределено, и часто зависит от случайных факторов. Но сами механизмы развития принадлежат сущности социума.

В результате стабилизации климатическо-географическо-геологической ситуации ряд социоров начинает переходить к земледелию. Причем переход этот осуществляется в наиболее благоприятных географических зонах, и он во многом является следствием кумулятивного накопления «цивилизационных новаций». Часто использование металла оказывается следствием этого перехода, но не его причиной. Так, например, было в Древнем Египте и Месопотамии. Цивилизации Центральной и Южной Америки не знали вообще хозяйственного использования металла.

Ко II тыс. до н.э. практически вся Азия охвачена аграрными цивилизациями. Их социальная форма – различные вариации агрополитаризма. Однако время от времени некоторые социумы дрейфуют в сторону магнаризма и нобиларизма, но в целом весь Восток вплоть до новейшего времени остается в объятиях агрополитаризма.[92] Именно этим объясняется практически полная консервация социальной динамики в этом регионе. Серьезные стадиальные и формационные изменения здесь начались лишь в конце Нового времени и в Новейшее время под определяющем и, прежде всего, инициирующем влиянием Запада.

Таким образом, мы имеем полное право, обратится теперь к аграрным цивилизациям Запада. Но вновь, нелишне заметить, что это обращение инициировано лишь интересом современного исследователя. Не о какой передаче эстафеты в линии прогресса здесь говорить нельзя. Для объективного научного знания Восток обладает такой же ценностью, как и Запад. Но поскольку мы хотим понять сущность исторической динамики, мы вполне правомерно обращаемся к региону, породившему самое существенное изменение.

Эгейская цивилизация II тыс. до н.э. - первая цивилизация Запада. Она полностью находится под влиянием социальных форм Востока. Её

[92] Это же замечание справедливо к цивилизациям Африки, и доколумбовой Америки. Таким образом, наиболее распространенной и доминирующей в истории формой цивилизаций является политаризм.

возникновение и развитие во многом определяется социальной и культурной диффузией.

Собственно же цивилизации Запада со своим специфическим лицом возникают лишь в первом тысячелетии до н.э. Причин их возникновения много. Но мы отметим лишь две наиболее существенные. Первая – заимствование культуры металла с Востока. Вторая – серьезное демографическое давление, заставляющее осваивать новые аграрные регионы, которые, конечно, были менее благоприятны по сравнению с «Благодатным Полумесяцем» Переднего Востока, вследствие чего цивилизации здесь и появляются существенно позднее. Именно это давление провоцирует и активизирует заимствование культуры метала, без которой земледелие в этом регионе практически невозможно.

Кроме того, и это очень важно, подобный характер природной среды порождает принципиально иной тип аграрного хозяйствования, определяющий сущность цивилизаций Запада. В то время как на Востоке, в большинстве случаев отдельное аграрное хозяйство в принципе не могло быть самостоятельной экономической единицей, поскольку нуждалось в поддерживающих макроструктурах, осуществляющих ирригацию, аграрное хозяйство Запада оказывалось «автономным». Характер природной среды Запада позволял вести аграрное хозяйство в рамках семьи или, в крайнем случае, общины. Здесь община выполняла определенные экономические функции, но весьма ограниченного характера, регулируя использование того, что получило название «альменды» (то, что принадлежит всем).

В этом отношении несколько особняком стоит германская община, которая была в ряде случаев самостоятельным экономическим субъектом. Так в частности лишь община была в состоянии ввести в хозяйственный оборот новые земли – расчистка земли от леса была не по силам отдельной семье. Примитивность хозяйствования делала подобную практику постоянной, поскольку расчищенное поле за десятилетие теряло продуктивность. Но и этот вариант хозяйствования был изжит к первым векам нашей эры с развитием производительных сил.

Таким образом, зависимость хозяйства Востока от поддерживающих макроструктур делало его неизбежной «добычей» политаризма и

приводило к консервации сколь-нибудь существенной социальной динамики. Движение осуществлялось скорее циклически, чередуя распад политарных структур и их восстановление. «**Автономность**»[93] же хозяйства Запада порождало многообразие социальных форм, базирующихся на ней, и оставляло широкую возможность для социальных новаций.

Вторая существеннейшая особенность Западных цивилизаций – относительная внешняя безопасность.

Восток во многом был лишен этой безопасности. Во-первых, он подвергался почти непрерывному давлению варваров-кочевников. Во-вторых, восточный политаризм перманентно порождал мощные империи, которые стремились «пожрать» друг друга. Тот же политаризм с неизбежностью обуславливал недолговечность этих империй. Они возникали, экспансировали, разваливались и снова возникали, экспансировали и разваливались. В итоге, на Востоке постоянно наличествовала необходимость в мощном централизованном государстве, что резко сужало альтернативность социальной динамики.

В этом отношении Запад пользовался относительной безопасностью. После вторжения дорийских племен Греция на протяжении многих столетий не знала сколь-нибудь серьезного внешнеполитического давления. Лишь персы попытались в V в. до н.э. захватить её, но и то это было лишь на излете персидской экспансии. В конечном итоге Греция была поглощена Римом, но лишь для того, чтобы вновь на протяжении столетий наслаждаться миром. Это поглощение не означало утраты социальной и этнической идентичности. В конце концов, и сам Рим был одной из античных полисных форм. Италия также не знала мощного давления. Северные варвары сдерживались этрусками и достаточно скоро сами подверглись завоеванию. Образование Римской империи превратило весь средиземноморский бассейн в зону мира.

Действительно серьезные потрясения были связаны лишь с «Великим переселением» народов. Но, как только ситуация стабилизировалась, Запад вновь оказался в относительной безопасности. По большому счету

[93] Автономность не означает здесь самодостаточность или автаркию, хотя часто она и тяготела к ней.

за последнюю тысячу лет Запад не испытывал постоянного мощного военного давления из вне. В некотором роде «полуостров Европа» оказался изолированным от бурь, бушующих на Востоке. Они лишь косвенно его затрагивали. Именно эта безопасность и «изолированность» позволила свободно экспериментировать с феодализмом, а впоследствии перейти к капитализму.

Собственно же цивилизации Запада со своим специфическим лицом возникают лишь в первом тысячелетии до н.э.

В марксистской литературе общепринят тезис, что античное общество первого тысячелетия до н. э. – рабовладельческое общество. Соответственно, последние века римской империи – время разложения рабовладельческого общества и формирования общества феодального. Основой этой динамики является развитие производительных сил.

Всякий, кто сколь-нибудь серьезно знаком с данными современной исторической науки не может не признать, мифологический характер этих утверждений. Если наука это строгое следование фактам, то подобные суждения ненаучны.

Во-первых, рабовладельческий (доминарный) уклад, очевидно, присутствует в античном мире. И он является **одним из ведущих укладов** в Греции V-IV вв. до н.э. вв. и Римской державы II до н.э.-II в. н.э. Помимо этого уклада в это время существуют и другие столь же мощные уклады. Называть эти общества рабовладельческими значит достаточно вольно, без серьезных оснований расставлять акценты в угоду устаревшей умозрительной доктрине.

Во-вторых, утверждение о закономерном рабовладельческом характере этих обществ не корректно, поскольку игнорирует эксклюзивность, ситуативность причин, породивших доминарный уклад. Здесь эксклюзивная ситуация неправомерно представляется как закон исторического развития. И в Риме и в Греции доминарный уклад возникает в силу частного совпадения двух факторов: наличия развитых нобиларных (рыночных, маркетинговых) структур и постоянного притока дешевой рабской силы.

Первым в Римской империи пресекся фактор притока дешевых рабов. И это неизбежно – механизм уничтожает сам себя. Приток рабов возможен

при непрерывной успешной экспансии. Но все более расширяющаяся экспансия требует всё большего количества ресурсов для своего функционирования. Империя не может расширяться до бесконечности. В какой-то момент это расширение становится убыточным и гибельным. Соответственно приток рабов прекращается, и доминарные структуры перестают быть эффективными.

Разрушение второго фактора оказывается отчасти зависимым от первого. Неоправданно огромная империя оказывается невыносимым бременем для экономики, нобиларные структуры начинают хиреть.

В-третьих, обозначение Рима и Греции как рабовладельческих обществ – неоправданная временная экстраполяция формационных признаков. В самом деле, римское общество просуществовало около 1300 лет. Из них заметный доминарный уклад занимает 400 лет. На каком основании мы эту ситуацию четырехсот лет распространяем на весь период?

К концу античности, мы обнаруживаем на Западе становящиеся магнарные структуры, порождающие класс магнатов и зависимых крестьян. Мы не усматриваем в этом Логики Истории (стадиально-формационной закономерности), поскольку доминарный способ производства был во многом ситуативен и его упадок с неизбежностью означал возврат к базовым структурам. Причем такой структурой не могла быть античная община, поскольку длительное существование централизованного бюрократического государства и расцвет нобиларных структур её окончательно разложили. Таким образом, здесь мы усматриваем не действие стадиально-формационных закономерностей, но лишь естественную, ситуативную игру различных социальных факторов.

Сейчас трудно предположить, во что вылилось бы это движение. Скорее всего, мы получили бы какую-нибудь разновидность феодального общества, поскольку перенос центра тяжести на магнарные структуры означал распад централизованного государства и упадок городов. В этой ситуации наиболее адекватной формой организации общества оказался бы магнаризм феодального типа. Но эти возможные перспективы были перечеркнуты нашествием варваров. Это нашествие оказывается большим затруднением для старого марксизма. И лишь ряд обтекаемых, во многом

бессодержательных фраз позволяет представить его как орудие судьбы, извлеченное Мировым Духом из глубин Азии, с тем, чтобы привести общества Запада в формационное соответствие.

В свое время историки измученные марксистским догматизмом зло шутили, о толпах рабов, которые высыпали на улицы Рима с транспарантами «Вся власть феодалам». В этом отношении варварское нашествие оказывалось фактором, который лишь закреплял неумолимость действия формационного закона.

Мы убеждены, что здесь нельзя говорить о какой-либо исторической преемственности. Линия античности пресеклась и уже никогда не возобновлялась. Одряхлевшая Римская империя не смогла сдержать давления варваров, и они превратили её в «кучу мусора». То, что в последующем варварские общества время от времени извлекали из этой кучи нечто полезное, вовсе не свидетельствует о линейности, преемственности исторического развития.

Фактически, варварские нашествия означали не открытие новой страницы, а начало новой, совсем другой книги.

Варвары просто расселились на новых землях и воспроизвели здесь свои традиционные структуры. С одним очень важным исключением. Территория Римской империи не превратилась в океан племенных сообществ, а оказалась структурирована в форме варварских королевств. К тому было несколько причин. Первое. Намного большая территория, по сравнению с их изначальным ареалом обитания. Во-вторых, наличие изрядного романизированного элемента, инкорпорированного в новое общество. Третье. Присутствие рядом конкурирующих варварских королевств и Восточной Римской империи, жаждавшей реванша. Четвертое. Продолжавшийся приток варваров с Востока.

В течение 6, 7 вв. происходит формирование магнарных структур и создания предпосылок к возникновению феодализма. Племенные структуры разлагаются и оказываются неэффективными для контроля больших территорий.

Фактически, феодализм есть специфическая форма политического освоения пространства, но не только. В ситуации отсутствия развитой инфраструктуры, малонаселенных, заброшенных пространств, пресечения

товарно-денежных отношений и рынка, существование централизованного бюрократического государства, опирающегося на регулярные вооруженные силы невозможно. Единственный способ осуществить контроль территории – поручить её специальному уполномоченному и предоставить ему, извлечь средства управления из самой этой территории. Военной опорой для властвующего в этой ситуации оказывается группа людей, которым в свою очередь поручен контроль на отдельных местах. В течении нескольких столетий эти структуры обслуживают центральную власть и оказываются слабо выраженными. Более того, они являются во многом порождением этой власти. Порождением настолько эффективным, что дают возможность власти взлететь на высоту империи. Однако этот взлет был ситуативным, поскольку феодальные структуры могут вполне обходиться и без центральной власти. Феодальная раздробленность неизбежна. Она могла бы быть сдержана, при наличии мощной постоянной внешней угрозы, но таковой не было.[94] Королевская власть не исчезает, но она оказывается фикцией. И только в тех случаях, когда власть оказывается в руках крупнейшего землевладельца, она временно укрепляется. Но, поскольку, это укрепление связано с щедрыми пожалованиями из королевского домена постольку в какой-то момент король оказывается голым. Средневековье демонстрирует массу примеров подобной цикличности. Ситуация изменяется лишь с восстановлением товарно-денежных отношений и появлением городов, которые дают королевской власти новые средства и приводят к тому, что феодальная организация общества перестает быть единственно возможной.

Здесь возникает крайне сложная и запутанная проблема средневекового города. Мы уверены, что эти сложность и запутанность проистекают из-за догматизма старого марксизма. В самом деле. Коль феодализм является необходимо-закономерной стадией развития человечества, максимально полно реализующей все возможности наличных производительных сил, следовательно, и средневековый город необходимо рассматривать как органичную феодальную форму. Таким образом, мы должны рассуждать о

[94] Отсутствие постоянного мощного военного давления на Европу является необходимым условием для феодализма. Его военно-политическая организация просто не выдержала бы

феодализме города. Естественно, рассуждать об этом сложно, поскольку приходится подгонять фактический материал под умозрительную концепцию.

Мы полагаем, что феодализм есть одна из форм организации аграрного общества. В этом отношении все выше приведенные рассуждения традиционных марксистов справедливы в отношении средневековых городов-резиденций. Эти города возникали вокруг центров светской и духовной власти и тотчас исчезали с перемещением этой власти в другое место. Фактически они являлись акцидентальным политическим модусом аграрного феодализма. Собственно средневековый город был явлением совсем другого рода. Этот город есть организационная форма промышленного производства. Термин «промышленное производство» здесь мы используем в самом широком смысле. В смысле родового отличия промышленного (индустрии) производящего хозяйства от аграрного производящего хозяйства. И в этом отношении средневековый город как средоточие торговли и ремесла оказывается инородным телом в феодальной аграрной структуре. Эта ситуация не является эксклюзивной. Большинство цивилизованных аграрных обществ нуждались в этих видах деятельности и инкорпорировали в себя в той или иной форме эти элементы. Но лишь на Западе этот элемент приобрел самостоятельное значение.

Вопрос о городе как сосредоточении ремесла и торговли является архиважным. Поскольку именно такой город является перманентным источником возникновения нобиларных структур. В этом отношении проблема средневекового западноевропейского города есть проблема генезиса особой формы нобиларизма – капитализма, упадка аграрных обществ и возникновения обществ индустриальных.

1. Город возникает вследствие потребности аграрного феодального общества в товарах, поставляемых торговлей и ремеслом. Первоначально он возникает как продолжение в этой области феодальных структур и в рамках феодального права.

подобного давления. В этом случае она, скорее всего, эволюционировала бы в сторону российского поместного политаризма.

2. Окрепнув, город обособляется от феодальной среды, обретая политическую и правовую независимость. Хотя город и выступает как один из элементов феодального общества, внутренне он имеет совсем иную природу. Отношения здесь строятся на основе новой формы договора (по сравнению с феодальной). Утверждение, что цех есть одна из форм феодального порядка, не имеет основания. Если два явления сосуществуют во времени и пространстве – это еще не означает, что одно обуславливает другое. Здесь необходимо рассматривать внутреннюю природу обоих явлений, а природа средневекового города явно отлична от природы феодализма. Противопоставляя себя феодальной среде, город выступает как коммуна.
3. Превратившись в типическое явление, город вступает в специфические отношения с центральной властью. В конечном счете, эти отношения строятся на взаимовыгодном сотрудничестве. Власть поддерживает, поощряет город и создает для него благоприятный контекст. Город же доставляет средства для укрепления власти и создает фундамент для появления централизованной бюрократии и постоянной армии. Рост нобиларных городских структур коррелирует с развитием централизованных структур национального государства.

Мы готовы поддержать старую марксистскую идею об абсолютизме как форме балансирования центральной власти между городскими нобиларными структурами с одной стороны и аграрным феодализмом с другой. В тот момент, когда нобиларные структуры начинают доминировать - абсолютизм падает.

4. Первоначально город выступает как структура, обслуживающая аграрный феодализм. Но нобиларный город обладает оружием более страшным, чем пушки и ружья, произведенные его промышленностью. Это оружие – деньги и те изысканные товары, что можно купить на них. В итоге нобиларизм всё больше разъедает и разлагает феодальные структуры, вовлекая аграрный сектор в сферу рынка. И власть и феодалы сами способствуют этому, требуя выплат в денежной форме. В наиболее развитых странах Запада к 17 в. процесс ассимиляции аграрного сектора нобиларными структурами достиг высокой степени.

Более того, именно к этому времени нобиларизм обретает свою специфическую форму – капитализм.

«Капитализм» - ключевое понятие для понимания всемирной истории последних пятисот лет. Именно в это время свершается эпохальный перелом всемирно-исторического масштаба – в Западной Европе зародился и окреп капитализм.

Если вдуматься, то станет ясно, что это событие из разряда тех в истории человечества, которые можно пересчитать на пальцах одной руки. Фактически, таких событий на данный момент всего три – появление человечества, переход к земледелию и зарождение цивилизации, возникновение индустриального общества, то есть капитализма. Последнее особенно существенно. Капитализм это общественная форма, в которой формируется и существует индустриальное общество. Речь идет естественно о наличной исторической перспективе. Возникновение homo sapiens означало приговор всему живому на Земле, оно стало законной добычей человека разумного. Аграрные классовые общества явились приговором для племен охотников и собирателей. Капитализм означает неизбежный конец всех традиционных некапиталистических общественных форм. Во времена Древнего Египта многие племена могли быть спокойны, ибо знали, что воины фараона никогда не доберутся до них. Ныне же ни одно традиционное общество не может пребывать в беззаботности – рано или поздно у его границ возникнут сначала торговцы, а за ними и армады броненосцев. Наивно думать, что эти броненосцы плод хитрого европейского ума или, на худой конец, посланцы особой «материалистически ориентированной» цивилизации. Если бы это было так, то аборигены могли бы перенять пару тонких приёмов и создать нечто подобное. Либо же обаять жестоких пришельцев утонченной духовностью своего мира. Но секрет в том, что сама капиталистическая общественная структура неразрывно связана с массовым производством и безудержным технологическим прогрессом. Мыслить капитализм в категориях штучного производства и технологической стагнации это то же самое, что мыслить огонь вне движения. Рыночная конкуренция и машинное производство высвобождают чудовищную продуктивность по своей мощи сопоставимую

с колоссальной энергией расщепленного атома. Эта же структура с неизбежностью порождает наиболее эффективную на данный момент систему управления – демократию. В целом же капиталистическое общество продуцирует такой идеал свободной, вольготной жизни отдельного человека, который оказывается неудержимым магнитом для миллионов и миллионов подданных традиционных государств. В этом отношении весьма характерно замечание одного чиновника администрации Бориса Годунова: Русского человека выпускать за границу нельзя. Он там такого насмотрится, что обратно под государеву руку возвращаться не захочет.

Таким образом, традиционные общества органически неспособны к конкуренции и противостоянию капитализму. Если это им и удается в отдельный момент, то в длительной временной перспективе это всегда заканчивается плачевно. Традиционное общество оказывается неспособным выстроить социально-экономические и политические структуры, которые бы порождали такой же шквал новаций. И они не способны создать необходимую массу общественного продукта, который мог бы обеспечить функционирование этих структур. Фактически можно говорить о Вызове, который предъявляет капитализм самим фактом своего существования всем традиционным обществам. И чем более развит капитализм, тем труднее игнорировать этот Вызов.

В качестве сущностных признаков капиталистического способа производства необходимо отметить следующие:

1. Господство капитала, представленное классом организаторов производства – буржуазией, и использование класса пролетариев.

2. Повсеместное распространение рынка и товарно-денежных отношений.

3. Массовое производство товаров.

4. Особый «дух, этос капитализма», включающий в себя предельное рационализирование экономической деятельности, предельную степень прагматизма, дисциплины и сложный комплекс мотивации, обеспечивающий высочайшую интенсивность труда.

5. Вал научных и технических новаций. Он порожден и востребован в ситуации капиталистической конкуренции. Более того, капитализм создает все необходимые условия для возникновения развитой светской науки.

Вопрос о том, где заканчивается развитие простых форм нобиларизма, базирующихся на ремесле и торговле, и где начинается развитие форм собственно капиталистических, крайне сложен и запутан. Во многом он схоластичен, поскольку претендует на адекватное выражение в понятиях многогранный процесс возникновения нового. По большому счету, не существует родового отличия капитализма от нобиларизма. Капитализм – есть особая, высшая форма нобиларизма. И, естественно, выявление водораздела между ними имеет во многом конвенциональный характер. Значительно более фундаментальным вопросом является проблема закономерностей капитализма. Традиционный марксизм рассматривает появление капитализма как стадиально-формационную необходимость. Мы уже достаточно много писали об этой, по нашему мнению, порочной логике, поэтому отметим лишь одно. С традиционными марксистами трудно спорить по этому поводу, поскольку все существенные события прошлого они объявляют необходимыми. А так как эти события уже свершились, возникает видимость, что они действительно были необходимы. Но при более пристальном взгляде мы обнаруживаем многофакторность и альтернативность исторического процесса. И обнаружить в хаосе феноменов провиденциальную логику можно лишь привлекая метафизические сущности вроде «Мирового Духа» Гегеля или «Прогресса» марксистов.

Мы обнаруживаем, что нобиларные отношения достаточно высокого типа возникали не раз. Но постоянно они либо заходили в тупик, как это было в Риме, либо же оказывались неустойчивыми, как это было в Нововавилонском царстве и Карфагене. Тоже мы видим и на Западе. Нобиларные отношения не раз достигали высокой степени, но перманентно оказывались опрокинутыми, как это было с североитальянскими городами-коммунами или с Дубровником. И лишь уникальное стечение обстоятельств позволило нобиларизму Северо-Западной Европы достигнуть степени капитализма. Если бы это было не так, если бы капитализм был стадиально-

формационно необходим, то мы бы видели его повсеместное распространение в мире. В реальности же, местами мы обнаруживаем ту или иную форму нобиларизма, история которого насчитывает тысячелетия. Без всякого намека на дальнейшее развитие. И мы видим, что реально капитализм возник лишь в Северо-Западной Европе и лишь потом, как вихрь втянул в свою орбиту все остальные общества. Таковы факты и нет никакой научной необходимости привешивать к ним метафизические идеи.

Существует множество точек зрения на обстоятельства и причины возникновения капитализма. Обычно эти позиции абсолютизируют тот или иной фактор. Скорее всего, правы все. Необходимо лишь правильно распределить по степени важности все выявляемые моменты. И даже если это удастся, то необходимо помнить, что в итоге получится удачная интеллектуальная конструкция, которая лишь отчасти отражает многообразие реального процесса.

Помимо всего прочего, необходимо помнить, что западноевропейский феодализм сам по себе был уникальным явлением. А без него капитализм был бы невозможен.

Более того, как мы уже не раз отмечали, географический характер Западной Европы таков, что все социальные процессы последних трех тысяч лет имели достаточно необычный, почти уникальный характер. Западная Европа оказалась ретортой, в которой непрерывно возникали социальные новации. Но даже эти новации могли быть прерваны или обращены вспять при серии следующих одно за другим нашествий, подобных Великому переселению народов, которые могли быть вызваны климатическими изменениями в Азии.

Таким образом, мы видим, что нобиларные и раннекапиталистические структуры отличаются крайней уязвимостью и нестабильностью. Лишь в тот момент, когда Западному капитализму удалось опереться на созданную им же промышленную основу, эта нестабильность оказалась изжита. Капитализм принял необратимый характер. Фактически, промышленность является наиболее адекватной основой капиталистического способа производства. Капитализм оказывается социальной формой индустриального общества. И именно через него человечество втягивается в стадию индустриального производящего хозяйства.

Капитализм открывает эпоху социальных революций.

Эпоха социальных революций.

1. Становление капитализма есть переход от аграрного производящего хозяйства к индустриальному. Фактически, речь идет о смене стадий в качественном развитии общества. В результате этой смены аграрное общество начинает трансформироваться. Но проблема состоит в том, что эта трансформация лишена линейности и гармоничности. В различных регионах и исторических ситуациях она реализуется весьма своеобразно. В некоторых обществах опережающе формируются элиты, настроенные на модернизацию. Но базис, к несчастью, не соответствует их стремлению. В других обществах мы видим явственное формирование индустриальных структур, но им противостоит гигантский массив архаики. В результате чего, исход конфликта оказывается непредсказуемым. В третьих обществах мы обнаруживаем вторжение химерических идеологий, увлекающих модернизацию в сторону. В иных же случаях общество почти не продвинулось по пути модернизации, но зато прекрасно усвоило стандарты потребления индустриального общества. В результате подобной диффузии общество также накапливает деструктивные моменты и кренится к социальному взрыву.

Таким образом, при анализе эпохи революций необходимо рассматривать два блока проблем.

Во-первых, должно рассмотреть те страны, где капитализм возникает изначально и на собственной основе – это некоторые страны Запада. Здесь мы наблюдаем преимущественно буржуазные революции, хотя на феноменологическом уровне они могут выражаться как религиозный конфликт, национально-освободительное или антиколониальное движение.

Во-вторых, необходимо рассмотреть те страны, которые оказались, вовлечены в модернизацию воздействием на них уже сформировавшегося капиталистического «ядра». Поскольку капитализм по самой своей сути склонен к экспансии и глобализации, постольку все

остальные страны оказываются рано или поздно вовлечены в этот вихрь. И здесь необходимо выделить два момента этого вовлечения. Первый – это «давление» капитализма на всех «этажах» и уровнях. Второй – это соответствие «новому», привносимому капитализмом, попытка «выжить» в условиях его экспансии.

Относительно первого пункта мы уже много писали в разделе, посвященном социальным революциям. Здесь же подчеркнем лишь самый принципиальный момент. Буржуазная революция становится почти неизбежной в силу того, что новый способ производства оказывается рядоположенным старому способу производства – ситуация исключительная, почти не имеющая аналогов в предыдущей мировой истории. В результате вновь формирующиеся классы индустриального общества вынуждены сосуществовать со старыми аграрными элитами. В какой-то момент конфликт оказывается неизбежным.

Теперь же необходимо обратиться к ситуации второго порядка, то есть к странам, оказавшихся периферией мирового капиталистического ядра. Здесь положение вещей крайне запутанно и многообразно.

Мы полагаем, что революции в этом пространстве можно классифицировать таким порядком: буржуазные, антиколониальные, национально-освободительные, этнические. В качестве отдельного класса, необходимо выделить ситуации, которые по форме выглядят как социальная революция, но, по сути, являются социальным взрывом с непредсказуемым исходом, одним из вариантов которого может оказаться перманентная анархия или же даже «социорная катастрофа».

Характер революции мы определяем по целям и задачам, по движущим силам и по итогам. Хотя, не всегда здесь присутствует полнота. В ряде случаев, мы обнаруживаем, что, например, небуржуазный социальный слой преследует чисто модернизационные, буржуазные цели. (Классическим примером чего является революция Мэйдзи 1867 г.)

Буржуазные революции – это социальные перевороты, порождающие в итоге индустриальное, капиталистическое общество.

Здесь мы должны подчеркнуть, что для нас модернизация – эквивалент развитого капитализма. С фактической точки зрения такой взгляд не совсем корректен, поскольку в XX столетии модернизация часто

осуществляется в рамках индустрополитаризма. Но этот путь тупиковый, ибо он дает временный эффект, который в длительной перспективе оборачивается стагнацией и экономическим коллапсом. Мы хорошо осознаем, что множество ученых некапиталистического мира будут яростно отрицать этот непреложный, очевидный факт. Поскольку с нашей точки зрения делают они это под давлением ценностных установок, постольку мы не имеем возможности, противостоять этому. И тысячи объективных экономических анализов будут рассматриваться ими как предвзятые, политически ангажированные заказы.

Мы вновь и вновь должны отметить: характер социальной науки таков, что наша работа ориентирована на тех, кто в состоянии видеть объективную реальность и способен критически и творчески обращаться с социальной теорией.[95]

Таким образом, реальная модернизация может быть осуществлена лишь в рамках развитого капитализма. Именно эта форма в нынешней исторической перспективе оказывается наиболее эффективной, стабильной, перспективной и наиболее гармоничной. Модернизация в рамках индустрополитаризма есть тупик, поскольку он не жизнеспособен как форма современного индустриального общества. Он оказывается лишь гримасой, переходной формой, которая ведет либо к гибели, либо к капиталистической модернизации.

Антиколониальная революция – движение по преодолению колониального статуса.

Национально–освободительная революция связана с борьбой за национальное государство и национальные гражданские институты. Это движение может включать в себя различные этносы, что и отличает его от этнической революции, ориентированной на экономическую, политическую, социальную идентификацию этноса.

Это лишь абстрактная классификация, поскольку реальные движения часто включают в себя все вышеперечисленные моменты.

[95] Мы осознаем, что те же обвинения будут предъявлены и нам. Требование быть объективным и помнить о фактах – любимейший лозунг современных коммунистов. Таким образом, каждая из сторон, разделенных баррикадой, обладает своей очевидностью. Но мы доверяем нашей очевидности больше, по той простой причине, что мы осознаем зеркальность ситуации, а наши

Теперь же мы рассмотрим революции, которые по своей сути являются социальным взрывом. Этой теме мы вынуждены посвятить отдельный параграф, в силу того, что вопрос этот крайне сложен и запутан, но при этом он является принципиальным для понимания истории XX века.

Социальные взрывы.

Рациональное мышление по определению есть порядок. И оно стремится в изучаемом объекте так же обнаружить порядок. Отсюда проистекает представление социальных теоретиков о линейно прогрессирующем человечестве, законах истории, о социальных революциях, которые созревают, происходят, и завершаются, или не завершаются с тем, чтобы завершиться потом. Здесь много истины, но много и заблуждения, возникающего вследствие неоправданной проекции очевидностей разума на противостоящую ему реальность.

Это замечание уместно и по отношению к рассматриваемой здесь проблеме. Довольно часто процессы модернизации в обществах периферии не обретают законченной формы. Часто накопившиеся деструктивные моменты перевешивают силы порядка, и тогда приходит в движение вся масса продуктов разложения аграрного общества. Процесс, который первоначально мог иметь определенную форму становится неуправляемым и непредсказуемым. Он превращается в социальный взрыв.[96] Чаще всего итогом подобного взрыва становится перманентная анархия[97], либо же возникновение нового типа общества, которого никто в начале даже и не предполагал.

Хорошим примером подобных процессов могут служить движения, основанные на племенной или клановой основе. Здесь налицо очевидные социальные подвижки при отсутствии четко выраженных целей и задач, если, конечно, не считать таковыми властные потребности того или иного племени или клана.

оппоненты – нет, поскольку они склонны интерпретировать нашу позицию в терминах социально-политического заказа и реакционного заговора.

[96] По большому счету всякая революция является социальным взрывом. В этом отношении наш термин «социальный взрыв» не совсем корректен. Но, за неимением лучшего мы используем его с тем, чтобы отразить в нем аморфность, непредсказуемость, химеричность процессов подобного типа.

[97] Классическими примерами подобного рода могут служить события в ряде африканских стран.

Другим очень распространенным вариантом социального взрыва являются ситуации, когда всеобщее недовольство оказывается оформленным в рамках той или иной химерической идеологии. Именно к этой ситуации следует отнести так называемые религиозные, фашистские и социалистические революции.

Религиозные революции – социальный переворот, при котором всеобще недовольство не может быть оформлено в рамках той или иной тенденции модернизма и в итоге оно канализируется в форме религиозной идеологии, которая оказывается наиболее базовой для всех элементов разлагающегося аграрного общества. Вполне возможно, что религиозная революция оказывается, в том числе, и победой архаической, ксенофобной тенденции над потребностями модернизации. В итоге формируется теократическая система правления, которая замораживает все процессы в обществе в химерической надежде, что религиозная истина окажется универсальным ответом всем внешним и внутренним вызовам, которые возникают или могут возникнуть до конца времен.

Проблема фашистских революций чрезмерно раздута и политизирована. Фактически, пока можно говорить лишь о трех случаях фашизма. Это Италия Муссолини, Германия Гитлера и Испания Франко. Насколько эти режимы являются фашистскими? Фашизм – это движение, оформленное ярко выраженной абсолютистской утопической (химерической) идеологией, стремящееся достичь своих целей посредством тоталитарных средств. Главнейшее из них – создание тоталитарного (фактически, политарного) государства. В этом отношении ни франкистская Испания, ни Италия Муссолини не являются фашистскими в чистом виде.

Движение генерала Франко было реакцией на попытку левых захватить власть и провести радикальные реформы. При этом он использовал ряд средств современной ему политической борьбы. Какой-либо тоталитарной идеологии или попыток создания тоталитарного государства мы здесь не наблюдаем. Но Испания 30-хх гг. XX в. все равно подпадает под нашу классификацию, поскольку мы имеем дело с распадом традиционных структур «периферийного» общества с

последующей борьбой между движениями с ярко выраженной утопической идеологией.

Италия Муссолини может быть квалифицирована как подобный же случай. Общий кризис периферийного социора был заморожен посредством создания фашистского государства. Хотя степень тотальности этого государства долгое время оставалась очень низкой. Почти классическим случаем фашизма является Германия Гитлера. В результате Первой мировой войны Германия оказалась выбита из капиталистического ядра на периферию. Полное истощение ресурсов, огромные репарации, потеря колоний и части территории, целый комплекс ограничений экономического, финансового и военного характера привели к мощнейшему перманентному социально-экономическому и политическому кризису. Кроме того, хотя Германия, как и Россия, входила до Первой мировой войны в капиталистическое ядро, она не была до конца модернизирована. В ней сохранялось множество весьма специфических пережитков аграрного общества. Всё это в совокупности привело к мощнейшему социальному взрыву 20 – начала 30-хх гг. Соответственно, тенденция на окончательную модернизацию не смогла оформиться четко, и всё закончилось борьбой между двумя тоталитарными идеологиями, которые одинаково иллюзорно отражали реальные проблемы Германии. Победил фашизм. Ирония во многом состоит в том, что Гитлер собираясь законсервировать архаические элементы Германии, во многом их уничтожил. Окончательно же модернизация Германии, и формирование ее как современного индустриального общества завершилось лишь после Второй мировой войны.

Случай с Германией особенно любопытен. Как социор Германия к моменту фашистской революции существовала чуть более 50 лет. Она возникла как результат этнополитической революции. В этом отношении говорить об органичности осуществления процесса модернизации можно лишь отчасти. Германия оказалась конгломератом весьма неоднородных социально-экономических элементов. Здесь были районы, которые уже давно были модернизированы, и области, где этот процесс лишь начинался или осуществился отчасти. Германия не успела

ассимилировать последствия своей этнополитической революции, результатом чего явился социальный взрыв, вылившийся в фашистскую революцию. Хотя Гитлер и предпринял ряд шагов по завершению модернизации, но путь, который он избрал, фактически, оказался альтернативой капитализму.

Немецкий фашизм нельзя рассматривать как порождение, как орудие капитализма. В его социальной базе капиталистические собственники были лишь одним из элементов. Его поддержала часть пролетариата, масса люмпен-пролетариата, широкие средние слои, лишь отчасти вовлеченные в индустриальное общество и интеллигенция. Теперь невозможно обоснованно судить о том, во что вылился бы национал-социалистический эксперимент – к счастью он был недолог. Но, судя по всему, развитие шло бы в направлении повышения степени тотальности, развития государственного патернализма, сворачивания структур частной собственности. Мы полагаем, что в фашистской Германии активно формировался особый тип политаризма – индустрополитаризм.

Таким образом, мы видим, что в результате социального взрыва в Германии движение направилось не в сторону капиталистической модернизации, а по направлению к разрушению прежних структур и возникновения индустрополитаризма.

В этом отношении пример Германии показывает всю условность деления социоров на «ядро» и «периферию». Социор «ядра» можно определить как общество, полностью завершившее модернизацию,[98] и в силу этого, занимающее одно из центральных мест в мировой экономической системе. Дивиденды, которые оно получает в результате этого, позволяют ей успешно решать внутренние проблемы и быть одной из доминирующих сил на мировой арене. Социор «периферии» - это общество, вовлеченное в мировую капиталистическую систему, но в котором модернизация еще не началась, либо же только осуществляется.

Очевидно, что жесткой границы между социорами «ядра» и «периферии» нет. Все социоры находятся в различной степени приближения к ядру,

[98] Завершившаяся индустриализация, тотальное и органичное включение всех элементов общества в рыночную экономику, окончательная институциализация классовой структуры, что в итоге создает социально-экономическую базу для развитой демократии.

они могут достаточно быстро включаться в него, и внезапно выпадать из него. Соответственно, те закономерности «ядра» и «периферии», которые мы отмечаем, действуют в зависимости от степени удаленности социора от «ядра». Кроме того, отдельные регионы социора могут быть в различном отношении к «ядру». Так, например, Италия первой половины XX века определенно неоднородна: Север тяготеет к «ядру», Юг – к «периферии».

Вышеприведенные утверждения являются ключевыми для понимания сущности социалистического движения и социалистических революций.

Мы отталкиваемся от двух очевидных фактов.[99] Первый. Социалистическое движение на Западе возникает на ранней стадии капитализма, практически совпадая по времени с промышленной революцией, и идет на убыль, трансформируясь в профсоюзно-реформистское течение, с завершением процесса модернизации. Второй. Все социалистические революции произошли в обществах периферии.[100] Эти два факта позволяют нам утверждать, что социализм есть феномен становления индустриального, капиталистического общества. Те страны, в которых капитализм возник органично, на собственной основе переболели этой «болезнью» в той или иной степени. Те же страны, которые были вовлечены в модернизацию извне, либо же, имели существенные структурные дефекты, оказались во многом беззащитны перед социализмом (или же фашизмом). Таким образом, социалистическая революция порождается не капитализмом, а процессом перехода к нему.[101] Мы склонны рассматривать социалистическую

[99] Здесь мы предлагаем нашим коммунистическим оппонентам хотя бы на время выйти из контакта с будущим, которое, вне всякого сомнения, явит мировую победоносную пролетарскую революцию, которая и посрамит очевидность наших фактов, и войти, как и положено ученому в контакт с настоящим: строить теорию на фактах возможного будущего – ненаучно.

[100] Аргумент левых о «подкупе» пролетариата в развитых капиталистических странах мы уже обсудили выше. Но еще раз отметим, если получение сверхприбылей есть существенная черта развитого капитализма, то невозможность социалистической революции здесь также существенно. Следовательно, Маркс ошибался, полагая, что капитализм сущностно, неизбежно порождает социалистическую революцию. Социалистическую революцию вероятностно может породить не капитализм, а процесс перехода к нему.

[101] По сути, здесь мы говорим о капитализме как о стабильной общественной форме, которая раз установившись не склонна к разрушению в силу своей высокой адаптивности. В этом отношении вероятность социалистических революций в развитых капиталистических странах почти исключена. Этот тезис во многом обоснован прошлым и настоящим капитализма. Но мы не рискнули бы рассматривать его как абсолютную истину. Вполне можно представить в

революцию как одну из возможных форм канализации социального взрыва.

В начале книги мы обещали читателю социальный анализ марксизма, теперь пришло время исполнить это обещание.

Социалистические движения и социалистические революции.

Вновь напомним о двух очевиднейших фактах. Первый. Социалистическое движение на Западе возникает на ранней стадии капитализма, практически совпадая по времени с промышленной революцией, и идет на убыль, трансформируясь в профсоюзно-реформистское течение, с завершением процесса модернизации. Или, иначе говоря, социалистические движения возникают в большинстве стран переходящих от аграрной стадии к индустриальной, но в странах первоначального капитализма они оказываются достаточно скоро встроены в его систему. Второй. Все социалистические революции произошли в обществах периферии.

Соответственно, мы полагаем, что вопрос о социалистическом движении в западных обществах должен быть рассмотрен отдельно от проблемы социалистических революций, как вопрос, лишь отчасти связанный с ней.

I. **Социалистическое движение в странах первоначального капитализма**. Маркс был одним из основателей социологии знания, поскольку он чуть ли не первый выдвинул тезис о зависимости социальной теории от характера общества, в котором она возникает. Естественно, что как хороший ученый он не мог ограничиться рассуждениями о буржуазном характере современной ему науке, но и должен был задуматься о социальных основаниях собственной теории.

будущем ситуацию мощнейшего кризиса капитализма, вызванную самыми различными причинами. В этом случае течения типа фашизма, как предельной формы националистической идеологии, коммунизма, религиозного фундаментализма могут реанимироваться. Смогут ли они победить – это вопрос о степени стабильности и «непотопляемости» капиталистического общества.

Эти вопросы – плод футурологии, и мы как ученые не рискуем углубляться в эту область.

Маркс полагал: в середине XIX века капитализм достиг своей зрелой стадии и стал клониться к гибели. К этому же времени явственно выделился класс пролетариата, который и выступит в качестве главной социальной силы грядущего социалистического общества. Соответственно, марксизм есть идеология и теория, выражающая интересы пролетариата.

Внешне подобное суждение выглядит вполне солидно, впрочем, как и все суждения Маркса. Но нам оно представляется поверхностным и мифологическим.

Во-первых, Маркс совершенно некорректно описывает социальный механизм возникновения социалистической идеологии. Он признает, что идея социализма возникает первоначально в умах интеллигенции и специально ставит задачу – соединить социалистическую теорию с реальным пролетарским движением. Уже подобная постановка задачи совершенно опрокидывает марксово объяснение, поскольку высвечивает всю искусственность, неорганичность, неестественность ситуации. Мы не обнаруживаем подобных задач в буржуазном обществе. Здесь никто не ставит специальной задачи соединить буржуазную интеллигенцию с буржуазией. Все происходит очень естественно: интеллигенция рекрутируется из привилегированных классов и «обслуживает» буржуазное общество. Характер мотива тут очевиден. Интеллигент формируется в буржуазном обществе и естественно видит мир через призму этого общества.

Но что заставляет интеллигента отвратиться от буржуазного общества и пойти на службу пролетариату? Более того, там его никто не ждет. Интеллигент сначала должен объяснить пролетариату необходимость этой службы, поскольку пролетариат активно интересуется экономической борьбой с буржуазией, но не проявляет склонности к борьбе политической. Социалистическая литература наполнена жалобами теоретиков на то, что пролетариат, предоставленный самому себе, всецело сосредоточится на тред-юнионизме и не подумает отправиться на баррикады.[102]

[102] Даже в России при всей её политически нестабильной ситуации Ленин столкнулся с дефицитом политически активных рабочих. Он специально ставил задачу по поиску и

Кроме того, мы видим, что социалистический интеллигент – это выходец, за редким исключением из привилегированных классов. Так что же заставляет интеллигента отвратиться от буржуазного общества и пойти на службу пролетариату? Здесь вопрос либо корысти, либо же миссионизма. Некоторые противники марксизма ехидно обвиняли марксистов в приспособленчестве: ну как же, теоретически рассчитали, что пролетариат – это будущий господствующий класс и тотчас поспешили предложить ему свои услуги. Безусловно, это обвинение несправедливо. Большинство биографий социалистов свидетельствует о ярко выраженном миссианском мотиве их деятельности. Иначе говоря, потребность служения народу была почерпнута ими в книгах и университетах классового общества. Поскольку народ был слабо представлен в них, ответ на вопрос о причинах социалистического служения надо искать не в народе и не в пролетариате, а в характере европейской культуры. Об этом мы много и подробно писали выше, говоря о эгалитаристских идеях христианства[103], о дворянском социализме как реакции на становящееся буржуазное общество, о вечной склонности интеллигенции увлекаться миллионаристскими идеями и проектами совершенного общества.[104]

Во-вторых, объяснение Маркса не проходит и потому, что оно описывает лишь случай самого марксизма. Социалистическое движение Запада совершенно не исчерпывается одним лишь марксизмом.

Допустим, марксисты действительно научно вывели неизбежность и благотворность победы пролетариата и потому решили способствовать этому. Но другие социалисты подобных расчетов не имели. Но, тем не менее, они также хотели служить народу и пролетариату. К ним объяснение Маркса не подходит. Конечно, мы можем встать на точку зрения марксизма и рассматривать этих социалистов как «попутчиков» и вольных и невольных агентов мелкой и крупной буржуазии. Но если мы желаем остаться на позиции стороннего наблюдателя, то нам придется отказаться от марксистского объяснения и искать причины общие для

кооптированию их в партийные органы. Некоторый успех эта политика имела, но многие из них оказались агентами полиции.

[103] В странах ислама социализм не привился, либо же привился в форме национал-социализма.

всего социалистического движения. И, соответственно, предпочесть их для объяснения, в том числе и марксизма. И тем более, нам придется отказаться от некоего загадочного пролетарского «духа», который преодолевает все идеологические институты буржуазного общества и телепатическим образом проникает в умы интеллигенции этого общества, заставляя её служить делу социализма.

Таким образом, мы должны исследовать социальные основания социалистического и в том числе марксистского движения, пренебрегая рассуждениями на этот счет Маркса, но активно используя его метод анализа.

В социалистическом движении мы видим три социальных силы: интеллигенция, пролетариат и элементы разложения аграрного общества, которые марксисты традиционно обозначают как «мелкая буржуазия» и «люмпен-пролетариат».

Об интеллигенции уже было сказано достаточно, так что обратимся к двум остальным силам.

Пролетариат. Наибольшее развитие рабочее движение получило в XIX – первой половине XX века. Это время завершающего этапа формирования индустриального, капиталистического общества. Свершившаяся промышленная революция породила многочисленный класс индустриальных рабочих. Что во многом и заставило Маркса констатировать победу капиталистического способа производства. И он был прав. Но, к сожалению, ни буржуазия, ни исторический процесс не приняли это заявление Маркса к сведению. Победа капиталистического способа производства еще не означает, что он представлен в развернутом, сущностном виде. И в частности, появление на сцене пролетариата вовсе не означало, что буржуазия поспешит тотчас предоставить ему его законное место, то есть место, обусловленное сущностью капиталистического способа производства. Здесь мы не впадаем в метафизические грезы старых марксистов, говоря об осуществлении предначертанного (необходимого). Нет, мы лишь констатируем сущностные черты этого способа производства. 1.

[104] Это мы наблюдаем уже в античности в течениях пифагорейцев и платоников.

Пролетариат самый многочисленный и в силу этого достаточно весомый класс буржуазного общества. 2. Без работы пролетариата буржуазное общество парализуется. 3. Капитализм по определению тяготеет к демократии, а демократия позволяет пролетариату политически реализовать свои интересы. 4. Капитализм с неизбежностью предполагает научно-технический прогресс, а значит и повышение квалификации труда, что влечет за собой принципиальное улучшение положения в обществе.

Соответственно, за моментом возникновения пролетариата с неизбежностью следует длительный период времени, в течение которого, пролетариат борется и обретает «законное место», обусловленное вышеприведенными факторами. И, действительно, в течении XIX – начала XX века мы видим интенсивную борьбу пролетариата на экономическом и политическом «фронтах». Но это не борьба за социализм, а борьба за лучшие условия труда и возможность получить «политический голос» с тем, чтобы сделать экономическую борьбу более эффективной. Вполне естественно, что в этой ситуации социалистическая идеология оказывается вполне эффективным оружием. Но поскольку пролетариат борется не за социализм, а за лучшее экономическое, социальное, политическое, культурное положение, постольку, как только он достигает этого, его приверженность социалистической идеологии резко ослабевает. Именно это и случилось в конце XIX – начале XX века, и породило многочисленные вопли и сетования социалистических теоретиков и партийных функционеров о «подкупленном» пролетариате, о «рабочей аристократии», обуржуазивании пролетариата. И ныне мы видим, что в развитых капиталистических странах социалистические движения, ставящие своей задачей, разрушение буржуазного общества рекрутируют в свои ряды не столько рабочих, сколько интеллигенцию.

Итак, зрелое капиталистическое общество второй половины XX века («общество всеобщего благоденствия», социальное государство) с окончательно устоявшейся классовой структурой есть плод усилий не только буржуазии, но и пролетариата. В этом отношении он также не заинтересован в разрушении его, как и буржуазия. Все конфликты между

пролетариатом и буржуазией есть борьба за перераспределение власти и доходов.

Таким образом, марксизм есть идеология, созданная и поддерживаемая антибуржуазно настроенной интеллигенцией, и временно воспринятая становящимся пролетариатом.[105] Завершение институционального становления пролетариата как полноправного элемента капиталистического общества означает отказ его от данной революционной идеологии.

Элементы разложения аграрного общества. Под ними мы подразумеваем мелких собственников, не охваченных капиталистическими отношениями сфер общества, и люмпен-пролетариат. Марксисты всегда признавали наличие этих элементов в социалистическом движении и всегда преуменьшали их реальный вес и роль. В различные моменты времени их удельный вес менялся, но всегда был достаточно значительным.

При переходе от аграрного к индустриальному обществу наблюдается тенденция к радикализации мелких собственников. Поскольку процесс ассимиляции их капитализмом оказывается весьма болезненным. Их массовое разорение поставляет всё новые ряды для люмпен-пролетариата, который также в это время становится весьма многочисленным и беспокойным. В результате эти слои оказываются неисчерпаемым источником, как для коммунизма, так и для фашизма. Не случайно А. Гитлер в свое время заметил, что как только в Германии исчезнет национал-социалистическая партия, тотчас появится 10 миллионов коммунистов.

Соответственно, завершившийся процесс модернизации ассимилировал эти слои или, по крайней мере, создал механизмы их адаптации. Это другая причина спада социалистического движения.

II. **Социалистические революции**. Как мы уже отмечали, модернизация и становление капитализма в обществах периферии имели внешне-принудительный характер. Иными словами, модернизация и капитализм

[105] Весьма характерно, что наиболее передовой отряд пролетариата – английские рабочие так никогда и не восприняли марксизм. Здесь вопрос о революции никогда не ставился, при всей интенсивности классовых битв.

не были итогом естественного внутреннего развития, но были спровоцированы различными внешними факторами, а именно: 1. вовлечение национального хозяйства в международный рынок; 2. военно-политическое давление со стороны капиталистических стран; 3. потребность выжить в мире, где доминируют эти страны; 4. экспорт идей, людей, структур, потребностей.

Соответственно, капитализм здесь оказывается незрелым, он не имеет всеобщего распространения, а существует как инородно-инкорпорированное тело, в результате чего он оказывается либо компрадорским, либо же искусственным инструментом в руках местных архаических элит. В итоге, привнесенный извне капитализм оказывается не в силах переработать всю массу местной архаики, он не только не решает проблемы разлагающегося аграрного общества, но и значительно усугубляет их. При этом как включение чужеродное и новое, он концентрирует на себе общественное внимание и выступает в мифах массового сознания как главный источник всех социальных бед. В этой ситуации социалистическая идеология (также, кстати, импортированная извне) может выступить как фактор, оформляющий и канализирующий всеобщее недовольство. Отсюда многочисленные теории местных интеллектуалов о возможности избежать капитализма посредством прыжка через него прямо в лоно будущей сверхсовременной социалистической цивилизации, о крестьянстве, как движущей силы социалистической революции. Более того, весьма характерным является то, что социализм привился в обществах, имеющих древнюю политарную традицию, и как неоднократно было замечено, здесь он оказывался идеологией осуществления модернизации политарными методами.

Таким образом, социализм на периферии был идеологией, иллюзорно выражающей все трудности и противоречия разлагающегося аграрного общества. Соответственно, и социалистические революции здесь не были движением к некоему обществу будущего, а оказывались одной из форм «социального взрыва» с последующими попытками преодолеть его посредством создания индустрополитаризма. Ниже в главе посвященной русской истории мы рассмотрим эти процессы более детально. Здесь же

в итоге отметим, что в отличие от Запада потенциал социалистической идеологии в обществах периферии отнюдь не исчерпан. На данный момент эта идея дискредитирована, катастрофическим крахом уже созданных так называемых социалистических государств. Но по прошествии некоторого времени эта идеология может оказаться привлекательной вновь, поскольку еще множество стран находятся лишь на пути к индустриальному обществу. Если кого-то подобная перспектива может наполнить воодушевлением и энтузиазмом, то мы можем с сожалением искренне пожелать ему оказаться подданным страны «победившего социализма».[106]

Подводя итог нашему социальному анализу социалистического движения, мы, отчасти резюмируя, а, отчасти, дополняя, хотели бы отметить следующее. Индустриальное общество и капитализм порождают три мощнейшие силы: массы, интеллигенция, «современное» государство.

Массы. Индустриальное общество создает объективные условия для мощнейшего «демографического взрыва»: урбанизация, гигантское товарное производство, поставляющее средства для существования масс, улучшение условий жизни, востребованность масс индустриальным обществом. Если капиталистическое общество развито и стабильно, то массы оказываются здесь институализированным элементом данного социального порядка. Но неразвитость или кризисное состояние капитализма резко ухудшают положение масс и в итоге революционизируют их. В этом состоянии массы оказываются крайне восприимчивы к тоталитарным идеологиям типа социализма, фашизма или религиозного фундаментализма. Она оказывается тем большей, так как тот же капитализм создает предпосылки всеобщего образования.

[106] Наша ирония тщетна, поскольку в случае исполнения этого пожелания маловероятно чтобы коммунист, оказавшись в обществе всеобщего дефицита, тотального насилия власти над умом и телом человека, всеобщего угодничества и лицемерия, хлопнул себя по лбу и воскликнул: «Ведь предупреждали меня умные люди!». Нет, эта публика непробиваемая! Ситуация воспроизводилась бесконечное множество раз, и всегда коммунист оказавшийся в застенках коммунистической тайной полиции сетовал не на безумие своих идей, а на то, что буржуазные агенты снова проникли в ряды и извратили великое движение.

Иными словами, массы оказываются способными воспринять и реализовать абстрактные идеи этих радикальных идеологий.

Интеллигенция. В индустриальном обществе интеллигенция становится таким же самостоятельным классом, как и пролетариат и буржуазия. Она занимает четко определенное место в общественном разделении труда – производство информации; она лишена собственности на средства производства - она не обладает капиталом; её доля в общественном богатстве выше, чем доля пролетариата, но существенно меньше, чем доля буржуазии. Все эти три фактора потенциально революционизируют интеллигенцию: идеи волнуют, отсутствие капитала провоцирует, доля – раздражает. По этому поводу очень точно высказался Р. Пайпс: «Интеллигенция может процветать только в обществах, освободившихся от сословных привилегий, с равноправным гражданством, таких, как образовавшиеся в новейшее время на Западе, но именно эти общества ставят интеллигентов в двусмысленное положение. Пользуясь огромным влиянием на общественное мнение, социально они стоят на обочине, не обладая ни богатством, ни политической властью. Добрая часть их составляет интеллектуальный пролетариат, который едва сводит концы с концами: даже самые удачливые из них не имеют веса в экономическом и политическом смысле и часто вынуждены играть роль наемных ораторов правящей элиты. В таком унизительном положении вдвойне обидно находиться тем, кто считает себя заслуживающими всех прерогатив власти более, чем те, кто ими пользуется в действительности – по праву рождения или богатства….в каком-то смысле интеллигенции было проще приспособиться к прежнему обществу, где её социальный статус был прочно закреплен традицией и законом, чем к изменчивому миру капитала и демократии новейших времен, где, за неимением денег и общественного положения, они ощущают свою униженность».[107] Даже в стабильном капиталистическом обществе интеллигенция неисчерпаемый источник для радикальных политических движений. Во время же кризиса она – одна из главных движущих сил политической активности. В этот момент революционизированные массы и

[107] Пайпс Р. «Русская революция», М., РОССПЭН 1994. С. 150-151

интеллигенция находят друг друга. Марксизм – это одна из интеллигентских идеологий созданная для организации и управления массами.

Высшим пиком организации и управления массами является политизированное, тоталитарное государство.

«Современное» государство. Государство – древнейший институт. Но лишь индустриальное общество создает новый тип государства. Для него характерна суперцентрализация, обслуживаемая массой служащих, обеспечивающая повсеместное присутствие государства, наличие постоянного, регулярного аппарата принуждения, развитая система образования, разветвленная система коммуникаций. В итоге этот тип государства способен осуществлять масштабные проекты по социальной инженерии. Соответственно, для интеллигенции, овладевшей массами, государство оказывается главным средством реализации своих радикальных идей.

Марксизм – это одна из интеллигентских идеологий созданная для организации и управления массами в рамках тотального государства.

Таким образом, поскольку все три силы постоянно присутствуют в индустриальных или становящихся индустриальных обществах, постольку время от времени в моменты кризиса все эти три элемента соединяются во взрывоопасную смесь, которая часто порождает тоталитарные общества социалистического, фашистского или религиозно-фундаменталистского типа.

Выше мы писали, что социализм есть не болезнь капитализма, а болезнь перехода к капитализму. Это справедливо, если воспринимать капитализм как стабильное общество. Основания к этому есть, поскольку развитые капиталистические страны в последние несколько столетий являют удивительную способность творчески разрешать все возникающие в них кризисные проблемы. Но у нас нет возможности абсолютно твердо утверждать, что эта способность есть существенная черта, а не следствие счастливого стечения обстоятельств. В этом отношении, если развитой капитализм не есть синоним стабильного общества, то тогда можно предположить, что он хронически чреват

тоталитарными катастрофами, поскольку силы, реализующие эти катастрофы, всегда латентно присутствуют в нем.

Становление Современности.

Традиционно историки и социальные теоретики подразумевают под Современностью (Новейшее время) эпоху начавшуюся после окончания Первой мировой войны (так называемой Большой войны). Если же рассматривать с точки зрения сущности процессов, то Современность оказывается тождественной сложившемуся индустриальному обществу. В этом отношении мы можем говорить о Современности как времени начинающему отсчет с момента окончания Второй мировой войны.

Но и эти суждения требуют существенных оговорок. Так, например, индустриальное общество в Великобритании и США сложилось уже к концу XIX века. В западных же странах в целом, лишь во второй половине XX века. Если же брать мир в целом, то индустриальное общество находится лишь в стадии становления. Таким образом, с учетом этих оговорок, наверное, лучше говорить о последних полутораста лет как о времени становления Современности.

Ведущей тенденцией этой эпохи является формирование индустриального общества на Западе и втягивание в его орбиту обществ периферии. Как мы видим, этот процесс глубоко разбалансирован: кризисы рождения индустриального общества в «ядре» и на «периферии» отягощаются кризисами взаимодействия «ядра» и «периферии». Этот процесс сопровождается серией империалистических войн, окончательным формированием и скорым крахом системы колониализма, возникновением индустрополитарных обществ с их претензией на мировое господство, взрывом национализма и религиозного фундаментализма.

К концу XX века многим теоретикам казалось, что, наконец, эпоха потрясений завершилась, история закончилась и теперь человечество, возглавляемое передовыми Западными странами, двинется по пути линейного, гармоничного прогресса. Эти упования были, прежде всего, связаны с окончанием «холодной войны». Но первое же десятилетие

«новой эры» показали, что никакой «новой эры» нет – нестабильность приобрела лишь иные формы. И это неудивительно, поскольку центральный процесс нашей эпохи – становление мирового индустриального общества – не только не завершен, но лишь разворачивается в своих основных сущностных чертах. В этом отношении будущее, скорее всего, нам готовит не только новые формы конфликтов, кризисов и потрясений, но и «второе издание» прежних сюжетов, которые, казалось бы, уже принадлежат истории.

Например, в ближайшее время никто не ожидает масштабных империалистических войн. Они, действительно, маловероятны в ситуации мирового порядка, поддерживаемого лидирующим положением развитых капиталистических стран, и базирующихся на этой основе международных органов, возглавляемых США как «мирового жандарма». Но экономический центр может переместиться, или США могут экономически надорваться, или может возникнуть новый мощный экономический, а значит и политический центр силы, или всё это может произойти одновременно – и тогда весь ныне существующий мировой порядок рухнет в бездну. В этом хаосе могут разгореться новые империалистические войны, развиться новые социальные и политические кризисы, возникнуть иные сверхдержавы.

Всё это очень похоже на то, о чем часто пишут коммунистические духовидцы. С той лишь разницей, что они вожделеют этот хаос, собираясь в нем поймать свою «коммунистическую рыбку». Что же еще ждать от радикальных интеллектуалов, не имеющих собственности, но имеющих идеалы? Нас же эта перспектива отнюдь не радует. Трезвому историческому уму трудно поверить в то, что подобный хаос может поспособствовать возникновению идеального общества. Конечно, интеллигент знает, как должно быть и он в ужасе от того, как всё происходит. Его невротическая тревога заставляет думать, что если всё не будет приведено в должное состояние, то человечество погибнет. Это лейтмотив многих интеллигентских писаний последних нескольких тысяч лет.[108] В качестве альтернативы предлагается коммунистическое

[108] Еще в XX веке до н. э. древнеегипетский жрец жаловался, что наш мир достиг критической стадии, дети больше не слушаются своих родителей, видимо, конец мира уже не очень далек.

общество, которое единственное может спасти человечество. Это похоже на истерические заклинания: либо капитализму будет положен предел, либо человечество погибнет. При этом как-то неосознанно предполагается, что человечество погибнуть не может, а если всё же и погибнет, то грош цена этому человечеству, которое не смогло соответствовать высоким моралистическим ожиданиям наших теоретиков.[109]

Мы не против торжества идеального общества. Лишь злонамеренный человек будет возражать против него. Но это не значит, что мы склонны приветствовать иллюзорные нереалистические прожекты. В исторической данности у нас есть ряд экспериментов над обществом предпринятых в социалистических странах. Они закончились в разной степени катастрофически. Выше мы уже показали, что это не было случайностью. Так называемый реальный социализм порождает беды и потери во много раз большие, чем капитализм. Реальные проблемы современного общества – экологический кризис, социальное неравенство, эксплуатация, войны и насилие – не только не будут разрешены этим типом общества, но будут еще более усугублены. Таковы факты. Конечно, можно говорить, что лишь стечение злых обстоятельств провалили это благое дело и необходимо попробовать еще раз. Но странным образом, те же самые люди, которые призывают нас вновь и вновь строить «царство Божье» на земле, невзирая на провал предыдущих попыток, в личной жизни проявили бы большую осторожность, и, став жертвой обанкротившегося коммерческого проекта, не рискнули бы пожертвовать последним, чтобы вновь войти в него.

Мы ни в коей мере не собираемся представлять капитализм как уже осуществившееся идеальное общество. Это крайне плохая схема, когда мы вынуждены бороться либо за идеальный капитализм, либо за идеальный социализм. В эту борьбу нас постоянно втягивают теоретики полагающие, что к истории можно подходить с моральным мерилом. Но,

[109] Забавно, как схож ход мыслей двух антагонистических направлений интеллигентского радикализма. Ведь и А. Гитлер сетовал на немцев и говорил, что если Германия не сможет выполнить свою историческую миссию, то она должна погибнуть.

к сожалению, история человечества абсурдна. Иными словами, она мало соответствует нашим представлениям о рациональном, моральном, эстетическом. Капитализм может похвастаться достижениями, которые вызывают энтузиазм у многих современников: это и рост благосостояния, это и развитие демократии, и освобождение женщины и невиданный расцвет науки и искусства и т.д. И тот же капитализм породил множество чудовищных преступлений и несправедливостей, впрочем, как и все остальные типы общества. В этом отношении, он лишь отчасти, может быть подвергнут суду, поскольку как отмечают сами марксисты, капитализм – это царство стихийности. В то время как все преступления социализма должны быть оценены по достоинству, поскольку социализм – так, по крайней мере, заявлено в проекте, - это царство осознанной, дееспособной свободы. Но, впрочем, это как раз пример негодного моралистического подхода к истории.

В реальности же мы видим, что на данный момент времени капитализм наиболее эффективная, жизнеспособная социальная форма. И она очень привлекательна для многих живущих ныне на земле – они голосуют за неё ногами. И нам остается лишь надеяться, что все положительные стороны капитализма со временем будут усилены, а отрицательные стороны, по возможности минимизированы.

На этом пути адекватная социальная теория оказывается весьма полезной. В этом отношении политическая доктрина марксизма должна быть преодолена, а его социальная теория сохранена и приведена в соответствие с современностью.

Здесь, мы полагаем, что наш очерк социальной теории марксизма завершен. Мы не считаем, что он окончательно исчерпывает все проблемы этой области. Мы хотели лишь обозначить их и обрисовать возможные способы их решения. Авторы выражают надежду, что их небольшая работа послужит дополнительным стимулом к дискуссии в этой теоретической области.

Далее следует приложение, в которое включены два текста. Один из них – «Размышление о русской истории». Мы посчитали полезным на примере русской истории продемонстрировать эвристический потенциал

нашей реформированной версии марксизма. Кроме того, авторы не смогли преодолеть соблазна высказаться, относительно истории их отечества.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О РУССКОЙ ИСТОРИИ

Введение

Мы – я и Д. Е. Краснянский – намеренно отнесли данный раздел в конец нашей книги. К тому было две причины.

Первая - разумно сначала рассмотреть общие вопросы и общий ход истории, и уж затем обратиться к истории частной, в данном случае – к истории России.

Конечно, вполне можно было бы обойтись и без рассмотрения русской истории, ведь тема книги – марксизм. Но мы все же сочли полезным и необходимым высказаться на этот счет. И дело не только в том, что авторы – россияне. Хотя и одного этого уже вполне достаточно для привилегии отяготить наш текст размышлением о русской истории. История России неизмеримо важна для понимания феномена марксизма, ибо здесь был предпринят первый проект практической реализации марксистской политической доктрины. И обстоятельства и следствия этой реализации постоянной используются различными теоретиками для защиты или критики марксизма.

Несколько забегая вперед, я должен заявить, что история СССР – блестящее опровержение политической доктрины марксизма, и столь же блестящее подтверждение его социологической теории.

Вторая причина – мы предвидели, сколь опасна данная тема. Множество читателей не смогут оставаться спокойными, видя, как мы извращаем факты, фальсифицируем историю, обливаем грязью родину, продаемся заокеанским

князьям тьмы. Конечно, ничего подобного мы не собираемся делать. Но именно так многие и воспримут наш текст. Именно поэтому, мы и отнесли его в конец книги, с тем, чтобы читатель мог более спокойно и беспристрастно отнестись к ее теоретической части.

Кроме того, я счел полезным предварить собственно рассмотрение русской истории некоторым введением, в котором хотел бы обсудить проблемы изучения этой истории.

А проблемы здесь есть. Очень серьезные проблемы.

Я – не историк, и тем более не специалист по русской истории. Время от времени я читал научные тексты на этот счет, но лишь недавно систематически обратился к этой теме. И первое, с чем я столкнулся – печальное положение отечественной исторической науки: громадный фактический материал, собранный за последние несколько столетий, втиснут в убогие рамки нескольких теоретических схем, навязанных не столько самим этим материалом, сколько политической волей или ценностными предпочтениями. Более того, часто политический или ценностный интерес провоцирует многочисленные умолчания и искажения. И эти умолчания и искажения относятся не только к новейшей истории России, но и к древности. Так, например, крупнейший советский историк Б.А. Рыбаков трактует дань, выплачиваемую вятичами и радимичами хазарам как ежегодную уплату за провоз товара, по ходу замечая, о недоступности лесных племен хазарам.[110] О других же племенах и вовсе не упоминает. В итоге складывается весьма лестное представление об изначальной независимости славян от хазарского каганата и подтверждается сомнительное утверждение Рыбакова о очень раннем возникновении русского государства. Но первое же обращение к источникам, опровергает Рыбакова: «Идее Олег на северяне, и победи северяны, и възложи на нъ дань легъку, и не дасть им козаром дани платити, рек: «Аз им противен, а вам не чему».[111] «…посла к радимичем, ръка: «Кому дань даете?». Они же реша: «Козарам». И рече им Олег: «Не дайте козаром, но мне дайте». И въдаша

[110] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: 1993. С. 257, 283.
[111] ПВЛ. М.: Л., 1950. Ч. 1. С. 20. // Цитировано по Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: 1996. С. 372.

Ольгови по щълягу, яко и козаром даяху».[112] «В. Н. Татищев сообщает о покорении радимичей с некоторыми подробностями, отсутствующими в Повести временных лет: «Послал Олег к родимичем, глаголя: «Кому дань даете?». Они же отвесчаша: «Даем козаром». И рече им Олег: «Не давайте козаром, но мне; ежели ж козары на вас придут, аз вас обороню». И они дали Ольгу по шлягу от плуга, яко же и козаром давали».[113]

Как видим, речь не идет о выплатах за провоз товара, поскольку Олег мог защитить славян от нападения, но не властен был освободить их от таможенных пошлин в хазарском каганате.

Книга Рыбакова наполнена умозрениями и искажениями. А ведь это – официальное лицо советской науки.

В этом отношении весьма характерен ответ одного историка. Когда я обнаружил массу вопиющих ляпов у Рыбакова по норманнской проблеме, обратившись за информацией к курсу истории Ключевского, я спросил знакомого историка: «Так кому же верить?» «Конечно, Ключевскому!» - отвечал он. Это очень плохой признак для отечественной исторической науки: более достоверным оказывается историк второй половины XIX в. – начала XX века. В здоровой науке все обстоит прямо наоборот.

Фактически, за исключением нескольких десятилетий, российская историческая наука не могла развиваться свободно. Она с самого своего возникновения подвергалась мощнейшему давлению власти. В итоге – многое, слишком многое должно быть пересмотрено и изменено. Но, судя по всему, это возрождение состоится не скоро. Молодые историки воспитаны старыми «зубрами», которые не склонны что-либо менять. И часто попытки отойти от старых схем воспринимаются как бунт против власть имущих в науке. А такой бунт может крайне затруднить научную карьеру. Всякий, кто знаком с нынешними нравами академической среды, знает, сколь пышным цветом здесь цветет местничество, патернализм и кумовство.

Воспитанники этой среды достойны своих учителей. Вот еще один пример. Разговорился с молодым историком об использовании истории в целях патриотического воспитания молодежи. Он настаивал на том, что русские

[112] ПВЛ. М.: Л., 1950. Ч. 1. С. 20. // Цитировано по Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: 1996. С. 372

[113] Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: 1996. С. 372

всегда были горячими патриотами. Я усомнился в этом и упомянул, что и в первую мировую войну, и во вторую, Россия лидировала по количеству сдавшихся в плен – этот точный показатель хорошо характеризует уровень патриотизма. Историк уличил меня в незнании истории первой мировой войны, утверждая, что большинство сдалось в плен в конце войны из-за кризиса российского государства. Я несколько растерялся и попросил его предоставить мне цифры. По прошествии нескольких недель, не дождавшись цифр, я сам обратился к литературе и обнаружил, что в первую мировую войну 2 400 000 русских солдат оказалось в плену. Большая часть из них была пленена в первую половину войны. Например, с мая по сентябрь 1915 г. русская армия потеряла 976 000 пленных. Для сравнения:

В 1914 году в русской действующей армии было 3 341 000 солдат. Пленными потеряли: Германия – 617 922; Австро-Венгрия – 2 220 000; Франция – 446 000; Англия -192 000.[114]

Как видите, с фактами и историей оказался не в ладах профессиональный историк. Но самое интересное впереди. К радости от собственной правоты у меня примешивалось беспокойство: как сказать историку, что его посрамил в знании истории философ? Как-то неудобно. Но мучения мои были напрасны. Наш историк спокойно выслушал мое сообщение, улыбнулся и ответил: «А Вы, Сергей Никитович, все равно не правы!»

- «Но, позвольте, а как же цифры?!»

- «Ну, что цифры?! Все равно не правы!»

И ныне он ходит довольный собой и пеняет мне за мой субъективный, предвзятый взгляд на историю России.

И это не единичный случай – это правило. Так что, если вы собираетесь ознакомиться с русской историей в ее аутентичности, то вам придется самому проводить расследование - имея дело с обобщающими трудами по этому предмету, никогда нельзя поручиться, что перед вами не очередной миф.

В этом отношении вполне уместен вопрос: «Отчего же столь плачевно положение отечественной исторической науки?

Я позволю себе высказать ряд соображений на этот счет.

---

[114] Пушкарев С.Г. Россия 1801-1917 гг.: власть и общество. М.: 2001. С. 577, 582, 585-586.

1. Историческая наука в России почти никогда не была свободна от мощнейшего полицейского давления. Это очевидно и общеизвестно. Посему говорить об этом здесь нет смысла.

2. Ментальность. Наука – это не плод хитрого ума, которым может пользоваться, и который может свободно развивать любое общество. Наука – необходимое порождение западного общества, его структуры, его потребностей и его менталитета. Пересадка науки на иную почву возможна, но она будет тем более успешна, чем более модернизирована данная страна. Наука прижилась в России в той мере, в какой здесь удалось провести «западные» преобразования. Но они не полны и не радикальны. И если их еще хватает для процветания естественной науки, то их явно не достаточно для процветания наук социальных. Помимо всего прочего, здесь ряд установок ментального характера оказывает парализующее воздействие на социальную мысль. Это монологизм мышления, сильнейшая ориентация на ценности религиозного, политического и национального характера, мышление в стиле подданного деспотического государства со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде ксенофобии; равнодушия к человеческой жизни; милитаризованного сознания; слияния своего Я с государственным целым и т. д.

Все перечисленные выше черты мышления отчасти свойственны и некоторым представителям западной науки, но в России они обостряются чрезмерно. Здесь большинство гуманитариев оказывается зараженными так называемым «патриотическим» духом. Горячая же любовь к родине является прекрасным мотивом для поиска исторической истины, но – большим препятствием для её обнаружения.[115]

Феноменология русской жизни

Ныне мало найдется россиян, которые были бы полностью довольны положением дел в своем Отечестве. Многие из них винят во всем большевистский эксперимент, который уничтожил исконную Россию и насадил

[115] Введение написано С. Н. Чухлебом.

здесь чуждые порядки, обернувшиеся неисчислимыми бедами. Но тот, кто обратится к прошлому России, с изумлением обнаружит: то, что ныне воспринимается, как пагубные явления последнего века в действительности имеет давнюю историю и обнаруживается и в XIX, и в XVIII, и в более ранних веках. Это особенно бросается в глаза при чтении записок иностранцев посетивших Россию. Они, причастные к другой культуре, замечают многое из того, на что не обращают внимание отечественные авторы в силу привычности, «естественности» для них российской повседневности. Эта повседневность оказывается для них естественным фоном, не предполагающим альтернативы. Результат такого чтения – очевиднейший вывод – большевизм – это не случайность, а квинтэссенция российской цивилизации. Многое из того, что мы привыкли связывать лишь с советской и постсоветской Россией, обнаруживается и пятьсот лет тому назад. Иными словами феноменология русской жизни не меняется. Для иллюстрации этого тезиса мы позволили себе привести подборку цитат, извлеченных из записок иностранцев посетивших Москву.[116]

«Что касается до простого народа…..у него беспрестанно отнимают и бодрость духа и деньги…...иногда под предлогом какого-нибудь предприятия для общественного благосостояния, а иногда вовсе даже не ссылаясь ни на какую потребность в пользу государства или царя»[117].

«….Не препятствовать насилию, поборам и всякого рода взяткам, которым князья, дьяки и другие должностные лица подвергают простой народ в областях, но дозволять им все это до окончания срока их службы, пока они совершенно насытятся; потом поставить их на правеж (или под кнут) за их действия и вымучить из них всю или большую часть добычи (как мёд высасывается пчелою), награбленной ими у простого народа, и обратить её в царскую казну, никогда, впрочем, не возвращая ничего настоящему владельцу как бы ни была велика или очевидна нанесенная ему обида….Показывать иногда публичный пример строгости над должностными лицами (грабившими

[116] Нас могут упрекнуть в том, что здесь мы сосредоточились на отрицательных сторонах русской жизни, но, во-первых, эти моменты оказываются продолжением того, что многие воспринимают как глубоко положительные явления: сильное государство, патернализм, всеобщее равенство в бедности, тенденция к автаркии, возможность насладиться зрелищем падения и унижения сильных мира сего и т.д., а , во-вторых, перефразируя Льва Толстого, можно сказать, что все общества счастливы одинаково, и несчастны каждое по-своему.

народ), если кто из них особенно сделается известным с худой стороны, дабы могли думать, что царь негодует на притеснения, делаемые народу, и таким образом, сваливать всю вину на дурные свойства его чиновников»[118].

«Если же у кого и есть, какая собственность, то старается он скрыть её, сколько может, иногда отдавая в монастырь, а, иногда зарывая в землю и в лесу, как обыкновенно делают при нашествии неприятельском. Этот страх простирается в них до того, что весьма часто можно заметить, как они пугаются, когда кто-то из бояр или дворян узнает о товаре, который они намерены продать. Я нередко видал, как они, разложа товар свой…...всё оглядывались и смотрели на двери, как люди, которые боятся, чтоб их не настиг и не захватил какой-нибудь неприятель. Когда я спросил их, для чего они это делали, то узнал, что они сомневались, не было ли в числе посетителей какого-нибудь из царских дворян или какого сына боярского, и чтоб они не пришли со своими сообщниками и не взяли у них насильно весь товар. Вот почему народ…..предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем более, кроме дневного пропитания»[119].

«…..им не дозволяют путешествовать, чтобы они не научились чему-нибудь в чужих краях и не ознакомились с их обычаями. Вы редко встретите русского путешественника, разве только с посланником или беглого; но бежать отсюда очень трудно, потому что все границы охраняются чрезвычайно бдительно, а наказание за подобную попытку, в случае, если поймают виновного, есть смертная казнь и конфискация всего имущества»[120].

То же отмечает и Ричард Пайпс в книге «Россия при старом режиме»:

«Никому не было дано ускользнуть от этой системы. Государственные границы были наглухо запечатаны. На каждой ведущей за границу столбовой дороге стояли заставы, поворачивавшие назад путешественников, не имевших специальных проездных грамот, получить которые можно было, лишь обратившись с челобитной к царю. Купец, каким то образом пробравшийся за границу без такой грамоты, наказывался конфискацией имущества, а

---

[117] Дж. Флетчер «О государстве Русском».// В кн. Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 52

[118] Дж. Флетчер «О государстве Русском».// В кн. Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 61

[119] Дж. Флетчер «О государстве Русском».// В кн. Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 67-68. Сразу вспоминаешь о поборах и вымогательствах представителей власти в современной России.

[120] Там же. С. 69. Напомним, что границу в России действительно открыли лишь в конце XX века.

родственники его подвергались пытке, чтобы вынудить у них причину его отъезда, и затем ссылались в Сибирь. По Уложению 1649 г., россиян, уехавших за границу без позволения, а по возвращении разоблаченных в том по доносу, следовало допросить о причинах поездки; изобличенные в государственной измене подлежали казни, а уезжавшие заработать наказывались кнутом. Главной причиной этих драконовских мер было опасение потерять служилых людей и источник дохода. Опыт показывает, что, познакомившись с жизнью на чужбине, россияне теряли желание возвращаться на родину: «русским людям служить вместе с королевскими людьми нельзя, ради их прелести, - высказывался в XVII в. князь Иван Голицын, - одно лето побывают с ними на службе, и у нас на другое лето не останется и половины русских лучших людей, не только что боярских детей, останется кто стар или служить не захочет, а бедных людей не останется ни один человек». Не забывали, что из примерно дюжины молодых дворян, посланных Борисом Годуновым на учение в Англию, Францию и Германию, домой не вернулся ни один»[121]

«Русский царь надеется более на число, нежели на храбрость своих воинов или на хорошее устройство своих сил»[122].

После войн с ливонцами, литовцами и поляками встал вопрос о способах закрепления своего владычества над полученной территорией. И вот, как эта проблема была решена:

«В то время, когда Василий завоевал сначала эти земли, он дозволил туземцам удержать за собою их владения и жить во всех их городах, с тем только, чтобы они платили ему подать, находясь под управлением русских воевод. Но заговоры и бунты, открывшиеся вскоре после того, заставили его поступить с ними решительнее. Итак, предприняв против них вторичный поход, он перебил и увез с собою три части жителей из четырех, коих после того отдал или продал татарам, служившим ему на войне, а вместо них поселил столько своих русских, сколько могло быть достаточным для усиления оставшихся туземцев вместе с его же военными гарнизонами»[123].

---

[121] Р. Пайпс «Россия при старом режиме» М.: Захаров, 2004. С. 156-157

[122] Дж. Флетчер «О государстве Русском».// В кн. Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 84

[123] Дж. Флетчер «О государстве Русском».// В кн. Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 87. Сразу вспоминается практика перемещений масс в XX в.

«Хотя этот князь Василий в войне был весьма несчастлив, однако, тем не менее, свои всегда выхваляют его так, как будто бы он вел дела свои счастливо; и хотя иногда ворочалось едва половина воинов, однако они утверждают, что в сражении не потеряно ни одного»[124].

«Ибо у них такой обычай: из окрестностей и соседних мест, по приказанию князя созывают народ, крепостных людей и воинов всякий раз, как надобно вести во дворец знатных послов от иностранных князей и королей; около этого времени запираются все лавки и мастерские в городе, продавцов и покупателей гонят с площади; наконец граждане сходятся со всех сторон. Это делается для того, чтобы этим огромным многолюдством и толпами подданных показать чужестранцам могущество князя….»[125].

«Иного лихого человека подговаривали, чтобы он оговорил напрасно богатого купца или крестьянина в уезде: кривду всё равно делали правдой, так добывали эти ребята деньги»[126].

«Сюда приводились на суд все те, кого пьяными находили и хватали ночью по улицам. Штраф был в десять алтын…»[127]. Но при этом: «Пока они сидят в кабаке, никто и ни под каким предлогом не смеет вызвать их оттуда, потому что этим можно помешать приращению царского дохода»[128].

«Теперь некоторые крестьяне страны имеют много денег, но этим отнюдь не хвастаются. Крестьянин хочет ухорониться, чтобы ему не чинили несправедливости»[129].

«И если эти товары нужны великому князю, то торгового человека вместе с товарами отводят на ям и приставляют к нему пристава, как будто бы для охраны его, чтобы не утащили у него его добра. Но в действительности

[124] С. Герберштейн «Записки о московитских делах».// В кн. Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 174
[125] [125] С. Герберштейн «Записки о московитских делах».// В кн. Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 284
[126] Г. Штаден «Страна и правление московитов (записки немца-опричника)».// В кн. Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 384
[127] Г. Штаден «Страна и правление московитов (записки немца-опричника)».// В кн. Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 383
[128] Дж. Флетчер «О государстве Русском».// В кн. Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 64
[129] Г. Штаден «Страна и правление московитов (записки немца-опричника)».// В кн. Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 428

охраняют его так для того, чтобы он не мог попасть во все закоулки и осмотреть все, что ему нужно в городах и по дорогам»[130].

«Во всё время моего пребывания в Москве я неотступно прилагал великие старания, дабы заполучить верное изображение города Москвы, но мне не удавалось, ибо там нет художников…..Правда, там есть иконописцы и резчики, но я не осмелился побудить их сделать для меня изображение Москвы, ибо меня, наверное, схватили бы и подвергли бы пыткам, заподозрив, что я замышляю какую-нибудь измену. Так подозрителен этот народ в подобных вещах, что никто не отважится предпринять что-нибудь подобное»[131].

«Куда бы ни кинул он взгляд (Петр I – авт.), всюду видел лихоимство, вымогательство и казнокрадство – казенные деньги буквально сыпались из чиновных рукавов. Однажды, выслушав очередной сенатский доклад о непрекращающихся злоупотреблениях, Петр разгневался и сказал Ягужинскому: «Напиши именной указ, что если кто и настолько украдет, что можно купить веревку, то будет повешен». Записавший указ Ягужинский оторвал перо от бумаги и спросил: «Разве Ваше величество хотите остаться императором один, без подданных? Мы все воруем, только один больше и приметнее, чем другой». Царь рассмеялся, печально покачал головой, и в этот раз на том дело и кончилось»[132].

Одной из причин того, что деньги пропадали из обращения, была, по замечанию одного иностранца, глубоко укоренившаяся привычка россиян любого сословия прятать в укромное место всякую монету, которая только попадала им в руки. «У здешних крестьян, если им случайно приведется собрать маленькую сумму, вошло в обычай зарывать деньги в навозную кучу, где они и лежат безо всякой пользы и для хозяина, и для государства. Дворяне опасаются выказывать свой достаток, полагая, что богатство может привлечь к ним неблагожелательное внимание двора, а потому обычно запирают деньги в сундуках, оставляя их без употребления, а те, что посмекалистее посылают их в банки Лондона, Венеции или Амстердама. В результате того, что деньги укрываются и знатью, и простонародьем они выпадают из обращения и страна не извлекает из них

[130] Г. Штаден «Страна и правление московитов (записки немца-опричника)».// В кн. Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 429

[131] И. Масса «Краткое известие о Московии».// В кн. Россия XVII в. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 205

[132] Р. К. Масси Петр Великий: В 3-х томах Т. III. Смоленск: Русич, 1996. С. 286

доход. Петр пытался искоренить этот обычай и в начале войны издал указ: «Кто станет деньги в земле хоронить, а кто про то доведет и деньги вынет, доносчику их тех денег треть, а остальное на государя…Русским купцам, продававшим товары иностранцам, не разрешалось принимать в оплату рубли, они должны были требовать полновесные деньги иностранной чеканки»[133].

«Россия – страна бессмысленных формальностей»[134].

«Русский государственный строй – это строгая военная дисциплина вместо гражданского управления, это перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства»[135].

«Российская империя – это огромный театральный зал, в котором из всех лож следят лишь за тем, что происходит за кулисами»[136].

«Все стараются в угоду своему властителю скрыть от иностранца те или иные неприглядные стороны русской жизни…все прирожденные русские и все, проживающие в России, кажется, дали обет молчания обо всем, их окружающим, здесь ни о чем не говорят и вместе с тем, но всё знают. Тайные разговоры должны были бы быть очень интересны, но кто отважится их вести? Даже размышлять о чем-нибудь – значит навести на себя подозрение»[137].

«Ни один иностранец не может переступить границу России, чтобы не подвергнуться самому строгому расследованию и жестокой критике»[138].

«Они особенно недоверчивы к иностранцам, суждения которых опасаются, так как считают, что мы не очень благожелательно к ним относимся. Это заранее делает их враждебно к нам настроенными, хотя внешне они кажутся вежливыми и гостеприимными»[139]

---

[133] Там же. С. 291-292. Весьма характерно, что как только чуть приоткрылись границы, капитал устремился вон. Кроме того, и в XX в. мы обнаруживаем те же игры государства с рублем и прочими валютами.

[134] А. де Кюстин «Россия в 1839 году» ».// В кн. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 427

[135] Там же. С. 432-433

[136] Там же. С. 444

[137] Там же. С. 450-451

[138] Там же. С. 451

[139] Там же. С. 457 Патриот ответит: это в порядке вещей, коль мир и в частности Европа враждебно относится к России. Но является ли этот ответ следствием адекватного видения реальности? Или же он есть явление исконной российской политической ментальности, воспринимающей Россию в качестве осажденного лагеря. Еще Иван Грозный утверждал: «Что бы плохое не случилось с нами – всё это происходило из-за германцев!» («Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским» Л., Наука, 1979 г. С. 147). Фраза архитипическая. В зависимости от столетия в неё можно вставлять Францию, Англию, США и т.д.

«У русских есть лишь названия всего, но ничего нет в действительности. Россия – страна фасадов»[140].

«Россия – империя каталогов: если пробежать глазами одни заголовки – всё покажется прекрасным. Но берегитесь заглянуть дальше названий глав»[141]

«Хороший тон повелевает здесь превозносить предков императора и поносить его непосредственных предшественников»[142].

«Я не преувеличу, если скажу, что в Петербурге знакомишься с Россией не лучше, чем в Париже. Ведь не достаточно лишь приехать в страну, чтобы изучить её, а здесь без протекции вы ни о чем не получите понятия. Протекция же вас тиранит и дает обо всем ложное представление, к чему здесь, в сущности, и стремятся»[143].

«Воспользоваться всеми административными достижениями европейских государств для того, чтобы управлять на чисто восточный лад шестидесяти миллионным народом, такова задача, над разрешением которой со времен Петра I изощряются все монархи России. Знаете ли вы, что значит путешествовать по России? Для поверхностного ума это, значит, питаться иллюзиями. Но для человека мало-мальски наблюдательного и обладающего к тому же независимым характером это тяжелый, упорный и не благодарный труд. Ибо такой путешественник с величайшими усилиями различает на каждом шагу две нации, борющиеся друг с другом: одна из этих наций – Россия, какова она есть на самом деле, другая – Россия, какою её хотели бы показать Европе. Русское правительство, проникнутое византийским духом, да, можно сказать, и Россия в целом всегда смотрели на дипломатический корпус и вообще на европейцев как на завистливых и злорадных шпионов. В этом отношении между русскими и китайцами наблюдается разительное сходство: и те и другие уверены, что мы им завидуем. Они судят о нас по себе…Мне говорят: «Конечно, мы хотели бы обойтись без произвола, мы были бы тогда богаче и сильнее. Но, увы, мы имеем дело с азиатским народом». И в тоже время говорящие думают: «Конечно, хорошо бы было избавиться от необходимости говорить о либерализме и филантропии, мы стали бы счастливее и сильнее, но, увы, нам приходится иметь

[140] Там же. С. 452
[141] А. де Кюстин «Россия в 1839 году» ».// В кн. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 512
[142] Там же. С. 466
[143] Там же. С. 483

дело с Европой». Русские всех званий и состояний с удивительным, нужно сознаться, единодушием способствуют подобному обману»[144].

«…Россиею по-прежнему правит притворство. Искренно сознаться в тирании было бы здесь большим шагом вперед. В этом, как и во многих других случаях, иностранцы, описывающие Россию, помогали русским обманывать весь мир. Что может быть угодливей писателей, сбежавшихся сюда со всех концов Европы, чтобы проливать слезы умиления над трогательной фамильярностью отношений, связывающих русского царя с его подданными? Неужели престиж деспотизма так силен, что подчиняет себе даже не мудрствующих лукаво любопытных? Либо России еще не описывали люди, не зависимые по своему общественному положению или духовным качествам, либо даже самые искренние умы, попадая в Россию, теряют свободу суждений»[145].

«Я преклоняюсь перед властью русского правительства над умами людей, хотя и не понимаю, на чем эта власть основана. Но факт остается фактом: русское правительство заставляет молчать не только своих подданных – в чем нет ничего удивительного, - но и иностранцев, избежавших влияния его железной дисциплины. Его хвалят или, по крайней мере, молчат о нем – вот тайна, для меня не объяснимая».[146]

«Тому, кто имел несчастье родиться в этой стране, остается только искать утешение в горделивых мечтах и надеждах на мировое господство. К такому выводу я прихожу всякий раз, когда пытаюсь анализировать моральное состояние жителей России. Россия живет и мыслит, как солдат армии завоевателей. А настоящий солдат любой страны не гражданин, но пожизненный узник, обреченный сторожить своих товарищей по несчастью, таких же узников, как и он»[147].

---

[144] Там же. С. 508-509

[145] Там же. С. 510-511 Здесь сразу вспоминается восхищение европейских интеллектуалов Советской Россией как идеальным обществом.

[146] А. де Кюстин «Россия в 1839 году» ».// В кн. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 660

[147] А. де Кюстин «Россия в 1839 году» ».// В кн. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 514. Идея сильного государства и огромной империи квинтэссенция русской ментальности. При чем очень важным аспектом здесь оказывается идея пространства. Р. Пайпс отмечает: «Цепкость, с которой российские правители вне зависимости от их текущей идеологии держались за каждый квадратный сантиметр земли, когда-либо принадлежавший одному из них, коренится в вотчинной психологии. Это территориальное выражение того же принципа, исходя из которого российские правители ни под каким видом добровольно не уступали своим подданным ни йоты политической власти. (Р. Пайпс «Россия при старом режиме» М.: Захаров, 2004. С. 116). И далее: «Добившись необыкновенного успеха в

«Каждый несчастный случай рассматривается здесь как государственное дело»[148].

«Политические суеверия, составляющие душу этого общества, делают государя за всё происходящее…самодержец, совершенно безответственный с политической точки зрения, отвечает за всё»[149].

«Лгать здесь – значит охранять престол, говорить правду – значит потрясать основы»[150].

«В России … таинственность заражает всех и всё»[151]

«Язва замалчивания распространена в России шире, чем думают. Полиция, столь проворная, когда нужно мучить людей, отнюдь не спешит, когда обращаются к ней за помощью».[152]

«Вмешательство полиции в драку подвергает дерущихся гораздо более чувствительным неприятностям, нежели тумаки, получаемые в пылу схватки. Поэтому в таких случаях стараются производить как можно меньше шума, дабы не привлечь внимания блюстителей порядка. Забвение этого обычая приводит к весьма печальным последствиям, как я мог убедиться сегодня утром. Далее следует рассказ де Кюстина о поимке полицией одного из дерущихся. Сначала полицейский сбрасывает его с высоты мачты, затем: «К борту баржи причаливает лодка с несколькими полицейскими. Пленника связывают, скручивают ему руки за спиной и носом вниз бросают в лодку. Это второе падение, немногим легче первого, сопровождается градом ударов. Но и на этом не кончаются пытки. Первый полицейский, герой единоборства на мачте, прыгает на спину поверженного противника и начинает топтать его ногами, как виноград в давильне. Неслыханная экзекуция сперва вырывает нечеловеческие вопли и завывания жертвы. Когда они начали постепенно затихать, я…обратился в бегство…среди бела дня на глазах у сотен прохожих избить человека до смерти без суда и следствия – это кажется в порядке вещей публике

достижении власти через накопление недвижимого имущества, они склонны были отождествлять политическую власть с расширением территории, а расширение территории – с абсолютной, вотчинной властью» (Р. Пайпс «Россия при старом режиме» М.: Захаров, 2004. С. 116).

[148] А. де Кюстин «Россия в 1839 году» ».// В кн. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 529

[149] Там же. С. 529-530

[150] Там же. С. 530

[151] Там же С. 658

[152] Там же. С. 532

и полицейским ищейкам Петербурга. Дворяне и мещане, военные и штатские, богатые и бедные, большие и малые, франты и оборванцы – все спокойно взирают на происходящее у них на глазах безобразие, не задумываясь над законностью такого произвола. Я не видел выражения ужаса или порицания ни на одном лице, а среди зрителей были люди всех классов общества. В цивилизованных странах гражданина охраняет от произвола агентов власти вся община; здесь должностных лиц произвол охраняет от справедливых протестов обиженного. Рабы вообще не протестуют».[153]

«…и одинокий путник остается один на один с русской полицией, делающей тьму ночную еще страшнее».[154]

«Если же ваше любопытство исключительно выносливо и вам не надоедает причинять хлопоты людям, то, во всяком случае, вы всегда будете под пристальным наблюдением, вы сможете поддерживать лишь официальные сношения со всевозможными начальниками, и вам предоставят лишь одну свободу – свободу выражать свое восхищение перед законными властями. Вам ни в чем ни отказывают, но вас повсюду сопровождают. Вежливость, таким образом, превращается в способ наблюдения за вами…что же касается иностранцев, не пользующихся покровительством, то они вообще ничего не видят. Эта милая страна устроена так, что, не имея непосредственной помощи представителей власти, иностранцу невозможно путешествовать по ней без неудобств и даже без опасностей…чрезвычайное недоверие, которое выказывают по отношению к иностранцам представители всех решительно классов русского населения, заставляет их, в свою очередь быть начеку».[155]

«Человека здесь оценивают по отношению к нему правительства. Поэтому присутствие фельдъегеря в моем экипаже производило магическое действие…одним мановением руки фельдъегерь удалял с нашего пути все препятствия. И я с ужасом думал, что люди повиновались бы ему так же беспрекословно, получи он приказание не охранять, но арестовать меня».[156]

---

[153] Там же. С. 534-536
[154] Там же. С. 636-637
[155] Там же. С. 542-543. Напомним, что еще 15 лет тому назад к каждому иностранцу приставлялись специальные агенты КГБ. И обычай этот древний. В 16 в. к иностранцам назначались приставы, либо же их изолировали в специальной слободе.
[156] Там же. С. 550-551

«Почти все сочинения современных французских писателей запрещены в России…».[157]

«Я забыл упомянуть об одном довольно странном обстоятельстве, поразившем меня в начале поездки. На всем протяжении от Петербурга до Новгорода я заметил вторую дорогу, идущую параллельно главному шоссе на небольшом от него расстоянии. Эта параллельная дорога снабжена изгородями и деревянными мостами, хотя и сильно уступает главному шоссе в красоте и в общем значительно хуже его. Прибыв на станцию, я попросил узнать у станционного смотрителя, что обозначает эта странность? Мой фельдъегерь перевел мне объяснение смотрителя. Вот оно: запасная дорога предназначена для движения ломовых извозчиков, скота и путешественников в те дни, когда император или особы императорской фамилии едут в Москву. Таким образом, августейшие путники ограждаются от пыли и прочих неприятностей, которые могли бы их обеспокоить или задержать в том случае, если бы большая дорога оставалась доступной для всех в момент высочайшего проезда. *Не знаю, не посмеялся ли надо мной станционный смотритель* (!, курс. – авт.). Впрочем, он говорил с очень серьезным видом и, по-видимому, находил вполне естественным, что государь захватывает почтовую дорогу в свое полное распоряжение в стране, где монарх – это всё. Людовик XIV, говоривший: «Франция – это я!», останавливался, чтобы дать дорогу стаду овец, и в его царствование возчик, пешеход и нищий, повстречавшись в пути с принцами крови, повторяли им наше древнее изречение: «Большая дорога принадлежит всем!».[158]

«…человек, считающийся у нас ультрароялистом, сошел бы в Петербурге за самого отъявленного либерала».[159]

«Не спешить – это, значит, терять свое достоинство. Чтобы иметь вес в этой стране, нужно торопиться».[160]

«В России деспотизм – на троне, но тирания везде».[161]

«Здесь всякий бунт кажется законным, даже бунт против разума. Там, где общественный порядок основан на гнете, каждый беспорядок имеет своих

[157] Там же. С. 559

[158] Там же. С. 573-574. Не знаешь чему удивляться: деспотизму царя или его заботе о подданных? Всё же предусмотрена вторая дорога. Каждый из авторов не раз оказывался в многочасовой пробке, вызванной прекращением движения по случаю проезда важной персоны.

[159] Там же. С. 577

[160] Там же. С. 580

[161] Там же. С. 580

мучеников и героев. Каждый ловелас, каждый донжуан превращается в борца за свободу только потому, что он подвергается правительственным гонениям, и всеобщее негодование обращено не против наказываемых, но против судей».[162]

«….архитектура того же стиля, который господствует от одного конца империи до другого».[163]

«Из недр своих канцелярий эти невидимые деспоты, эти пигмеи-тираны безнаказанно угнетают страну. И как это не звучит парадоксально, самодержец всероссийский часто замечает, что он вовсе не так всесилен, как говорят, и с удивлением, в котором он боится сам себе признаться, видит, что власть его имеет предел. Этот предел положен ему бюрократией…».[164]

«У русских такой печальный и пришибленный вид, что они, вероятно, относятся с одинаковым равнодушием и к своей и к чужой гибели. Жизнь человеческая не имеет здесь никакой цены».[165]

По поводу денежной реформы, Николая I, не выгодной населению, но выгодной казне, де Кюстин пишет, «…закон обнародован, и ему повинуются…на бумаге. Этого правительству довольно. Современное политическое положение в России можно определить в нескольких словах: это страна, в которой правительство говорит что хочет, потому что оно одно имеет право говорить. Так, в данном случае правительство говорит: «Вот вам закон – повинуйтесь», но молчаливое соглашение заинтересованных сторон сводит на нет те его статьи, применение которых к прежним долгам было бы вопиющей несправедливостью. Таким образом, ловкость и смышленость подданных исправляет грубые и жестокие ошибки власти».[166]

«Это инстинктивное нерасположение к суду кажется мне верным признаком несправедливости судей. Немногочисленность судебных процессов может быть следствием двух причин: либо духа справедливости у подданных, либо духа несправедливости у судей…спорящие стороны стараются не прибегать к суду и предпочитают полюбовное соглашение даже в тех случаях, когда оно связано с

---

[162] Там же. С. 601. Достаточно вспомнить, что в советское время нетрадиционные пристрастия в одежде, музыке или сексуальной ориентации оказывались политическим диссидентством.

[163] Там же. С. 609

[164] Там же. С. 616

[165] Там же. С. 620. И ныне иностранцы, едва оказавшись в пределах нашей страны, отмечают хмурый и зажатый вид россиян.

[166] Там же. С. 639. Но, к сожалению не всегда. И тогда российский человек в отчаянии всё бросает и уходит, а правительству остается десятилетиями бороться с мерзостью и запустением, возникших в результате непродуманного законодательства.

необходимостью поступиться самыми законными притязаниями, ибо такой исход лучше, чем судебные мытарства. Отсюда видно, как мало имеют русские оснований гордиться редкостью судебных процессов в стране произвола и насилия».[167]

«Несчастная страна, где каждый иностранец представляется спасителем толпе угнетенных, потому что он олицетворяет правду, гласность и свободу для народа, лишенного всех этих благ![168]

«К исторической истине в России питают не больше уважения, чем к святости клятвы. Подлинность камня здесь также невозможно установить, как и достоверность устного или письменного слова.[169] При каждом монархе здание переделывается и перестраивается по прихоти нового властелина».[170]

Де Кюстин пересекает границу России и оказывается в Германии: «Прекрасные дороги, отличные гостиницы, чистые комнаты и постели, образцовый порядок в хозяйстве, которым заведуют женщины, - всё казалось мне чудесным и необыкновенным. Особенно меня поразил независимый вид и веселость крестьянского населения».[171]

В заключении де Кюстин делает ряд выводов.

«Я уехал из Франции, напуганный излишествами ложно понятой свободы, я возвращаюсь домой, убежденный, что если представительный образ правления и не является наиболее нравственно чистым, то, во всяком случае, он должен быть признан наиболее мудрым и умеренным режимом. Когда видишь, что он ограждает народы от самых вопиющих злоупотреблений других систем управления, поневоле спрашиваешь себя: не должен ли ты подавить свою личную антипатию и безропота подчиниться политической необходимости, которая, в конце концов, несет созревшим для нее народам больше блага, нежели зла?[172]

---

[167] Там же. С. 642
[168] Там же. С. 563
[169] Эта повседневная российская практика оборачивается любопытным феноменом в российской социальной науке. Многие ученые, воспитанные на изначальной лживости печатного слова, впадают в одну из крайностей. Либо же они считают, что всё написанное на Западе есть абсолютная истина, либо же всё есть ложь, порожденная политическим заказом.
[170] Там же. С. 643
[171] Там же. С. 659. И ныне многие отмечают этот резкий контраст при пересечении российской границы. Более того, напомним, сколь велико было эмоциональное потрясение русских офицеров – будущих декабристов – когда они в результате заграничного похода познакомились с повседневной жизнью Европы.
[172] Там же. С. 659

«Представьте себе республиканские страсти…клокочущие в безмолвии деспотизма. Это сочетание сулит миру страшное будущее. Россия – котел с кипящей водой, котел крепко закрытый, но поставленный на огонь, разгорающийся всё сильнее и сильнее. Я боюсь взрыва».[173]
«И не пройдет 50 лет….в России вспыхнет революция, гораздо более страшная, чем та, последствия коей Западная Европа чувствует еще до сих пор».[174]

Часто иностранцев пишущих о России упрекали в предвзятости. Но если этот упрек справедлив, то отчего, то о чем они пишут в 16 веке, оказывается повседневностью современной России? Конечно, их взгляд проникнут отчужденностью взгляда Чужого. Но может быть, именно по этому они замечают то, что не замечают отечественные авторы. Многое из того, что мы привыкли связывать лишь с советской и постсоветской Россией, обнаруживается и пятьсот лет тому назад. Иными словами феноменология русской жизни не меняется. Многие склонны объяснить постоянное воспроизводство из столетия в столетие одних и тех же феноменов русской жизни ментальными установками россиян. Но как марксисты, мы убеждены в том, что ментальность во многом производна от базисных структур общества. В этом отношении возобновление феноменов российской жизни есть следствие того, что структура их порождающая ныне в своей сущности не сильно отличается от той, которую мы можем обнаружить и пятьсот лет тому назад.
Таким образом, мы намерены далее обратиться к анализу цивилизационной парадигмы России.
Использование понятия «цивилизационная парадигма» достаточно неожиданный ход для марксистского анализа. Но выше мы уже писали о том, что между цивилизационным и формационным подходами нет антагонизма. Мы полагаем, что наша реформированная версия марксизма обладает достаточной гибкостью для корректного включения цивилизационного аспекта анализа в рамки марксистской социальной теории. Мы позволим себе вновь воспроизвести заявленные нами по этому вопросу тезисы.
Цивилизационный анализ есть один из аспектов анализа социальной реальности. И как таковой он не отрицает, но дополняет другой аспект –

[173] Там же. С. 510
[174] Там же. С. 451

стадиально-формационный. Эта ситуация возникает в силу специфики социального знания. Естественные науки – генерализирующий тип знания. Социальная же теория – не только генерализирующее, но и индивидуализирующее знание. Здесь нам интересно не только общее, но и отдельное, особенное, индивидуальное. Стадиальный аспект анализа выражает генерализирующий интерес знания. Цивилизационный аспект анализа – индивидуализирующий интерес знания. В стадиях и формациях мы выявляем род и вид. В цивилизациях мы вычленяем отдельные социально-исторические особи или их конгломераты.

Цивилизация – специфический способ существования, или стиль бытия, парадигма того или иного социора или федерации социоров. Или же, иначе говоря, цивилизация – общество, взятое в разрезе специфики своей культуры. Здесь культура – совокупность алгоритмов поведения и мышления.

При этом необходимо сделать четыре существенных добавления.

1. Цивилизация всегда локальна, ибо всегда привязана к конкретному географическому региону. Именно эта привязанность и является одной из главных причин формирования индивидуального облика каждой цивилизации. Фактически, цивилизационный аспект анализа пытается уловить «биографическую ситуацию» того или иного социора.
2. Цивилизационный аспект анализа применим лишь ко второй и третьей стадиям человеческой истории. Стиль бытия первобытных обществ столь унифицирован, что хотя и здесь можно говорить о цивилизациях, но это эвристически бесплодно и несущественно. Впрочем, в каких-то очень специальных случаях говорить всё же можно. (См. суждения археологов о той или иной первобытной культуре).
3. В рамках одной цивилизационной парадигмы часто можно выделить различные стадии и различные формации. Так, например, европейская цивилизация или дальневосточная цивилизация (Китай и Япония) прошли аграрную стадию и ныне находятся на стадии индустриализма.
4. Формационный и цивилизационный аспекты анализа не совсем равноправны. Следуя марксистской парадигме, мы склонны рассматривать формационный подход как более фундаментальный. Соответственно, цивилизационный подход формируется на его базе как специфическая конкретизация анализа. Подобное видение

приводит к тому, что часто за пространно-мистическими рассуждениями цивилизациологов о судьбах цивилизации следует видеть действие вполне реальных формационных механизмов. Так, например, за анализом периодов рождения, расцвета, упадка и гибели цивилизации следует видеть чаще всего действие определенного способа производства или социального ресурса.

Итак, цивилизация – специфический способ существования, или стиль бытия, парадигма того или иного социора. А стиль бытия, или цивилизационная парадигма в конечном итоге определяется наличным способом производства социально-исторического организма в целом. Этот способ производства реализуется в определенной социальной структуре. И если эта структура существует достаточно долго, то она имеет тенденцию к последующему воспроизводству себя в новых исторических ситуациях. Это достаточно любопытная особенность. Если бы история была бы целерациональным процессом (как это полагают старые марксисты), то в новой исторической ситуации реализовывался бы наиболее адекватный, наиболее современный вариант. Но в действительности мы наблюдаем совсем иное. Старая структура, приобретшая силу традиции, вовсе не спешит соответствовать представлениям социального теоретика, который всегда знает какова на данный момент наиболее адекватная, наиболее современная социальная форма. Старая структура не склонна уступать место новому, но до последнего стремится воспроизвести себя вновь и вновь по возможности адаптируясь к изменившимся условиям. Иными словами, традиционная структура оказывается институциолизированным устойчивым способом ответа на Вызовы предъявляемые социору. В этом нет никакой мистики. Для представителей социора этот способ решения проблем оказывается наиболее привычным и понятным. Кроме того, многие из них являются субъектами этой структуры.

В итоге, общество может пройти несколько качественно различных состояний, но при этом сохранить свою цивилизационую специфику. И именно эта специфика фиксируется в понятии «цивилизационная парадигма».[175]

[175] Эти достаточно абстрактные суждения мы проиллюстрируем ниже анализом истории России. За последние пятьсот лет российский социор испытал несколько качественно различных состояний. Но все они оказывались в большинстве своем вариантами политаризма.

Русь.

Русь – это не Россия. Россия – это одно из ответвлений того, что когда-то именовалось Русью. И, естественно, между Русью и Россией существует определенная цивилизационная преемственность.

Мы можем выделить в рамках Руси два периода: Киевская Русь и удельная Русь.

Киевская Русь.

Под Киевской Русью мы понимаем социально-исторический организм, сформировавшийся на базе конгломерата восточнославянских племен в регионе Нижнего Дуная – Днестра – Днепра во второй половине IX в. Механизм формирования этого социора до сих пор остается неясным, но мы вряд ли ошибемся, если скажем, что Киевская Русь была результатом действия внешних и внутренних факторов.

В числе внешних факторов хронологически первым оказывается Византийская империя. Само появление славян в среднем Поднепровье во многом было обусловлено византийской «реконкистой», когда империя восстановила свою власть над Балканами и вновь укрепила пограничные рубежи. Кроме того, географически Византийская империя являлась потенциальным торговым рынком для продукции, производимой славянами. Другой внешний фактор – Хазарский каганат. С одной стороны, воюя и требуя дань с части славянских племен, он ускорял распад родовых и племенных структур, с другой стороны Хазарский каганат сделал южную степь проницаемой для торговых путей, ведущих в Византию, исламский мир и Китай. По большому счету, каганат положил конец в этом регионе хаосу, последовавшему за великим переселением народов, и установил определенный социальный порядок, который изрядно способствовал расцвету соседних цивилизаций.

И, наконец, важнейшим внешним фактором возникновения Киевской Руси была военная и торговая активность норманнов. О последнем факторе следует высказаться значительно подробнее.

Речь идет о так называемой «варяжской проблеме». Споры вокруг роли варягов в возникновении древнерусского государства ведутся уже почти триста лет. Виной тому и неоднозначность исторических источников, и оголтелый патриотизм отечественных историков, и цивилизационная гордыня историков

западных. Мы ни в коей мере не собираемся подменять работы профессиональных историков и делать вид, что парой страниц нашего теоретического трактата мы окончательно проясним эту давнюю дискуссию и положим ей предел. Социальный теоретик по определению является потребителем продукции профессиональных историков и максимум, что он может сделать – помочь историкам прояснить социальные основания их теорий. На данный момент большинство научного исторического сообщества склоняется в пользу так называемой «норманнской теории». Это естественно, поскольку даже беглое знакомство с основными историческими источниками свидетельствует в пользу «норманизма». Кроме того, слишком многое в истории Киевской Руси оказывается загадочным и трудно объяснимым без обращения к «норманнской теории».

В частности:

1. С самого начала государственности Киевской Руси мы обнаруживаем ситуацию, когда русская земля оказывается собственностью одного рода – Рюриковичей. Причем монополия Рюриковичей на власть однозначна и в последующем становится непререкаемой традицией. Если бы возникновение государства было бы следствием интеграции славянских племен под руководством полян, то мы имели бы многочисленные социальные следствия этого в виде политического доминирования племени полян или хотя бы граждан Киева, как это мы наблюдаем в римской истории. Либо же у нас были бы свидетельства о мощнейших пережитках военной демократии, выражающихся в выборе князя или, хотя бы, его утверждения на общем собрании воинов. Ничего подобного мы здесь не наблюдаем. Рюриковичи выступают в роли абсолютных хозяев земли, которая принадлежит им по праву меча.

2. Изначально мы обнаруживаем глубокую пропасть и отчуждение между княжеским родом и «землёй». Вернее, с самого начала князю вообще никто не противостоит. Какое-либо упоминание о земских структурах в виде веча, общего круга, влиятельного совета знатных, либо отсутствует, либо же появляются достаточно поздно. Рюриковичам не приходится узурпировать или отнимать власть у «общества». Изначально этого «общества» просто нет. Оно начинает формироваться лишь к началу удельного периода, причем весьма робко и неуверенно.

3. Специфический, торгово-военный характер Киевской Руси. Советские историки достаточно много писали о генезисе феодализма в IX-X вв., о выделении знати из родоплеменной структуры, о возникновении крупных земельных хозяйств и вотчин, об ожесточенной классовой борьбе. Именно этого требовала социальная доктрина господствующей коммунистической партии. Ныне же многие историки однозначно демонстрируют, что каких-либо эмпирических оснований для подобных суждений просто нет. И что характерно, в этом они сходятся с мнением историков дореволюционных. Так, в частности, Ключевский четко заявляет, что до XI в. нет никаких свидетельств о земельных владениях господствующей киевской элиты. Но при этом существует множество свидетельств о её торгово-военной деятельности.

У нас есть множество примеров того, как государство естественно формировалось на аграрной базе и лишь в последующем в результате серии революций приобретало торгово-военный характер. И у нас нет примеров, когда из родоплеменного общества сразу выходило, подобно Афине Палладе из головы Зевса, торгово-военный социор. Нечто подобное мы наблюдаем лишь в случаях завоевания-колонизации, как это было, например, в случае с Карфагеном.

Киевское государство предстает в первые двести лет своего существования как гигантское военно-торговое предприятие. Князь с дружиной покоряет окрестные племена, облагает их данью, в течение полугода эту дань собирает, а затем организует масштабный военный поход с единственной целью доставить эту дань в Византию. Более того, почти все внешние войны Киевского государства оказываются связаны с обеспечением наиболее выгодных условий для торговли. Лишь с течением времени эта паразитическая государственная структура пускает «корни» в русскую землю и превращается в нечто большее, чем «торговая компания». Этому процессу активно способствует хаос в Византии и пресечение южных торговых коммуникаций.[176]

4. Ярко выраженный хищнический характер киевского государства. Исторические источники показывают достаточно неприглядную картину – правящая элита относится к русской земле как завоеватель к покоренной стране.

[176] Ключевский высказывает любопытное предположение о том, что пресечение возможности вывоза челяди (рабов) на внешние рынки принудило киевскую элиту обратиться к эксплуатации её на месте посредством помещения на землю.

Это и хищнический сбор дани, и масштабная работорговля. Вывоз челяди, то есть рабов - ведущая статья киевской торговли. Рынки Востока и Византии заполняются славянскими рабами не столько в результате набегов кочевников, сколько благодаря деятельности киевских князей.[177] Уже неоднократно было высказано предположение, что колонизация северо-востока Руси была изрядно инициирована не только набегами кочевников, но и активностью киевской элиты, в результате которой население предпочитало удалиться в наиболее глухие и малодоступные места. Подобный хищнический характер эксплуатации славянских племен плохо сочетается с теорией чисто автохтонного происхождения киевского государства.[178]

Таким образом, подобные моменты вкупе с гигантским фактическим материалом заставляют нас высказаться в пользу норманнской теории. Мы склонны, вслед за В. О. Ключевским и Р. Пайпсом рассматривать возникновение киевского государства, во многом, как результат военного и торгового движения норманнов с севера на юг. Но это вовсе не означает, что мы рассматриваем процесс возникновения государства лишь в этом ключе. Приход норманнов был лишь катализирующим фактором. Если бы славянские племена не были земледельческими, если бы они не достигли определенного прогресса в этой области, если бы родоплеменная структура не находилась бы на стадии разложения и формирования предгосударства, то норманны просто не смогли бы закрепиться здесь. Либо же в тот момент, когда торговля с югом пресеклась, государство просто исчезло бы.

Мы должны честно признаться, что испытываем определенные затруднения, впрочем, не мы одни, в классификации характера древнерусского государства. Но к счастью, мы, кажется, не подвержены гегелевской мании, присваивать всему на свете свой ярлык. Древнерусское государство просуществовало

---

[177] Эта торговля рабами выглядит тем более отвратительно, если вспомнить, что на вырученные деньги от работорговли покупались не только украшения и ткани, но и фрукты и вино. Впрочем, доля фруктов и вина была незначительной. Соответственно здесь резонен вопрос - на что же расходовались эти гигантские денежные средства? Возможно, добрая часть их шла на содержание этого гигантского торгового предприятия.

[178] Сколь мало варяги были привязаны к своей новой родине, показывает пример Святослава, который с легкостью отказался от Киевского княжения и перебрался на Балканы. Этот же пример косвенно указывает на отсутствие земельной собственности у правящей элиты – дружинники спокойно последовали за князем. Эта легкость перемещения выдает отсутствие корней. Напомним, что большинство рыцарей, отправившихся в Первый крестовый поход затем вернулись к своим владениям. Последующие же походы питались в основном безземельными рыцарями.

достаточно недолго и трансформировалось в иные социальные формы. Мы склонны рассматривать его как весьма специфическую форму политаризма. Этот политаризм имел весьма поверхностный характер – в нем явственно выделяется два этажа: гигантский пласт родоплеменных структур, над которым надстраивался «торгово-военное предприятие руссов» по выкачиванию из земли прибавочного продукта с последующей реализацией его на международных рынках. Возможно, этот тип политаризма можно обозначить как мелитонобиларный (военно-торговый). Впрочем, этот вопрос требует дальнейших изысканий.

Как мы уже отметили, древнерусское государство оказалось недолговечным. Во многом этому поспособствовал князь Святослав, опрометчиво разгромивший Хазарский каганат. В образовавшийся степной вакуум хлынули толпы кочевников, которые сделали южную степь почти непроницаемой для торговли. Более того, в XI – XII вв. в Византийской империи всё более воцарялся хаос. В итоге военно-торговое предприятие руссов оказывается бесполезным. Государственное единство перестает быть необходимым условием для получения элитой сверхприбылей.

С другой стороны, Киевский каганат не мог до бесконечности оставаться «надстроечной структурой». Своей деятельностью он существенно ускорял разложение родоплеменных структур. К XII в. киевские князья имели уже дело не с аморфной толщей патриархальных племен, а с достаточно оформившимся земством. Появляется все больше городов, в которых расцветают ремесла, родовые общины превращаются в соседские, складывается достаточно сложная система землевладений. Этому опять же способствует пресечение южных торговых путей в результате которого прибавочный продукт и людские ресурсы не вымываются из общества, а остаются в нем. Возникает настоятельная потребность в детальном политическом освоении русской земли. И, самое главное, эта земля уже предоставляет средства к этому освоению.

В результате Русь оказывается в ситуации весьма похожей на ситуацию варварских обществ, втягивающихся в феодализм. Политическое освоение пространства Руси в рамках тех средств, которые предоставляет слаборазвитое аграрное общество с его натуральным хозяйством, имеет обратной стороной возникновение множества автономных центров власти. Силы, связывающие государство в единое целое ослабевают. Русь входит в эпоху уделов.

Удельная Русь.

Если Киевское государство было политарным, то к XII в. этот политаризм почти полностью разложился. «Почти» - в том смысле, что некоторые его элементы сохранялись. Тому виной и традиция, рассматривающая Русь как собственность Рюриковичей, и специфика колонизации новых земель. Очень часто оказывалось, что есть обширная земля и есть полновластный хозяин её – князь, но нет людей, которые её населяли бы. Эта ситуация наиболее характерна для северо-восточных княжеств, и в частности, Москвы. Соответственно, князь предпринимает неимоверные усилия по «заманиванию» на свою землю людей. Иной же раз он организует набег на соседей с тем, чтобы захватить и вывести к себе как можно больше работников. Таким образом, складывается весьма специфическая ситуация, когда княжеская власть оказывается более укорененной в земле, чем люди, которые её населяют. Это сильно мешает формированию договорных, паритетных отношений подобных тем, которые мы наблюдаем в феодальных странах Западной Европы. Удельная Русь является магнарным обществом, однако этот магнаризм не выражается в феодальной форме. Почти полностью отсутствует «лестница» вассалитета, а слабая привязка населения к земле, наличие обширных свободных пространств и множества конкурирующих княжеств мешает формированию сложноиерархизированного феодального общества. Человек предпочитает скорее перебраться в другое княжество, нежели бороться за свои права, которые даже не являются исконными. Обычное право не оказывается союзником в этой борьбе.

И, тем не менее, мы все же наблюдаем робкую тенденцию эволюции удельного магнаризма в сторону феодальных форм. Всё чаще возникают упоминания о конфликтах князя и боярства, о городских посадах и их организациях в форме вече, о столкновении князя и «городского общества». Вполне можно предположить, что итогом этих тенденций явилось бы сложение феодализма. Скорее всего, так бы и было, если бы Русь имела бы на востоке и юге океан или неприступные горы. Или хотя бы большое феодальное государство. Но, к сожалению, на юге простиралась бескрайняя степь, которая оказывалась горловиной огромного массива азиатских степей. Она была источником

постоянной опасности. И именно этот фактор предопределил характер русской истории на много столетий вперед.

Несмотря на то, что феодальное общество насквозь пронизано милитаризмом, оно весьма уязвимо с военной точки зрения. Небольшая феодальная армия, составленная из тяжелой кавалерии, армия, которая, по сути, является ополчением профессионалов, со всеми вытекающими отсюда последствиями, неизбежно проигрывает кочевым ордам. Это хорошо видно из множества примеров средневековья. Армии, выставленные магнарными Европой и Россией, не смогли остановить ни венгров, ни монголов. Таким образом, эволюция общества домонгольской Руси была грубо прервана масштабным нашествием кочевников.

Монгольское нашествие придало русской истории совсем иной ход.

1. Русские княжества были подчинены и строго иерархизированы внешней деспотической силой. В результате чего резко усилился элемент политаризма.
2. Русские князья оказались агентами степного государства, что позволило им утвердить в своих княжествах своё первенство. Общественный плюрализм рухнул. Ни бояре, ни вече уже не могли противостоять самовластию князя. Все подобные попытки тотчас переводились княжеской властью в плоскость мятежа против ханской власти.
3. Чудовищное изъятие татарами прибавочного продукта и людских ресурсов, перманентное разорение законсервировали русское общество, что выражалось в экономической стагнации и регрессе, замирании политической жизни, формировании русской традиции всеобщего холопства (подданничества).

В итоге, конец татарского ига не означал возвращения на путь, которым шли страны Запада. Новая Русь – Московская Русь оказалась наследницей степного деспотизма, а великий Московский князь преемником татарского хана.

Четыре цивилизационных проекта России.

В конце XV в. завершается формирование нового социально-исторического организма – России. Именно с этого момента мы наблюдаем непосредственную преемственность между Россией XVI в. и Россией XXI в.

Более того, мы полагаем, что цивилизационная парадигма, которая окончательно сформировалась в XVI в. сохраняет свою силу и поныне. Традиционно отечественная наука классифицирует дореволюционную Россию в терминах «феодализм» и «капитализм». Скорее же следует согласиться с рядом западных историков, которые серьезно сомневаются в адекватности подобной классификации. Они склонны рассматривать Россию как одну из форм азиатского типа общества. И в этом много правды. Но, сделав столь ценное замечание, они оказываются не в состоянии предложить взамен сколь-нибудь глубокую концепцию цивилизационного развития России. И в этом отношении в весьма выгодном свете выступает марксистская социальная теория.

Мы полагаем, что с момента возникновения Московского царства вплоть до конца XX века в России доминирует политарные структуры. Напомним, что под политаризмом мы понимаем такой тип общества, при котором коллективный субъект (чаще всего государство) выступает на социальном поле как тотальный и единственный, или доминирующий субъект. Естественно, что за эти пятьсот лет российский политаризм не был неизменным. Мы склонны считать, что за этот отрезок времени Россия реализовала четыре варианта цивилизационного проекта, но все они развивались в рамках общей ситуации политаризма.

Первый проект. Поместный политаризм.

Московское царство: от Ивана III до Петра I. В этот период в России складываются социальные структуры политарной матрицы. При чем здесь они выступают в наиболее чистом виде, так что последующие столетия являют лишь ряд попыток модернизации или демонтажа этой системы.

Логично обозначить этот тип политаризма как «поместный политаризм».[179] Термин «поместный» указывает на характерную особенность российского политаризма, на его излюбленную методу – перемещения и помещения людских масс в территориальном и социальном

[179] Р. Пайпс, опираясь на М. Вебера, использует термин «вотчинное государство» (патримониальное). Но Р. Пайпс, как не марксист идет от внешних феноменов, мы же пытаемся исходить от способа производства социального бытия.

пространстве. В качестве главных черт этой структуры можно указать следующее:

Тотальное господство государства. Политарный способ присвоения и распоряжения. Правящий класс – «государевы люди» - распадается на две группы. Первая – бюрократия, которая выступает как коллективный субъект, олицетворяющий государство. Она организована в рамках системы «местничества», которая фактически есть архаическая форма «номенклатуры». Её власти подвластно всё. Она не считается ни с законом, ни с частной собственностью, ни с приватностью частной жизни, ни с исконными правами и вольностями, ни с обычаем, ни с иностранным подданством. Всё это может быть отброшено под предлогом соблюдения «государственных интересов». Вторая группа – дворянство – помещенные на землю люди, которые с одной стороны выступают как «служилые люди», а с другой стороны как агенты государства по поддержанию порядка, контролю за «тяглом», возложенным на крестьян, и общему надзору за крестьянской общиной. Выдача и отъем поместья жестко увязаны с исполнением этих функций. Любопытно, что время от времени тяжесть этих обязанностей становится столь невыносимой, что историки сообщают о массовом бегстве помещиков от своих поместий и присоединении к мятежникам.

Подчиненные классы. Здесь также разумно выделить две группы. Первая – общинное крестьянство. Московское государство преобразовало древний институт крестьянской общины и превратило его в форму организации «тяглового сословия». Община выступает гарантом исполнения крестьянами обязанностей финансового и трудового характера, как в отношении служилых людей, так и в отношении государства. Фактически, крестьянство помещено на землю и схвачено оковами общины с тем, чтобы оно не могло уклониться от чудовищного тягла наложенного на него государством. Вторая группа – горожане. Также «посажены» государством либо в слободы, либо в посады. Здесь также отсутствует свобода перемещения с тем, чтобы посадские не смогли уклониться от финансового и трудового тягла. Более того, большинство городов Московского царства изначально были государственными поселениями военного либо колонизационного типа.

Сюда же следует отнести и купечество. Историки отмечают, что купечество распадалось на два неравных слоя: первый – мелкие купцы, чаще всего коробейники. Их положение было полностью бесправным. Второй слой, очень тонкий слой – крупные купцы. Вся их деятельность полностью контролировалась и обуславливалась государством. В их ведение попадали промыслы, которое государство сочло недостаточно выгодными для государственной монополии. Но если эти промыслы становились выгодными, то они тотчас забирались в государственную монополию. Характерны многочисленные жалобы этих купцов на то, что государство наделяет иностранных купцов большими привилегиями. Но как отмечают иностранные исследователи, это обуславливалось тем, что русские крупные купцы поднаторели в сокрытии от государства своего богатства, которое в результате было трудно изъять, в то время как иностранный купец мог поставить редкие товары и дать изрядный кредит. Кроме того, для политарного государства сколь-нибудь богатое и независимое торговое сословие представляло органическую опасность.

Принцип «помещения» проводился даже по отношению к иностранцам. Во-первых, захват земель сопровождался переселением масс иностранных подданных в различные регионы русского государства. Во-вторых, те иностранцы, которые въезжали в Россию для службы после тщательной проверки на границе приписывались к определенному месту службы и помещались на землю, получая либо поместье, либо место в специально отведенной слободе. Их выезд из России был практически невозможен. Одна мысль об этом квалифицировалась как государственная измена: высмотрел все государевы секреты и хочет бежать.

В качестве других черт «поместного политаризма», впрочем, свойственных политаризму вообще, можно указать следующее:

Слабо выраженная, неразвитая частная сфера, и как следствие почти полное отсутствие структур гражданского общества. Монолитность общественной структуры, отсутствие какой-либо социальной оппозиции либо альтернативы. Тенденция к автаркии, закрытости, с неизбежной её противоположностью: чем более закрыта система, тем менее она склонна к каким либо новациям, что с необходимостью требует заимствований, прежде всего технологического и предметного толка извне, но под

строжайшим контролем государства. Патернализм - общественная структура поддерживается не силой закона и права, а силой бюрократического порядка и «клановых» связей. Традиционность и консерватизм.

В итоге, структура, выражающаяся в бюрократическом и патерналистском порядке, оказывается глубоко неэффективной и уязвимой, что приводит к накоплению деструктивных моментов и периодическому её разрушению. Восстановление структуры происходит посредством воспроизведения прежних черт, поскольку они фундаментально укоренены в российской цивилизации. Катастрофа преодолевает деструктивные моменты и обновляет структуру. Она же дает новый импульс к началу нового цикла. Этот закономерный циклизм русской истории наблюдается на протяжении последних пятисот лет.

Каковы же причины возникновения политаризма в Московской Руси? Некоторые полагают, это вызвано потребностью в колонизации всё новых земель, поскольку примитивная система хозяйствования слишком быстро истощала уже освоенные земли. Соответственно, роль государства как орудия овладения новыми территориями неимоверно возрастала. Это возможно. Но мы склонны видеть в этой территориальной мании, скорее проявление сущности поместного политаризма, нежели его причину.

Выше мы уже не раз подчеркивали, что под способом производства необходимо понимать не столько способ материального производства, сколько способ производства всего социума в целом, естественно не забывая о доминирующей роли материального производства. Эта доминирующая роль обычно обусловлена тем, что материальное производство оказывается наиболее фундаментальным фактором в производстве всего социума в целом. Но в ряде случаев возможна ситуация, когда иная сфера производства оказывается столь же жизненно необходимой, как и материальное производство. В этом случае, отношение, задаваемое материальным способом производства, могут быть существенно деформированы и даже преобразованы в угоду доминирующей потребности. Именно это и произошло в России.

В самом деле. Здесь характер материального производства не сильно отличается от того, который доминировал в странах феодальной Европы. Но это не привело к возникновению феодализма в России, поскольку

геополитическое положение здесь было иное. Как мы уже не раз отмечали, западный феодализм был возможен лишь при условии относительной изоляции этого региона от внешних опасностей. Россия такой изоляции не имела. Государство здесь возникло в тот исключительный момент, когда Степь была относительно безопасной. Именно в ситуации этой безопасности в XII – XIII вв. наметилась тенденция к феодализации Руси. Но нашествие татаро-монголов с очевидностью продемонстрировало невозможность существования подобной социальной формы в этом регионе.

Соответственно, вновь возникший социально-исторический организм – Московское царство – должен был содержать в себе, прежде всего, структуры, которые обеспечивали бы его политическое выживание в этом регионе. Характер материального производства, безусловно, фундаментальный фактор. Но в ситуации, когда хозяйство может быть уничтожено, а люди убиты или уведены в неволю, функция организации устойчивого политического целого становится не менее значимой, чем материальное производство.

Московское царство испытывало неимоверное давление со стороны степи, и эта борьба продолжалась вплоть до конца XVIII в. В качестве иллюстрации мы могли бы привести десятки описаний жесточайших набегов татар на Русь. Достаточно было бы вспомнить хотя бы одно нашествие Девлет-Гирея в 1571 г., когда Москва была сожжена дотла, а сотни тысяч людей либо убиты, либо уведены в рабство. Но мы процитируем лишь одно место из историка XIX века Н. И. Костомарова (1817-1885): «Мы прожили каких-нибудь лет пятьдесят с небольшим на свете, а помним виденных нами в юности престарелых жителей южных (даже не совсем крайних) губерний, которые в качестве воспоминаний своего детства рассказывали нам о страхе татарских набегов, которому подвергались земледельцы; последние тогда не слишком заботились о выгодах оседлого житья, опасаясь, что, быть может, придется покинуть свое гнездо и бежать куда глаза глядят».[180] Как видим, еще во второй половине XIX в. страшные татарские набеги были не столь уж давней историей.

[180] Российский летописец. Николай Костомаров. Издательство «Книга». М., 1988. С. 9

Соответственно, во всё время своего существования Московское царство предпринимало гигантские усилия по защите границ. Была создана и постоянно поддерживалась мощная оборонительная линия со стороны степи. Она требовала гигантских средств и людских резервов. Но одной оборонительной линии было недостаточно, Московское царство должно было выставлять почти каждый год огромную армию. Эта армия не могла быть подобной тем, что были приняты в то время в Западной Европе – небольшая армия профессионалов-наемников. Татары приходили на Русь в числе десятков и сотен тысяч. Это была сплошь кавалерия мобильная и неуловимая. Они шли широким охватом, уничтожая всё на своем пути. В этой ситуации армия европейского типа была бы бессильна. Московское царство должно было выставить армию не во многом уступающую в числе татарам, конную и соответственно вооруженную. В XVI в. содержание небольшой армии из наемников было для европейских государств тяжелым бременем. Очевидно, что армию в несколько десятков тысяч профессиональных кавалеристов не могли позволить даже они. А Россия была значительно менее развита, чем Европа. Единственным выходом в этой ситуации было создание поместного войска. Весьма характерно, что ко времени возникновения Московского царства, то есть ко времени Ивана III явственно обнаруживаются основные черты поместной системы. В XVI в. эта система становится всеобщей.

В этом отношении обозначение Московского царства как феодального общества глубоко не корректно. И поместное землевладение, и крестьянская община были порождением государства. Они имеют мало общего с институтами удельной Руси. Более того, вся структура этого общества была выстроена вокруг потребности в государственной мобилизации всего и вся для обороны. Не имея возможности содержать поместное войско, государство отдает ему в «кормление» поместья. Но, ежегодно требуя службы от помещика, оно должно было обеспечить условия, при которых этот помещик мог бы нести свою службу. Закрепощая помещика,[181] оно не могло не закрепостить крестьянина. И тот и другой оказывались

[181] Жизнь помещика была отнюдь не вольготной. Часто помещики были склонны бросать свои поместья. В Судебниках 1497 и 1555 гг. имеется несколько статей препятствующих помещикам отдаваться в холопы, чтобы избежать государственной службы.

мобилизованными на государственную службу. «Строго говоря, прикрепленные к земле крестьяне не принадлежали своим помещикам; они были glebae adscripti. В документах Московского периода всегда проводилось различие между крепостными и рабами – холопами».[182]

«Одна из аномалий истории общественных отношений в России состоит в том, что хотя крепостное право играло первостепенную роль в эволюции страны, юридическая сторона всегда оставалась весьма смутной. Не было издано никакого указа о закрепощении крестьян, и монархия никогда официально не давала помещику права собственности на его крепостных. Крепостничество выросло на практике из скопления множества указов и обычаев и существовало с общего согласия, но без недвусмысленного официального благословения. Всегда подразумевалось (хотя, опять же, не говорилось вслух), что помещики на самом деле не являются собственниками своих крепостных, а скорее, так сказать, руководят ими от имени монархии, каковое предположение стало особенно правдоподобным после того, как Петр и его преемники сделали помещиков государственными агентами по сбору подушной подати и набору рекрутов».[183]

Более того, создав большой слой помещиков, и выступив для него единственным источником существования и всяческих благ, государство получило социальную опору для поглощения всего общества. Именно в тот момент, когда эта система сложилась окончательно, начинается так называемая «самодержавная революция» Ивана IV, окончательно уничтожившая последние очаги экономической и политической оппозиции государству.

Уже во время Московского царства начинают складываться основные принципы российской имперской политики.[184] В это время Московское царство стремительно растет, поглощая всё новые территории и новые этносы. «Между вступлением на престол Ивана III в 1462 г. и смертью его сына Василия III в 1533 г. территория Московского государства выросла

[182] Р. Пайпс «Россия при старом режиме» М.: Захаров, 2004. С. 146
[183] Там же. С. 248
[184] Здесь мы употребляем понятие «российская империя» в значении особого территориально-политического образования, включающего в себя несколько этносов и конституирующегося установкой на постоянную территориальную экспансию. И не смешиваем его с устоявшимся понятием «Российская империя» XVIII – XIX вв. Последнее понятие связано с принятием

более чем в шесть раз (от 430 тыс. кв. км. до 2800 тыс. кв. км.). Но самые большие завоевания были еще впереди. В 1552 г. Иван IV захватил с помощью немецких военных инженеров Казань и таким образом устранил главный барьер на пути русской экспансии в восточном направлении. Со времени вступления Ивана на престол в 1533 г. и до конца XVI в. Московское царство удвоилось в размере – с 2,8 до 5,4 млн. кв. км. на всех завоеванных территориях проводились массовые конфискации земли. В первой половине XVII в. русские охотники за пушниной прошли, практически не встретившись с сопротивлением, через всю Сибирь и в замечательно короткое время добрались до границ Китая и берегов Тихого океана. Шедшие за ними по пятам царские чиновники объявляли эти земли царской собственностью. Лет за пятьдесят Россия, таким образом, добавила к своим владениям еще 10 млн. кв. км. Уже в середине XVII в. русские цари правили самым большим государством на свете. Владения их росли темпами, не имевшими себе равных в истории. Достаточно будет сказать, что между серединой XVI в. и концом XVII в. Москва приобретала в среднем по 35 тысяч кв. км. – площадь современной Голландии – в год в течение 150 лет подряд».[185]

Причем, необходимо отметить, своеобразную специфику российской империи. Она не имела колоний и не практиковала жесткую эксплуатацию провинций. Более того, она не имела политически доминирующего этноса. Русское дворянство в XVII в. на две трети имело иностранное происхождение. Русские же крестьяне часто оказывались крепостными нерусского помещика. Как правило, русский народ оказывался в более худшем положении и подвергался более интенсивной эксплуатации, чем большинство народов российской империи.

К тому несколько причин:

1. Российский поместный политаризм имел тенденцию к беспрестанному поглощению всё новых территорий, поскольку поместная система требовала все новых поместий, что, в конечном счете, означало увеличение военной и политической мощи государства. Кроме того, российское государство

российскими самодержцами титула императора. Естественно, принятие этого титула ничего не изменило в сущности Российской империи XVI – XX вв.

[185] Р. Пайпс «Россия при старом режиме» М.: Захаров, 2004. С. 119-120

стремилось взять под контроль смежные с ним пространства для обеспечения своей безопасности.

Этот процесс имел своим двигателем поместное политарное государство, ядро которого базировалось в Великороссии. Сущность этой системы – всеобщая мобилизация на государственные нужды. Соответственно, какие-либо ослабления и привилегии для великороссов могли положить начало к разрушению этой системы. Весьма показательно, что разложение поместного политаризма было положено жалованными грамотами российскому дворянству XVIII в.

2. Даже если бы и было такое желание – облагодетельствовать великороссов за счет инородцев, то политарное государство не имело к этому возможностей. Оно в большинстве своем поглощало слаборазвитые небогатые народы,[186] которые были слабо пригодны для эксплуатации. Хотя в Сибири некоторая эксплуатация всё же осуществлялась, но она всегда сдерживалась тем обстоятельством, что чрезмерно эксплуатируемые в любой момент могли откочевать в глухие места.

3. Другим обстоятельством, препятствующим чрезмерному давлению политарного государства на покоренные народы, была слабость средств к их удержанию в рамках российской империи. Подобное давление предполагает развитость инфраструктуры. Эта инфраструктура могла бы быть создана в результате масштабной колонизации вновь приобретенных земель. Именно это мы наблюдаем в районе Поволжья, которое было достаточно быстро освоено русской стихийной[187] колонизацией. В результате этого, оно уже в XVII в. было включено в ядро политарного государства.

Что же касается «диких» восточных земель, появление здесь развитой инфраструктуры было фрагментарным. В XVII в. «между Уралом и лежащей в 750 км. от него столицы Сибири Тобольском проживало 10 тыс.

[186] Те же тенденции мы обнаруживаем в Римской империи. Её расширение на север имело целью обеспечение безопасности своих границ. Какой-либо интенсивной эксплуатации германских областей и Британии Римская империя не осуществляла.

[187] Специально отметим, что эта стихийная колонизация осуществлялась накануне и в процессе формирования крепостничества, то есть до того, как политарное государство смогло взять под свой контроль крестьянство. С оформлением системы крепостничества возможности к колонизации стали минимальными и проводились в основном как государственная политика.

человек».[188] Столь низкая населенность не давала основы для проведения масштабной политарной политики.

В западных же областях[189] империя не решалась на жесткие меры. Как по причине страха, что эти области склонятся в сторону близ лежащих государств, так и вследствие прозападной ориентации послепетровской России.

4. В том же направлении – безболезненное поглощение пространства – работала и русская колонизация. Несмотря на отдельные эксцессы, проникновение русских колонистов на новые земли было достаточно безболезненным.

После покорения Центральной и Южной Америки автохтонное население резко сократилось в результате болезней и чудовищной эксплуатации его испанцами на плантациях и рудниках. Но оно выжило, поскольку пришельцев было относительно немного.

Аборигены Северной Америки были уничтожены почти полностью. Это произошло в результате чудовищного наплыва в течение нескольких столетий массы европейских колонистов. Эпидемии также сделали свое дело.

Как мы уже отметили, завершение формирования политарной системы в России минимизировало ее возможности колонизации. Закабаленные россияне рьяно стремились улизнуть от всевидящего государева ока. Но государство не могло позволить, чтобы это бегство свершилось. В результате на вновь присоединенных «диких» территориях в качестве колонистов появлялись немногие. Земли было много и это не порождало антагонизма между колонистами и местным населением. К тому же в случае проблем это местное население всегда могло откочевать. Так же, многие из колонистов были беглыми, и вести себя чересчур активно было не в их интересах.

Кроме того, колонисты и автохтонное население имели различный хозяйственный уклад. Русские были земледельцами, местные же –

[188] Р. Пайпс «Россия при старом режиме» М.: Захаров, 2004. С. 120

[189] Речь идет о Финляндии, Прибалтике, Польше. Украина и Белоруссия также вошли в ядро политарного государства.

охотниками и собирателями, либо кочевниками. Подобный параллелизм снижал уровень противоречий между ними.

Что же касается широкой миролюбивой души русского народа-богоносца, то эту тему мы предоставим развить патриотически-настроенным авторам.

5. Влияние традиций. Московское царство формировалось в теснейшем контакте с Золотой Ордой, которая унаследовала традицию этнического универсализма Монгольской империи. Усвоение этой традиции было тем более органическим, поскольку подобная же традиция была присуща еще Киевской Руси.

Она получила органическое продолжение в рамках Московского царства благодаря всё той же системе поместного политаризма. Элита этого общества формировалась на основе службы государю. Соответственно, при поглощении новых территорий покоренная элита включалась в господствующий класс. Важным здесь оказывалось не этническое происхождение, а принадлежность к служилым людям. Единственным критерием лояльности по отношению к доминирующей государственности оказывался конфессиональный признак – принятие православия было обязательным.

Кроме того, если учесть, что политарное государство испытывало к своим подданным такое же недоверие, как и к внешнему миру, и часто вело себя как оккупационная власть,[190] то использование иноэтничных служилых людей оказывалось предпочтительным.[191]

Помимо всего прочего, выходцы с запада оказывались носителями более высоких административных, военных и промышленных технологий.

[190] Примеров тому можно привести множество – достаточно вспомнить хотя бы поход Ивана Грозного на Новгород. Он был подобен нашествию жестокой Орды. Или можно вспомнить любимейшую тактику всех российских правительств, использовать для обеспечения своей власти размещение военных гарнизонов во всех значимых пунктах страны.
Эта традиция жива и по сей день. Всем нам знакомо повседневное обособление посредством особого режима и секретности бюрократических структур от подданных. В войсках же оружие содержится под замком с тем, чтобы рядовые не имели к нему свободного доступа.

[191] Кстати, в XX в. в момент формирования новой политарной системы индустрополитаризма мы вновь обнаруживаем активное использование деспотической властью иноэтничных элементов. Что, между прочим, позволило недалеким наблюдателям интерпретировать русскую революцию как заговор инородцев.

Соответственно, их включение в политарную элиту было весьма выгодным.[192]

Второй проект. Трансформация поместного политаризма.

Имперская Россия: от Петра I до Александра II.

Московское царство неудержимо тяготело к экономической, политической, идеологической автаркии. И это тяготение с неизбежностью следовало из самой сущности этого общества. Если бы Московское царство возникло бы в четвертом тысячелетии до нашей эры, то оно могло бы, спокойно существовать, тысячи лет не изменяясь, по сути, и лишь время, от времени переживая чудовищные катастрофы и распад, после которых вновь возрождалось бы как птица Феникс из пепла. Нечто подобное мы и наблюдаем в жизни политарных цивилизаций древности и средневековья. Но проблема в том, что Московское царство возникло в тот момент, когда в непосредственной близости от его границ свершался эпохальный перелом всемирно-исторического масштаба – в Западной Европе зародился и окреп капитализм.

Если вдуматься, то станет ясно, что это событие из разряда тех в истории человечества, которые можно пересчитать на пальцах одной руки. Фактически, таких событий на данный момент всего три – появление человечества, переход к земледелию и зарождение цивилизации, возникновение индустриального общества, то есть капитализма. Последнее особенно существенно. Капитализм это общественная форма, в которой формируется и существует индустриальное общество. Речь идет естественно о наличной исторической перспективе. Возникновение homo sapiens означало приговор всему живому на Земле, оно стало законной добычей человека разумного. Аграрные классовые общества явились приговором для племен охотников и собирателей. Капитализм означает неизбежный конец всех традиционных некапиталистических общественных форм. Во времена Древнего Египта многие племена могли быть спокойны, ибо знали, что

[192] Долгое время правящие круги пытались сохранять монополию на доступ к западным достижениям. Так, например, Борис Годунов выписал для себя несколько врачей из-за границы, но запретил им лечить своих подданных. Более того, любая информация из-за границы была засекречена. Так называемые «Куранты» - обзор международных событий – составлялись в

воины фараона никогда не доберутся до них. Ныне же ни одно традиционное общество не может пребывать в беззаботности – рано или поздно у его границ возникнут сначала торговцы, а за ними и армады броненосцев. Наивно думать, что эти броненосцы плод хитрого европейского ума или, на худой конец, посланцы особой «материалистически ориентированной» цивилизации. Если бы это было так, то аборигены могли бы перенять пару тонких приёмов и создать нечто подобное. Либо же обаять жестоких пришельцев утонченной духовностью своего мира. Но секрет в том, что сама капиталистическая общественная структура неразрывно связана с массовым производством и безудержным технологическим прогрессом. Мыслить капитализм в категориях штучного производства и технологической стагнации это то же самое, что мыслить огонь вне движения. Рыночная конкуренция и машинное производство высвобождают чудовищную продуктивность по своей мощи сопоставимую с колоссальной энергией расщепленного атома. Эта же структура с неизбежностью порождает наиболее эффективную на данный момент систему управления – демократию. В целом же капиталистическое общество продуцирует такой идеал свободной, вольготной жизни отдельного человека, который оказывается неудержимым магнитом для миллионов и миллионов подданных традиционных государств. В этом отношении весьма характерно замечание одного чиновника администрации Бориса Годунова: Русского человека выпускать за границу нельзя. Он там такого насмотрится, что обратно под государеву руку возвращаться не захочет.

Таким образом, традиционные общества органически неспособны к конкуренции и противостоянию капитализму. Если это им и удается в отдельный момент, то в длительной временной перспективе это всегда заканчивается плачевно. Традиционное общество оказывается неспособным выстроить социально-экономические и политические структуры, которые бы порождали такой же шквал новаций. И они не способны создать необходимую массу общественного продукта, который мог бы обеспечить функционирование этих структур. Фактически можно говорить о Вызове, который предъявляет капитализм самим фактом своего существования всем

ограниченном количестве и лишь для служебного пользования. Эту традицию отчасти стал менять лишь Петр I.

традиционным обществам. И чем более развит капитализм, тем труднее игнорировать этот Вызов.

В 16-17 веке капитализм лишь формировался, но его Вызов уже явственно ощущался Московским царством. Конечно, московская элита не могла мыслить в категориях, в которых мыслит современный продвинутый социальный теоретик, но серия чудовищных военно-политических катастроф явно свидетельствовала ей, что не всё ладно на Руси. Начиная с середины 17 в. в Московии явно наблюдаются прозападные настроения, которые в итоге выливаются в попытку Петра I изменить российскую цивилизационную матрицу. Теперь речь идет о том, что, не меняя общей политарной парадигмы, элита пытается модернизировать её посредством заимствования «западных» технологий и отдельных политических институтов. Парадигма «автаркии» сменяется парадигмой «заимствования». Все последующие после Петра цари либо пассивно поддерживали эту парадигму, либо пытались развить (Екатерина II, Александр I).

Эпоха Петра I весьма двойственна. С одной стороны, это высший пик поместного политаризма. В это время масштабно задействуются все ресурсы политарного государства ради его модернизации. Проникновение государства в жизнь общества становится почти тотальным. Дворянство не только мобилизуется на государеву службу, но от него требуют и кардинальной смены всего образа жизни. Малейшее сопротивление карается лишением всех прав и состояния. Крестьянство также мобилизуется посредством новой налоговой системы, принудительных работ, ужесточения регистрационного контроля. Церковь окончательно оказывается подчиненной государству, и превращается в один из его институтов. Дело доходит до того, что Петр законодательно обязывает нарушать тайну исповеди в государственных интересах. Создается разветвленный бюрократический аппарат, который тотально пытается контролировать общество.

С другой стороны, этот высший пик поместного политаризма оказывается отправной точкой его разложения. Нарушение экономической, политической, идеологической автаркии, ликвидация поместного войска приводят к ослаблению политарных пут. В середине XVIII в. появляется возможность освободить дворянство от обязательной государственной

службы с сохранением за ним поместий. Начинает формироваться институт частной собственности. Кроме того, потребность в образованных людях способствует возникновению идеологической оппозиции.

Но в тоже время основания для политаризма сохраняются. Огромная регулярная армия нуждалась в промышленности и развитом бюрократическом аппарате. Трагедия состояла в том, что эти вещи возникли на Западе, на базе развития капитализма. Они стоили дорого, но западное общество могло позволить их себе. Россия же вынуждена была их организовать, не имея адекватной им экономической и социальной базы. Всё это легло непосильным бременем на страну. Вследствие этого институты, которые на Западе во многом способствовали экономическому прогрессу и процветанию, в России вели к массовому обнищанию подданных. Население, вынужденно финансируя эти государственные проекты, оказывалось не способным накопить необходимые финансовые ресурсы, которые оно могло бы вложить в промышленность и торговлю.

Более того, эти институты не были автохтонными и посему нуждались в политарном государстве. В течение XVIII – первой половины XIX вв. этот разрыв все более увеличивался, пока не привел к полному банкротству всей системы.

Парадигма «заимствования» поначалу была достаточно эффективной – капитализм делал только первые шаги и «тактика Кунктатора» еще могла сработать. Но даже при этом она таила в себе опасные пороки. Не говоря уже об общем цивилизационном отставании, те политические новшества, что привились на российской почве, во многом обернулись бедой. Так, например, прививка «западной» культуры разверзла глубочайшую пропасть между элитой и народом, так что иной барин чувствовал себя в Париже как в отечестве, а в России, как за границей.

Итогом цивилизационного проекта «частичных заимствований» стала перманентная отсталость России от Запада, которая и выразилась в «крымской катастрофе». Формирование нового цивилизационного проекта оказалось неизбежным.

Третий проект. Демонтаж поместного политаризма.

Пореформенная Россия: от Александра II до Николая II.

В 19 веке элита начинает понимать, что частичные заимствования не позволяют дать достойный ответ Вызову «Запада». Становится очевидным, что государственное выживание России возможно лишь в том случае, если будет создана такая же социально-экономическая и политическая структура общественных отношений, которая существует на «Западе». Ирония состоит в том, что российский политаризм возник и существовал как необходимое условие политического выживания страны. Но к середине XIX в. для многих стало очевидным, что при дальнейшем сохранении политарных структур о политическом выживании страны не может быть и речи.[193]

Формируется третий цивилизационный проект: демонтаж традиционной «поместно-политарной» формации и осторожный дрейф в сторону «Запада». Но сама осторожность и медлительность этого движения порождает новые напряжения, которые обостряют старые проблемы. К накапливающейся энергии социального взрыва крестьянства и национальным противоречиям добавляется революционный потенциал возникшей разночинной интеллигенции и недовольство пролетариата. Перед лицом назревающей революции бюрократия (политархи) в лице Александра III и Николая II не находит ничего лучшего, как «заморозить» реформы. Возобладала *охранительная* тенденция. В конце царствования Александра III с «революционной заразой» было покончено, никто не смел и пикнуть, но если бы вы спросили первого встречного мыслящего человека: «Будет ли революция?», то он бы ответил: «Безусловно, будет!».

Образно говоря, можно утверждать, что в 1861 г. вероятность революции 1917 года составляла 60%. Неумелые, а подчас и бездарные действия российской бюрократии привели к тому, что каждое десятилетие стремительно пожирало шансы избежать революции. В 1914 г., в момент, когда Россия вступила в Великую войну, революция стала неизбежностью. Трагизм ситуации состоит в том, что русско-японская война и первая русская революция с очевидностью свидетельствовали о катастрофических последствиях участия России в большой войне. Но выбора уже не было.

[193] Печально, что эта дилемма сохраняется и поныне. Она же порождает чудовищный разрыв между ментальностью и идеологией большинства россиян с одной стороны и реальным положением вещей с другой. Реальность демонстрирует катастрофичность для России дальнейшего сохранения политарных структур. Большинство же россиян традиционно уверены,

Третий цивилизационный проект, проект демонтажа политарной системы, закончился чудовищной катастрофой. Обычно эту катастрофу называют революцией 1917 года. Это и верно и неверно. Всё началось как буржуазно-демократическая революция, но в итоге российское общество, изначально выстроенное в политарных алгоритмах, просто не выдержало этого социального потрясения. Разрушение самодержавного, полицейского государства вызвало цепную реакцию распада всех структур. Фактически мы имеем дело с катастрофой, какие частенько можно наблюдать в истории политарных обществ древности. Российский «поместный» политаризм в одночасье рухнул, увлекая за собой и городской капитализм, и церковь, и искусство, и науку, и бюрократию, и правящий класс. Весь 1917 год – это стремительный и полный распад Российской империи. На месте сложноструктурированного и иерархизированного общества образовалась социальная жижа, чреватая в будущем самыми разнообразными исходами. Фактически произошел возврат к базовым элементам политарного общества. Все сложнейшие цивилизационные наработки российского общества в деревне были сметены базовым элементом политаризма – общиной. В городе же они были сметены восстанием продуктов разложения политаризма – люмпен-пролетариатом.

Некоторые западные авторы (Т. фон Лауе, Л. Кочен, Б. Мур, Т. Шанин) и авторы отечественные (Ю. И. Семенов, Г. Завалько) рассматривают русскую революцию как событие, направленное на преодоление отсталости России, её зависимости от развитых капиталистических стран Запада. В предельном случае русская революция интерпретируется как национально-освободительная революция. Подобный взгляд есть ретроспективная интерпретация этих событий. Фактически, он восходит к послереволюционному теоретизированию большевиков, которые пытались всячески оправдать и облагородить совершенный ими переворот.

Безусловно, Россия значительно отставала от Запада,[194] но темпы, которыми она развивалась, внушали уверенность, что это отставание будет

что только сохранение этих структур обеспечит выживание России. Естественно, они при этом руководствуются не объективным научным анализом, а устоявшейся коллективной мифологией.

[194] Кстати, тоже можно сказать и об Испании, Португалии, Италии, Австро-Венгрии. Но почему-то никто не говорит об их зависимости от Англии или Франции, и никто не рассуждает о необходимости в этих странах национально-освободительных революций.

преодолено. Необходимость «революции запоздалой модернизации» или национально-освободительной революции в России хорошо очевидна для современных теоретиков, которые ретроспективно проецируют свои взгляды на исследуемое событие. Но ничего подобного мы не находим в идеологиях и программах самих участников революций. Даже большевики не заявляли подобного тезиса во время революции и гражданской войны.

Кроме того, в чем выражалась зависимость России? В присутствии иностранного капитала? Участие иностранного капитала в США весьма высокое, но никто не говорит, что США – зависимая страна. Царские долги? Однако их доля, относительно экономики страны была ничтожной. Более того, долги СССР многократно превышали объем долгов царского правительства. Но никто не говорит о том, что СССР – была зависимой страной.

Что же касается марксистов, утверждающих национально-освободительный характер русской революции, то их логика понятна. Они оказываются жертвой догматизма ортодоксального марксизма. Этот марксизм с его линейно-стадиальной схемой и верой в скорый крах капитализма знает для эпохи капиталистической формации лишь три революции: буржуазная, социалистическая, национально-освободительная. Имея эти три варианта, незадачливому теоретику не приходится особенно трудится. Русская революция – не буржуазная революция. Русская революция – не социалистическая революция – здесь отдадим должное: надо быть продвинутым марксистом, чтобы признать это. Следовательно, по методу исключения выходит, что русская революция – это национально-освободительная революция.

Мы не считаем подобный способ теоретизирования приемлемым. Как и во многих других случаях здесь на лицо чудовищный разрыв между традиционной, устаревшей теоретической схемой и реальными фактами. Конечно, в ситуации этого разрыва можно до последнего держаться за устаревшую схему. Это упорство даже вызывает некоторое уважение – чтобы было с научными теориями, если бы не находились люди, готовые защищать их до последнего? Но в случае с традиционным марксизмом пришло время не бездумной глухой обороны, а для творческого изменения неадекватных схем.

Русская революция не являет из себя чего-то особенного и удивительного. Она является революцией в западном смысле этого слова лишь по видимости. Реально же русская революция – это обвал политарных структур, социальный взрыв, уничтоживший старое общество. Итогом было полное разжижение социальных структур и последующая ожесточенная конкуренция различных политических сил за власть, а значит и за возможность восстановить порядок. Большевики оказались в этой ситуации наиболее эффективной силой. Их эффективность заключалась в том, что при всем своем идеологическом романтизме они были законченными прагматиками и реалистами. Они использовали наиболее эффективные методы. А в России наиболее эффективные методы по поддержанию и восстановлению порядка всегда были методы политарного государства. Большевики делали все, что всегда делало российское государство, но они придали этим методам тотальную масштабность и последовательность системы. Большевизм, таким образом, есть квинтэссенция всей парадигмы российского политарного государства. Итогом их усилий явилась реставрация в абсолютизированных формах традиционного российского политаризма, но на новой основе. Начиная с 1917 года «поместный» политаризм трансформируется в индустрополитаризм.

Четвертый проект. Индустрополитаризм.

Советская Россия: от Ленина до Горбачева.

Еще раз: политаризм, это такая общественная формация, при которой коллективный субъект (государство) выступает на социальном поле как тотальный и единственный, или доминирующий субъект. Все остальные субъекты при этом выступают либо как агенты этого «сверхсубъекта», либо как его сателлиты. В этом отношении советский индустрополитаризм, с одной стороны, глубоко типичен, с другой стороны - являет новую, ранее не известную форму политаризма. Все предыдущие формы политаризма были характерны для аграрных обществ. На этой базе политаризм был эффективен, он был адекватен ей, и мог существовать тысячелетия. Но невозможно говорить о подобной же эффективности и адекватности в отношение политаризма как формации индустриального общества. Возникновение индустрополитаризма разумно рассматривать как

статистическую закономерность, действующую в ряде стран при их переходе из аграрного состояния в индустриальное.

Таким образом, последние 300 лет Россия непрерывно пытается преодолеть барьер, отделяющий аграрное общество от индустриального, политарное общество от капиталистического. В этом отношении советский индустрополитаризм является контрдвижением. Но не в чистом смысле этого слова. Фактически, мы имеем дело, с суперпопыткой осуществить построение индустриального общества путем мобилизации всех ресурсов старых, традиционных методов, то есть методов политаризма. Здесь новое содержание оказывается в глубочайшем противоречии старой форме.

Можно выявить следующие основные черты советского индустрополитаризма: Государство – главная ценность и доминирующий субъект во всех сферах социального поля: общенародная (де-факто, государственная) собственность на деле оказывается собственностью коллективного собственника – бюрократии. Партийно-хозяйственная номенклатура – это класс политархов, список лиц допущенных к владению, распоряжению и использованию, и, в то же время, реестр лиц, представляющих власть владеть, распоряжаться и использовать. Партийное государство. Сохранение либо восстановление в новых одеждах старых политарных черт: традиционность, консерватизм, патернализм, примат коллективного перед индивидуальным, общинность, круговая порука, произвол, культ правителей и господствующей идеологии, монологизм…

Все эти черты выглядят мало привлекательными и, очевидно, что большевики создавали подобную структуру не из любви к ним. Они руководствовались соображением максимальной эффективности и надеялись перемолоть все отрицательные последствия своих шагов. В ситуации гражданской войны и хаоса, в ситуации последующей стремительной индустриализации политарная структура оказывалась наиболее действенной. Индустрополитаризм обладает исключительной способностью к мобилизации во всех сферах, что порождает устойчивость в момент кризиса. Он может заплатить любую цену за достижение желаемого результата и в силу этого способен к рывку в нужном направлении.

Советский индустрополитаризм сложился не сразу, его формирование шло в несколько этапов.

Гражданская война. Как мы отметили выше, события октября 1917 г. не были социалистической революцией, хотя и проходили под социалистическими лозунгами. Безусловно, первоначально большевиков поддержали крупные индустриальные центры: значительная часть пролетариата и различные городские слои. В период гражданской войны, время от времени большевики опирались на поддержку крестьянства. Это происходило в те моменты, когда интересы крестьянства ситуативно сближались с интересами большевиков. Но по мере разворачивания гражданской войны поддержка вышеозначенных сил стремительно убывала. К 1921 г. большевистская власть оказалась в социальном вакууме. В результате деиндустриализации пролетариат большей частью рассеялся, а оставшаяся часть находилась в пассивной оппозиции. Недовольство же крестьянства вылилось в масштабную крестьянскую войну.

Большевики удержались у власти и победили не за счет поддержки пролетариата и крестьянства, а за счет опоры на гигантский государственный, бюрократический аппарат и безусловную поддержку национальных меньшинств.

В некотором смысле индустрополитаризм сконструировал сам себя. Забавно, но, похоже, это тот редкий случай, когда барону удалось вытянуть за волосы самого себя из болота. Дело в том, что с самого начала большевики в еще большем масштабе, чем это было до революции, воспроизвели мощное централизованное государство с гигантским бюрократическим аппаратом, в котором служили миллионы людей. Именно они оказались наиболее надежным фундаментом большевистской власти. В то время как белое движение пользовалось услугами представителей прежних элит, большевики предоставили миллионам представителей низших классов возвыситься на социальной лестнице. Они получили бесконтрольную власть, материальные блага, престиж. В случае победы белого движения эти люди лишились бы не только всего, но и были бы казнены за свои преступления. Естественно, эти люди оказывались наиболее верными, наиболее убежденными сторонниками новой власти, поскольку победа коммунистической революции означала и их победу. Этот механизм действовал вплоть до пятидесятых годов.

Кроме того, сам факт обладания центральной властью, давал поистине магический эффект. В этом нет ничего удивительного, учитывая минимальную политическую активность россиян и давнюю традицию верноподданничества.

Большевиков активно поддержали национальные меньшинства, дискриминируемые царским правительством. Советское государство предоставило им блестящие возможности для социального роста. Причем весьма любопытны две особенности.

Первая – среди национальных меньшинств поддержка большевиков была тем выше, чем выше был уровень их образования и «цивилизационного подобия» собственно российскому обществу. Именно этот разрыв между личностным уровнем и реальными возможностями социального роста столь ожесточал этих людей против старого режима.

Вторая – те национальные меньшинства, которые имели опыт государственности и заметную национальную буржуазию сделали выбор не в пользу большевистской власти, а национализма. Наиболее верным большевикам национальным меньшинством были евреи. Именно здесь разрыв между образованностью и социальной мобильностью с одной стороны и почти полной невозможностью сделать карьеру с другой был наиболее глубоким. В похожем же положении находились и прибалты. В общем же почти все нации Российской империи приняли самое активное участие в разрушении старого порядка. Дело не обошлось даже без китайцев. Их число в Красной Армии превышало сто тысяч человек.

Таким образом, к 1921 г. политарные структуры в основном победили в городе. Но сил для овладения деревней было недостаточно. Кроме того, всеобщая разруха не позволяла и в самом городе подчинить всё политарному государству. Это равновесие выразилось в НЭПе. Двадцатые годы были временем перегруппировки и накапливания сил политарного государства. Это равновесие не могло сохраняться долго. Страх реставрации неотступно преследовал политархов. Неохваченная политарными структурами крестьянская масса внушала им опасения. Кроме того, выяснилось, что методы директивного управления, которыми столь ловко пользовалась бюрократия в городе, не проходят по отношению к крестьянству. Первые же попытки изъятия прибавочного продукта у

деревни, предпринятые в конце 20-хх гг. закончились плачевно. А этот продукт был необходим для проведения индустриализации. Без такой индустриализации существование политарного государства было проблематичным.

Экспроприация почти 80% населения России, именуемая коллективизацией и проведенная на этой основе полномасштабная индустриализация ознаменовали завершение формирования индустрополитарной формации в России.

Индустрополитаризм обладает исключительной способностью к мобилизации во всех сферах, что порождает устойчивость в момент кризиса. Он может заплатить любую цену за достижение желаемого результата и в силу этого способен к рывку в нужном направлении. Эта структура гарантирует каждому определенный социальный стандарт и создает коллективное ощущение счастья, устроенности, причастности к великому целому.

Эти преимущества работают, прежде всего, на короткой временной дистанции. В длительной же исторической перспективе индустрополитаризм отчетливо демонстрирует структурные пороки, предвещающие его крах. Индустрополитарная структура фундаментально экономически неэффективна и склонна к чудовищной расточительности. Она не способна к гибкому органичному развитию и не может создать режим непрерывного и тотального порождения новаций. И, наконец, легендарная устойчивость этой структуры в моменты кризиса имеет своей обратной стороной чрезвычайную хрупкость: критический удар способен мгновенно её обвалить; если же структура выдержала его, то она устоит. В целом же индустрополитаризм в силу своей ригидности, коррумпированности, «мафиозности» имеет тенденцию к накоплению деструктивного потенциала, что приводит в итоге к всё большей неспособности соответствовать внешним и внутренним вызовам.

В 80-е гг. XX в. это стало очевидно всем. Советский индустрополитаризм вступил в фазу стремительного распада. Развал экономики привел к возникновению и увеличению разрыва между демографическим ростом и темпами экономического развития. В итоге СССР оказался не способен обеспечить своей экономикой позиции в конкуренции с Западом, что

выразилось, в том числе и в идеологическом поражении. Централизованное плановое руководство всеми социальными сферами оглушительно обанкротилось. И это банкротство выглядело ещё более ужасным на фоне деградации правящей элиты. Более того, часть самой элиты оказалась основным субъектом, разрушающим систему. Дело в том, что доктрина «этнического национализма», сформулированная и практикуемая в свое время большевиками, привела к формированию национально-клановых элит. Курьез в том, что эта доктрина помогла большевикам победить и более того канализировать национальное движение в направлении создания империи. И эта же доктрина породила мину замедленного действия, поскольку был запущен механизм формирования национальных элит. В течение двадцати пяти лет этот процесс сдерживался сталинскими репрессиями, которые порождали страх у «прореживаемой» элиты. Но прекращение репрессий позволило, наконец, национально-клановым элитам комфортно укорениться в своих «вотчинах» и, самое главное, осознать свои «вотчинные» интересы. Именно они и разорвали «тело» СССР. Может быть, этого и удалось бы избежать, или, по крайней мере, хотя бы отчасти нейтрализовать, если бы центральная элита имела бы адекватное представление об обществе, ею управляемом, и о своем месте, занимаемом в нем. Но она была не только парализована «национальными агентами», кооптированными в ее состав, но и пребывала в иллюзорном мире, порождаемом господствующей политической мифологией.[195]

Монополия на информацию и идеологическая «промывка мозгов» сыграли злую шутку с советской элитой. Сталин и его товарищи знали, как берется

[195] Естественно, эта политическая мифология возникла не в 1980-е гг. С самого начала большевики плохо представляли то, что происходит и те процессы, которые они пытались оседлать. Это очень поучительная история. Марксисты всегда кичились тем, что они обладают единственно верной по-настоящему научной социальной теорией. Но это оказалось иллюзией. В 1920-ее гг. они полны растерянности относительно того общества, которое вышло из горнила гражданской войны. Большинство из них по-прежнему мыслили абстрактными схемами политической доктрины. Им казалось, что серия блестящих теоретических работ или выступлений на митингах, или, по крайней мере, руководство армией или промышленностью достаточны для того, чтобы обладать властью. И все они с опасением ожидали прихода нового Бонапарта. Единственным, кто понял, в чем ключ к власти был Сталин. Скорее всего, теоретически, он также как и его товарищи не понимал, что происходит, хотя и думал, как и они, что понимает. Но практически, интуитивно, он был единственный, кто осознал, что главная сила нового общества – бюрократия. Он возглавил аппарат – и победил. Другие же дорого заплатили за свои иллюзии. Они собирались загнать «клячу истории», но сами оказались затоптаны ею.

власть и как она удерживается. И они знали цену лозунгам о «творческой силе народа», о «советской демократии», о «дружбе народов» и т.д. Но советские политархи, которые стояли у кормила власти в середине 80-хх гг. ни чего об этом не знали. Они учились в советской школе, формировались в советских институтах, обретали опыт в кабинетах и на официальных мероприятиях. Они даже не знали подлинной истории возникновения их общества и его природу. Их представления о СССР и окружающем мире не простирались дальше советских учебников и партийных деклараций. Сегодня множество «знатоков» важно толкуют о предательстве Горбачева, о преступном развале Советского Союза и о том, что нужно было идти по пути Китая. Но думали ли они так в 80-ее гг.? Скорее всего, нет, ибо и они учились в советских школах и институтах.

По большому счету Горбачев делал всё, чему учила его советская идеология. Он столкнулся с кризисом системы, и идеология гарантировала ему, что любой кризис можно преодолеть, обратившись к творческой активности народа и демократии и гласности, которые эту активность стимулируют. Он знал о ленинском НЭПе и рассчитывал на всемогущество этого рецепта вождя. Поскольку всё это было идеологическим мифом, результатом был крах. Демократизация и гласность расшатали политарные структуры, поскольку же других структур не было, это привело к политическому хаосу. Кооперативы же еще более усугубили кризис экономической системы, поскольку оказались прекрасным средством для мошеннического перекачивания государственных средств в частные карманы.

Что же касается возможности пойти по пути Китая, то, судя по всему, такой возможности просто не было.

В самом деле:

1. Формирование политарной системы нуждается во внешнем масштабном ресурсе, так же как и ее реформирование. Такой ресурс у Китая был – огромный источник дешевой рабочей силы. СССР же находился в 1980-ее гг. в демографическом «провале», падение же цен на нефть лишило его источника финансирования неэффективной экономики.

Этот эпизод должен быть напоминанием социальному теоретику о том, сколь велика вероятность того, что его истинная теория может оказаться лишь иллюзией.

2. После десятилетия «культурной революции», после экспериментов «большого скачка», ускоренного построение социализма с китайской спецификой КНР оказалась у «разбитого корыта». Поскольку результатом деятельности коммун стал тотальный голод, их можно и нужно было распустить и передать землю крестьянам. Разрушать же систему колхозов и совхозов – на это не хватило бы политической воли у даже самого рьяного реформатора.

3. В отличие от Китая в СССР господствовало крупное сельскохозяйственное производство, возврат к фермерскому хозяйству оказался бы неэффективным.[196]

4. Принципиальное отличие властных элит Китая и СССР. Советская элита полностью деградировала. Политическая воля и инициатива к радикальному преобразованию советского общества у неё отсутствовала. Семьдесят лет политической монополии и господства номенклатуры сделали свое дело. Да и репрессии не прошли бесследно. Китайская же элита была относительно молодой. Да и характер репрессий в КНР был несколько иным.[197] Напомним, что Дэн Сяопин во время чисток не был расстрелян, а лишь отправился в ссылку – работать слесарем на тракторном заводе. Если бы Н. Бухарина не расстреляли, то, возможно, после смерти Сталина он смог бы вернуться во власть и предложить нечто оригинальное.

Подводя итог рассмотрению советского индустрополитаризма мы посчитали необходимым оценить этот период.

Коммунистический эксперимент в России оказался национальной и цивилизационной катастрофой. Катастрофой как в смысле людских и материальных потерь, так и в смысле положения в ряду развитых стран.

---

[196] Современное положение вещей это подтвердило. Фермерские хозяйства в большинстве своем либо разорились, либо близки к этому, а развитие сельского хозяйства идет по пути создания крупных и даже гигантских капиталистических предприятий.

[197] Так, например, миллионы старых кадров были отправлены в так называемые «школы 7 мая». « «Слушатели» этих школ получали заработную плату, что свидетельствовало о желании руководства сберечь их духовный, политический потенциал, но в то же время они находились фактически в заключении до тех пор, пока их не «освободят» руководители школ. Учебный процесс состоял из тяжелого физического труда, углубленного изучения идей Мао Цзэдуна и бесконечной самокритики за ошибки, совершенные в прошлом». Барач Денеш «Дэн Сяопин» М., 1989 С. 156-157

Как известно, история не имеет сослагательных наклонений. В этом отношении достаточно трудно говорить о том, что было бы с Россией, если бы не было революции 1917 г. И всё же.

Перед революцией Россия занимала пятое место в мире по промышленному производству и однозначно входила в число развитых стран Запада. Она была составной частью капиталистического ядра. Безусловно, Россия была тяжело больна революцией. Но если бы, каким-то чудом революции удалось бы избежать и провести буржуазно-демократические реформы, то, скорее всего, Россия в XX в. была бы одним из самых сильных государств мира. Её экономическое и политическое положение было бы равным, а, возможно, и превышало бы положение США.

Вместо этого:

1. Десятки миллионов людей, погибших в гражданской войне, репрессиях, и социальных экспериментах.
2. Чудовищное расточение материального богатства в социальных экспериментах и финансировании мирового социалистического движения.
3. Уничтожение старой элиты, формировавшейся столетиями.
4. Россия выброшена из капиталистического ядра, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И ныне является среднеразвитой страной. Перспективы попадания её в капиталистическое ядро весьма сомнительны.
5. Пресечено органическое развитие российского общества и заменено административно-директивным. Это основная трудность современной России – воссоздание естественных общественных отношений. На это потребуются многие десятилетия: должен сформироваться широкий класс собственников; пролетариат должен пройти длительную капиталистическую выучку труда и дисциплины, также, как и буржуазия; и те и другие должны осознать свои классовые интересы и понять, что их необходимо защищать в рамках профессиональных организаций и политической демократии; должно сформироваться гражданское общество и его механизмы контроля государственной бюрократии; должны в корне измениться ментальность и возникнуть новые традиции

и т.д. Всё это во многом уже было сформировано в дореволюционной России, ныне же нужно начинать с нуля.[198]

Таким образом, двигаясь в XX в. по пути индустрополитаризма Россия оказалась в цивилизационном тупике. Перспективы неясны. Но отчаиваться не стоит. По этому поводу Дж. Хоскинг, известный английский исследователь-руссист, справедливо заметил: «Россия, пройдя различные этапы развития, является великой страной, сумевшей выжить на протяжении многовековой истории своих народов…она не раз переживала трудные, даже отчаянные исторические периоды, некоторые порой оказывались намного серьезнее, чем её нынешнее положение. Но страна находила в себе силы с честью выходить из этих ситуаций и пережила несколько периодов относительного процветания. Её общество и культура характеризуются чрезвычайной гибкостью и способностью к адаптации. Тем не менее, Россия нуждается в государственных деятелях, обладающих недюжинными дарованиями и политическим видением, способных не только изменить страну, но и сохранить всё ценное, что было в её истории, перестроив её таким образом, чтобы она соответствовала требованиям и условиям жизни в XXI в.».[199]

Августовская революция 1991 г.

Революция, которую почти никто не заметил. Но это действительно революция, по своим масштабам и глубине преобразований, оказывающаяся не хуже Великой французской революции или революций 1848 г. Фактически, это третья русская революция. Естественно, её временные рамки не ограничены 1991 годом. Речь идет о серии радикальных преобразований, осуществлявшихся на протяжении нескольких лет.

Августовская революция это особенная революция - она резко отличается от первых двух русских революций. Революция 1905 года была надломом, кризисом старого порядка, восстанием неэлитных классов против господствующей элиты. Революция 1917 года была крахом, обвалом старого

[198] Безусловно, советское время принесло и много положительного: индустриализация, развитие образования, создание обширной системы социальных гарантий. Но, скорее всего, в рамках буржуазно-демократического пути развития все эти цивилизационные наработки выглядели бы более впечатляюще. Кроме того, эти достижения ныне нуждаются в кардинальном переоформлении в соответствии с экономической целесообразностью и эффективностью.

порядка. В её горниле не уцелел ни один прежний, старый класс. Революция же 1991 года была по существу радикальной реформой старого порядка, осуществляемой продвинутой частью прежнего, уже господствующего класса бюрократии. «Тайна» третьей русской революции состоит в том, что она была осуществлена господствующим классом. Это хорошо видно на примере тысяч и тысяч «демократических революционеров». Они собирались разрушить и радикально преобразовать старое государство. И государство жаждало этого. В итоге же оно – государство – указало на дверь одним «революционерам» и с удовольствием ассимилировало других. Естественно, этим процессом руководил старый аппаратчик, политарх.

«Бюрократическая революция» трансформации индустрополитаризма осуществлялась по нескольким каналам.

1. Политические преобразования. Демонтаж обанкротившегося «партийного государства» и попытка ввести плюрализм и демократию. Здесь одна часть бюрократии, осознавшая необходимость перемен, вытеснила с политической арены другую часть бюрократии. Причем, весьма любопытен социальный облик этой бюрократии. Советская элита представляла собой партийно-военно-хозяйственную номенклатуру. В результате революции хозяйственная номенклатура изрядно потеснила номенклатуру партийную и военную. Кроме того, этот переворот был переворотом бюрократии среднего звена. Естественно, на уровне феноменов это не осознавалось – демократические перемены воспринимались этой группой бюрократии как блестящая, хотя и несколько рискованная возможность стремительной карьеры.
2. Причем политические преобразования осуществлялись в форме борьбы за национальный суверенитет. Национальные группы бюрократии столковались с национальной интеллигенцией и, во многом, канализировали недовольство масс в борьбу за национальные суверенитеты. «Центральная» бюрократия просто повисла в воздухе в тот момент, когда республики объявили о своем суверенитете и реализовали его на деле.[200]

---

[199] Хоскинг Дж. «Россия и русские»: В 2 кн. М.: 2003. Кн. 2. С. 412

[200] Сколь мифологично мышление русских националистов-державников, прекрасно иллюстрирует тот факт, что они не помнят своих вчерашних дел и слов. Сегодня они рьяно

3. Переоформление фактического права распорядителя в юридические права собственника. Это важнейший пункт разложения индустрополитарной формации. Важнейшая черта политаризма – коллективная собственность бюрократии, представляющей «тело» государства. В конце 1980-хх коллективный собственник стал распадаться, и наиболее сметливые номенклатурщики поспешили обеспечить свое будущее. Этот процесс – одна из причин последующего возвышения хозяйственной части номенклатуры. Именно она оказалась в наиболее выгодном положении при «растаскивании» государственного имущества. «Еще при Горбачеве государственные и партийные чиновники, контролировавшие средства производства, начали переоформлять свои фактические права распорядителя в юридические права собственника. Они использовали средства и собственность, которые находились в распоряжении партии и министерств, для создания совместных предприятий с иностранными фирмами, для приобретения высокорентабельных экспортных производств, сдавали в аренду производственные и офисные помещения, занимались городским развитием, особенно восстановлением и реставрацией старого фонда. Первой из «старорежимных» организаций, сумевших воспользоваться новой ситуацией в экономике, был ленинский комсомол, который в условиях резкого падения членства в своей организации начал в середине 1980-х гг. процесс децентрализации и диверсификации, привлекая молодежь к неполитической деятельности, представлявшей интерес для молодых людей. Комсомол стал создавать «центры научно-технического творчества молодежи», где удачные идеи превращались в коммерческие проекты, финансировавшиеся Молодежным коммерческим банком. Вскоре в этот процесс была вовлечена и вся номенклатурная элита, располагавшая несравненно более мощными ресурсами. Она обращала находившуюся в её распоряжении собственность в наличность, использовала свое положение для

ищут врагов и предателей, продавших, погубивших великую империю. Если они делают это искренне, то они должны вязать и судить себя. Пока те или иные окраинные республики объявляли о своей независимости, дело еще было поправимо. Решающий удар, был нанесен, в том числе и русскими патриотами, с энтузиазмом участвующих в создании независимой России. Именно в этот момент союзные органы власти превратились в фикцию.

получения льготных кредитов и вела торговлю с зарубежными странами, делая прибыль на курсовой разнице валют. В своей деятельности внутри России чиновники получали прибыль, играя на различиях между государственным сектором, имевшим доступ к бюджетным средствам и частным, лишенным этого доступа. Так за очень короткий срок сколачивались огромные капиталы. Постсоветская программа приватизации дала новый импульс этому процессу. Законом, принятым в июне 1992 г., директорам заводов и рабочим коллективам разрешалось приобретать 51% акций приватизируемых предприятий по очень заниженным ценам. Это стало обычным способом приватизации, и поскольку директора почти всегда могли впоследствии выкупить у рабочих их долю акций, старая номенклатура снова оказалась на ключевых постах, теперь уже сидя в креслах председателей или членов совета директоров бывших госпредприятий. К 1994 г. половина всех предприятий России была приватизирована, но руководили ими (и уже владели) все те же знакомые лица».[201]

Кажется, именно с этого момента русская история перестает являть оригинальность и разнообразие. Здесь уже нельзя говорить о пятом цивилизационном проекте – проекте 90-хх, так же как нельзя говорить о шестом цивилизационном проекте – проекте «вертикали и административного ресурса». Создается впечатление, что последние двадцать лет - это пошлая калька с пореформенной России. Так же как и тогда вновь поставлена задача, создать в России западные общественные отношения. Так же как и тогда процессом заправляет бюрократия. Так же как и тогда половинчатые преобразования замораживаются в охранительном духе. И не дай Бог, если так же как и тогда дело закончится национальной катастрофой и последующей кровавой баней.

Если же говорить без лирики, то необходимо признать совершенно справедливой характеристику августовской революции: «Революция бюрократии против партмаксимума». На фоне всеобщего развала, под давлением низов часть бюрократии предпринимает перестройку индустрополитаризма с двоякой целью: повышение его эффективности и

[201] Хоскинг Дж. «Россия и русские»: В 2 кн. М.: 2003. Кн. 2. С. 387-388

создание ситуации более благоприятной для индивидуального использования власти, для более свободного пользования благами, даваемыми ей.

Таким образом, современный момент – попытка ответа на «Вызов» через комбинацию элементов политаризма с элементами капитализма. Буйство восьмидесятых и начала девяностых привели к появлению общества, которое несколько образно можно охарактеризовать так: 60% политаризма, 40% капитализма.

Правда, эти 40% - первое, что бросается в глаза. Они включают в себя наиболее динамичные, наиболее эффективные социальные структуры. Такими их сделала частная инициатива. И именно это грозит им гибелью. Бюрократия с завистью косится на них и громко вопрошает: «Почему всё это не служит народу? Ведь оно когда-то принадлежало ему, и мудро управлялось добродетельными чиновниками». И это действительно несправедливо. Сколько чудных и доходных должностей гибнет под пятой капитала! Почему чиновник, десятилетия верой и правдой тренировавший гибкость позвоночника, не может возглавить богатство, украденное у народа, то бишь у него?! Богатство никуда не исчезло, его можно потрогать, на него можно посмотреть, но возглавить его нельзя. Несправедливо!

Скучно господа, скучно. Нет ничего нового в русской истории. Заглядываем в 16 век и видим, как государь отдает на откуп частной инициативе отрасли вздорные и неприбыльные, и как он же забирает их в госмонополию в тот момент, когда они стали вдруг очень прибыльными, и как при этом «трясут» излишне разбогатевшего купца, отписывая в казну его достояние. Да как же и не отписать, коль он, шельма, как только разбогател, так сразу предался иностранным государям, да и о самодержце отзывался непочтительно. Скучно господа, скучно.

И ныне мы видим тоже. В начале 90-х сферы убыточные или малоприбыльные, чреватые рисками были отданы в руки частного капитала. Отданы зачастую с многочисленными нарушениями и хищениями. Чиновники, отдавшие их, свою мзду получили и укатили заграницу или благоденствуют здесь. В хозяйских руках и благодаря конъюнктуре эти отрасли расцвели. И теперь новая бюрократия жаждет их вернуть. Еще бы, им то мзду за всё это никто не давал!

Так начинается формирование нового «как бы» шестого цивилизационного проекта. Проекта «вертикали и административного ресурса». Суть его состоит в том, что в девяностые бюрократия пожертвовала частью власти ради приобретения возможности более свободно пользоваться благами, даваемыми властью. Ныне же она желает её вернуть.

Сегодня: Будущее созидается на наших глазах.

Миллениум ознаменовался откатом, реакцией, движением в сторону реставрации политарных структур с сохранением ряда существенных модернизаций.

Реакция сопровождает каждую революцию, но причины реакции у каждой революции свои. Вот и у нашей революции есть особые причины для возникновения реакции. И главная из них - сохранение цивилизационной парадигмы. Во-первых, структуры прежнего политарного государства в основе были сохранены. Во-вторых, сохранилась бюрократия старого типа (все «пришельцы» ассимилированы). В-третьих, политарная собственность также сохранилась. Всё ещё существует огромный сектор госсобственности. Иначе говоря, важнейшие сферы общества по прежнему находятся в ведении государства, а люди, работающие в них, бюджетники - почти половина населения России. Они по-прежнему связывают свои интересы с интересами государства. Кроме того, существующая ныне частная собственность не является в полном смысле слова частной. Это «расщепленная» собственность. Официально она частная, но реально полностью зависит от бюрократии.

Здесь особый разговор. Приватизация и последующая деятельность частных предприятий повсеместно сопровождалась нарушениями закона. Да и сами законы были составлены так, что соблюдение их парализовывало частную деятельность. Тому виной и дань традиции, и заинтересованность чиновника в законе с повышенной «взяткоемкостью». Таким образом, ныне почти над каждым частным собственником занесен меч правосудия. И момент, в который оно нанесет удар, зависит всецело от бюрократии, от государства. Кроме того, существует большая произвольность в применении закона. Чиновник произвольно может отнять собственность или довести её владельца до разорения, сам при этом ничем не рискуя. В самом худшем,

почти фантастическом случае, максимум, что ему грозит за произвол – перевод на другую, столь же приятную должность, поскольку его действия, как правило, или инициированы либо одобрены вышестоящими органами.

Фактически, в России частная собственность – это собственность, делегированная отдельным персонам бюрократией-государством. Распоряжение ею подконтрольно и тысячами способов может быть изменено.

К числу «делегированной» собственности можно отнести собственность, которая по виду является частной, но в действительности принадлежит тому или иному чиновнику. Обладание ею непосредственно вытекает из занимаемого положения чиновником, впрочем, как и её сохранение.

Кроме того, к числу бюрократической собственности следует отнести собственность муниципальную – это гигантский сектор. Официально это общественная собственность. Но фиктивность российских процедур муниципальной демократии фактически превращает эту собственность в бюрократическую.

Таким образом, можно говорить о весьма необычной мутации политарной собственности. В течение 1990-х гг. размер этой собственности – собственности коллективного субъекта-бюрократии – внешне значительно сократился за счет перехода в частные руки. В действительности же, произошло латентное «расщепление» политарной собственности с созданием цепочек делегирования владения и распоряжения собственностью. В некотором роде можно говорить, что главный результат августовской революции – «капитализация» индустрополитаризма. С введением рынка и частной собственности начал формироваться не столько капитализм, хотя эта тенденция и присутствует, сколько произошло воспроизведение старых индустрополитарных структур в новых «одеждах».

И, наконец, в-четвертых, сохранилась прежняя ментальность «подданных» - инфантильное делегирование власти ответственности за свою жизнь и признание за этой властью права использовать почти все средства для её реализации. Даже класс «новых русских», занимающих структурно новую позицию, не преодолел эту ментальность.

В итоге революция оказалась непоследовательной, незавершенной[202] и, в конце концов, породила общую неудовлетворенность и ностальгию по прежним порядкам. С 2000 года наметился явный откат. Главный субъект этого движения вспять – «младшие группы» бюрократии, преимущественно «силовики». Они воспитаны в старом духе и ничего не получили при разделе собственности. В другой ситуации они, возможно, ещё долго бы занимали средний уровень управления, если бы старая бюрократия сама не уступила бы им власть. Бюрократия 1990-хх гг. отдала власть, ибо спешила воспользоваться плодами революции. Она решила, что теперь деньги и собственность и есть ключ к власти. Зачем сидеть в министерском кабинете, когда можно быть «олигархом» и иметь на содержании чиновников. До какого-то момента расчет был оправданным – послереволюционный хаос и слабость государства тому способствовали. Но в России всегда и ныне главной являлась власть, а не собственность. Как только волнение улеглось, очередные выборы привели к обновлению чиновничества. И новое поколение чиновников более не собирается быть на содержании «олигархов». Зачем быть марионеткой, коль можно, используя отработанные методы, экспроприировать олигархов и стать самим хозяевами всего. Именно так, или примерно так думают они на бытовом уровне. На уровне же политического сознания эта потребность выступает как программа возрождения российской государственности. Но поскольку россиянам известен лишь один образец российской государственности – политарный, постольку это возрождение оказывается движением вспять, движением в сторону политаризма.

Таким образом, начало XXI века в России ознаменовалось новой попыткой реализовать «**политарный проект**». Скорее всего, он был бы уже реализован, если бы люди заинтересованные в нем осознавали свою потребность. Но к счастью или к несчастью, они не являются социальными

[202] В принципе «завершенных» революций не бывает. Достаточно устоявшийся термин «завершенность» неявно исходит всё из того же представления, что история – это пьеса, разыгрываемая Мировым Духом. Акты этой пьесы начинаются и завершаются с тем, чтобы представление продолжилось. Либо не завершаются. Тогда это означает, что мировой дух затеял какой-то особенно хитрый, особенно трагический сюжет. Естественно, для позитивной социальной теории подобные метафизические предпосылки недопустимы. К тому же и факты показывают что даже такие блестящие революции, как Великая французская революция, влекут за собой серию следующих революций или хотя бы реформ. Новый порядок не складывается в одночасье.

теоретиками. Они полностью находятся во власти «иллюзорного сознания»: они не понимают, чего хотят; они не понимают к чему придут; и они не понимают, что это уже было в России и не однократно заканчивалось катастрофой. В их головах царят идеи великого государства, одухотворенной Руси, противостоящей западному разврату, и отческой власти правителей над добрым, но слишком доверчивым народом, оказавшемся во власти злых сил.

Если бы эти люди были социальными теоретиками и могли выразить свои потребности и намерения в адекватных понятиях, то они шли бы к своей цели прямо и быстро. Но этого нет, и поэтому речь идет о реставрации «вертикали», об активизации «административного ресурса», о шагах по повышению «безопасности», о борьбе с нарушениями закона, означающей в итоге деприватизацию.

Возможна ли полная реализация «политарного проекта»? Скорее всего, возможна. Это уже произошло в ряде республик экс-СССР: Туркменистан, Узбекистан, Азербайджан, Казахстан. И это может произойти в России. Всё дело в наличии «политарного ресурса», то есть, источника способного финансировать «политарный проект». Это может быть либо наличие массы дешевой рабочей силы, либо огромные природные запасы. Сам по себе индустрополитаризм крайне неэффективен и может существовать лишь за счет такого «внешнего» источника. Как и в названных странах, «политарный ресурс» в России есть - нефть. Соответственно, перспектива реализации в России «политарного проекта» напрямую зависит от её цены.[203] Здесь возможны три позиции: высокая, средняя, низкая. Эти три позиции определяют три возможных сценария будущего.

Позиция первая – цена на нефть аномально высока в течение пяти-восьми лет. Такое возможно. Например, возникает ситуация серьезной

[203] Напомним, что обвал советского индустрополитаризма был резко ускорен низкой конъюнктурой на нефть середины 1980-хх гг. Е. Т. Гайдар добавляет к этому, также и неспособность режима адаптироваться к новой ситуации.
Кстати, еще в 1920-хх гг. русские эмигранты указывали на неэффективность методов хозяйствования «Совдепии» и предсказывали её скорый крах. Их прогнозы не оправдались, поскольку они не смогли предвидеть ряд источников финансирования индустрополитаризма. Им и в голову не могло прийти, что советская власть сможет экспроприировать крестьянство – почти 80% населения России – и не быть свергнутой при этом. И они не смогли предвидеть возможность эксплуатации гигантских природных богатств страны.

нестабильности в одной или нескольких стран экспортеров нефти.[204] В этом случае поток нефтедолларов позволяет завершить политарный проект на фоне равнодушия более или менее обеспеченного народа. В итоге возникает нечто, что уже было в СССР, но в несколько ослабленном и модернизированном виде. Диктат идеологии отсутствует – она более рыхлая. Отсутствует автаркия и закрытость границ. Сохраняется «фасадная демократия», а рыночная идея и идея частной собственности не подвергаются сомнению, но их реализация допускается лишь в ограниченных секторах экономики.

На данный момент, мы наблюдаем движение именно в эту сторону. Это выражается в целом ряде мер, предпринимаемых элитой в сфере экономики и политики в последние пять лет. Рыночная экономика под контролем государства (независимые эксперты называют госкапитализмом или корпоративным государством): планы правительства в области народного хозяйства на ближайшие пятнадцать лет - 70% госсектора, 30% частной инициативы; частно-государственное партнерство в крупных активах; концессионные проекты под контролем государства; допуск иностранного капитала, но также под государственным контролем; крупные государственные программы; взаимодействие с Западом через частный сектор; крупное финансирование ВПК в целях восстановления статуса великой державы.

После 2000 г. наметилась весьма любопытная тенденция всё более оформляющаяся в новую форму капитализированного политаризма. Хотя, впрочем, она сильно напоминает систему кормлений в Московской Руси. Количество фирм с государственным участием стремительно возрастает, в основном за счет частных фирм, приватизированных в 1990-е гг. Чиновники, сообразно своему рангу, кооптируются в органы управления, соответствующих их положению фирм. Естественно, официально это делается для повышения эффективности контроля над фирмой, в которой заинтересовано государство. Но вознаграждение чиновнику, полагающееся от его фирмы, также оказывается весьма кстати.

[204] Кстати, в этом отношении, весьма изумляет недальновидность российской правящей элиты. Скорее всего, эта недальновидность прекрасно иллюстрирует почти полное отсутствие

Политико-правовые институты также реформируются. Укрепление властной вертикали, то есть фактически реставрация административно-командной системы: сворачивание демократических институтов; продуцирование новых бюрократических формаций; концепция «управляемой демократии»; парализация механизма референдума; реформа партийной системы; формирование «новой» номенклатуры; создание «государственной партии»; сворачивание прав и свобод граждан посредством «управляемых СМИ», принятие новых законов и подзаконных актов, направленных на осуществление большего контроля за частной жизнью граждан. Институт прописки не только не отменен, но и активизирован, посредством новых законов и актов о регистрации и гражданстве. В этом же свете следует рассматривать ограничение свободы собраний, ограничение свободы вероисповедания, наступление на право частной собственности через вновь вводимые подзаконные акты. В итоге – выхолащивание демократии, когда на поверхности европейские институты, а по сути – политарные структуры.

Посредством всех этих мер, правящая элита рассчитывает укрепить и возвысить Россию. Но итог их как всегда будет плачевным.[205] Вновь воссозданное политарное общество пожрет самое себя. Огосударствление нефтяного сектора приведет к резкому снижению его доходности. Он более не сможет выступать в качестве «ресурса политарного проекта». В какой-то момент этот внутренний дефект будет многократно усилен падением цены на нефть. Результат – неизбежное падение режима. Катастрофическое падение доходов от нефти будет означать резкое снижение уровня жизни и рост социальной напряженности. Её невозможно будет нейтрализовать силовыми методами, поскольку финансирование аппарата подавления также будет неуклонно снижаться. Если элита окажется дальновидной, то при

адекватной осознанности её тяготения к политарному проекту. Противоборствуя с США и выступая за урегулирование проблемы Ирака, она фактически рубит сук, на котором сидит.

[205] Современное общество можно уподобить сейсмически активному району. Оно содержит в себе различные слои, классы и компоненты, каждый из которых имеет свой вектор направленности социального интереса. Часто эти вектора оказываются взаимоисключающими. Если система управления государства гибкая – реальная демократия – то она учитывает все эти вектора и канализирует их, в итоге, в определенный социальный консенсус. Жесткая же вертикаль оказывается слишком ригидной: в какой-то момент системы обратной связи нарушаются, а большинство социальных интересов подгоняется под интерес деспотической власти. В итоге накапливаются деструктивные импульсы, которые в какой-то момент аккумулируются в социальное потрясение. В итоге жесткая государственная вертикаль

первых же признаках кризиса она начнет «мягкий демонтаж» политарного режима. Если же она попытается нейтрализовать кризис репрессивными методами, то обвал будет внезапным и кровавым, а «возмездие» – жестким.

Позиция вторая – цена на нефть резко падает в ближайшие 2-3 года.

Резкое снижение доходов бюджета и падение уровня жизни. Становление «политарного проекта» мгновенно сворачивается. Свершается «бархатная революция». Общество и представители государства разочаровываются в проекте правящей элиты и выталкивают наверх новую политическую силу, которая вольно или невольно осуществляет реформы капиталистического характера с сопутствующим восстановлением демократии. Здесь возмездие «бархатное».

Позиция третья – цена на нефть через два три года падает до среднего показателя. В этом случае возможны два варианта. Первый – он совпадает со сценарием №2, то есть мгновенное сворачивание политарного проекта. Второй – за счет использования ресурсов накопленных за предшествующие годы политарный проект все-таки реализуется. Но постепенное убывание ресурсов приводит к его банкротству.

Будущее темно и туманно. Но некоторые вещи можно увидеть уже сейчас. Скорее всего, мы стоим на пороге крутых преобразований и больших потрясений. И здесь можно лишь надеяться на то, что они не будут катастрофическими. Но уже сейчас можно признать следующее:

С конца XX века Россия бесповоротно включается в орбиту западной капиталистической цивилизации. Попытки реставрации старой российской цивилизационной парадигмы возможны, но не долговременны. Они способны пустить по ветру множество экономических и политических бонусов, порожденных конъюнктурой, еще более увеличить отставание России от Запада. Но они неспособны, явить полноценную альтернативу «западному» пути развития.

оказывается подобной дому, выстроенному на жестком фундаменте в сейсмически активном районе. Землетрясение превращает его в груду обломков.